

К.А. АВЕРЬЯНОВ

БИТВА НА КАЛКЕ 1223 г.

Русские княжества
накануне монголо-татарского
нашествия

Новейшие исследования
по истории России

Российское военно-
историческое общество

К.А. АВЕРЬЯНОВ

**БИТВА НА КАЛКЕ.
1223 г.**

Русские княжества накануне
монголо-татарского нашествия

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(47)034
ББК 63.3(2)42
А19

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Новейшие исследования по истории России»
основана в 2016 г.

Рецензенты: к. и. н. Дитяткин Д.Г., Шполянский Д.В.

Карты к книге выполнены д. и. н. С.Н. Темушевым, профессором
кафедры истории России исторического факультета
Белорусского государственного университета

Аверьянов К.А.
А19 Битва на Калке. 1223 г. Русские княжества накануне
монголо-татарского нашествия. — М.: Центрполиграф,
2023. — 254 с. — (Новейшие исследования по истории
России).

ISBN 978-5-227-10445-8

Хотя битва на Калке, ставшая первым столкновением Руси с монголо-татарами, входит в обязательную программу всех школьных и вузовских учебников, она остается во многом загадочной для историков. Споры идут о месте сражения, поскольку на современных картах реки с таким названием нет. Дискуссии разворачиваются не только о дне, но даже о годе битвы. Нет единства мнений о численности сражавшихся, маршруте движения противников. Каким образом с битвой связаны знаменитая комета Галлея и Карл Маркс, участвовал ли в битве русский богатырь Алеша Попович, какую роль сыграла река Калка в судьбе ордынского темника Мамай? Можно ли сейчас, по прошествии 800 лет, восстановить события прошлого? На основе анализа всей совокупности исторических источников автор отвечает на эти и другие вопросы.

УДК 94(47)034
ББК 63.3(2)42

ISBN 978-5-227-10445-8

© Аверьянов К.А., 2023
© «Центрполиграф», 2023
© Художественное оформление,
«Центрполиграф», 2023

БИТВА НА КАЛКЕ. 1223 г.

**Русские княжества накануне
монголо-татарского нашествия**

Оглавление

Вместо предисловия	6
<i>Глава 1.</i> Пролог	10
<i>Глава 2.</i> Летописи и «Повесть о битве на Калке».....	19
<i>Глава 3.</i> Был ли Александр Попович участником битвы?.....	48
<i>Глава 4.</i> Когда произошла битва?	63
<i>Глава 5.</i> Выступление русских князей	85
<i>Глава 6.</i> Марш к Калке	108
<i>Глава 7.</i> Катастрофа.....	130
Заключение	153
<i>Приложения.</i> Основные источники о битве на Калке	157
Примечания	206
Географический указатель	237
Именной указатель	244

Вместо предисловия

Одним из самых загадочных сражений русской военной истории является битва на реке Калке, ставшая прологом монголо-татарского нашествия, в результате которого на Руси на два с половиной столетия воцарилось ордынское иго. Хотя битва является обязательным пунктом всех школьных и вузовских учебников по истории, а связанные с ней события никогда не исчезали из поля зрения специалистов, нашли отражение в художественной¹ и научно-популярной литературе² и даже стали темой различных молодежных научных конкурсов³, дискуссии по поводу нее идут почти два столетия.

Историки до сих пор спорят о том, когда состоялась битва? Еще в середине XIX в. академик А.А. Куник (1814—1899) писал: «Если бы нужно было указать в русской истории хронологический пункт, который бы обнаружил всю неудовлетворительность чисто механической методы обработки русской хронологии, то всего лучше было бы избрать для этого вопрос о времени битвы при Калке. Доказательством тому служит уже то обстоятельство, что историки-исследователи относили это событие то к 1223, то к 1224, то к 1225 г.»⁴. Неясен даже день битвы. В летописях можно встретить 30 и 31 мая, 16 июня и даже 16 июля.

Говоря о месте битвы, называют реку Калку. Однако такой реки нет ни на одной известной географической карте. Разумеется, за восемь столетий, прошедших с момента разыгравшихся на ее берегах событий, она могла изменить название. Учитывая эту возможность, историки предложили несколько вариантов — где могло происходить сражение. Но ни один из них не является общепризнанным.

Среди ученых существуют разногласия и по другим вопросам, связанным с битвой, — числу русских князей, принявших участие в походе, его маршруте, количеству погибших. Подобные разногласия характерны и для школьных учебников по истории, по которым, возможно, учились вы или ваши дети.

Учебник по истории России А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной сообщает, что в битве были убиты шесть русских князей. В то же время учебник Н.М. Арсентьева, А.А. Данилова, П.С. Стефановича, А.Я. Токаревой утверждает, что в битве на Калке погибло более десяти князей. Учебник Т.В. Черниковой и К.П. Чиликина доводит эту цифру до двенадцати. Стремясь обойти вопрос о точной дате сражения, некоторые авторы уклончиво пишут, что оно состоялось в конце мая. И.Н. Данилевский, И.Л. Андреев, М.К. Юрасов, авторы еще одного учебника, желая избежать неудобных вопросов, датой битвы указали только 1223 г. Просматривая указанные пособия, можно отметить еще целый ряд других ошибок и неточностей⁵.

Грешат домыслами и работы профессиональных историков. Так, доктор исторических наук А.Я. Дегтярев (1946—2022), описывая поход Мстислава Галицкого, писал: «Впереди двигалась конная дружина. Дружинники, одетые в кольчуги и шлемы, вооруженные мечами и копьями...» Вес кольчуги начинался от 10 кг. Самый простой шлем весил от 1,5 кг, доходя до 3 кг. Примерно такую же массу имели мечи. Вес копья составлял от 2 до 3 кг. Неудивительно, что все это вооружение во время марша перевозилось на телегах, а воины вооружались только перед боем, что требовало известного времени. Читаем далее: «За конницей шли воины с камнеметами и арбалетами». Однако на Руси арбалеты (у нас их именовали самострелами) появляются столетием позже. Рассказывая, что Мстислав Киевский решил обороняться в своем стане, историк привел детали: «Срочно начали строить укрепления — сооружали рвы, копали и прикрывали ветками волчьих ямы... Вся возвышенность была окружена частоколом, который для большей крепости был обложен камнями»⁶. Осталось, правда, неясным, откуда киевскому князю удалось найти в практически безлесной степи столько деревьев?

То же самое можно сказать о картах сражения на Калке, кочующих из одного издания в другое. В условиях, когда даже неизвестно точное место битвы, их сомнительность очевидна.

Чтобы разобраться в этих и других вопросах, необходимо обратиться непосредственно к историческим источникам, описавшим события на реке Калке. В первую очередь речь должна идти о русских летописях, сохранивших свидетельства о первом столкновении русских с монголо-татарами. Полные подробностями конкретного характера, они имеют между собой ряд весьма существенных различий, и поэтому картину тех давних событий приходится восстанавливать только путем их взаимного сопоставления (для удобства читателя основные источники вынесены в приложении к книге).

Следует также оговорить тот факт, что во всех летописных описаниях битвы на Калке говорится о *татарах*, тогда как большинство современных историков предпочитают употреблять термин *монголы*. Впервые разницу между этими словами разъяснил в 1845 г. архимандрит Иакинф Бичурин (1777—1853), востоковед и путешественник, знаток китайского языка, один из основоположников школы отечественного востоковедения, получивший общеевропейскую известность. По этому поводу он писал: «Коренного слова *татарин* нет ни в каком азиатском языке. Западные европейцы, вероятно, вначале приняли это слово от русских, и под сим именем разумели обитателей Средней Азии, служивших под знаменами Чингисхана и преемников его, а впоследствии неправильно распространили его на три народа, искони занимающие Среднюю Азию: тюрков, монгол и тунгусов. Три сии народа отличны один от другого и обликом, и языком, и обычаями: но ученые Западной Европы, по совершенному неведению сего различия, слили их в один народ, а впоследствии, для прояснения сбивчивости в понятиях, принуждены были прибегнуть к странным выражениям: *монгольский татарин*, *маньчжурский татарин*, вместо монгол и маньчжур, а иногда обоих называют общим именем: китайские татары, и пишут: татары составляют народ воинственный. Кто же эти татары: турки, монголы или тунгусы? А что русские летописцы, при первом нашествии монголов на Россию, под словом *татарин* также разумели воинов Чингисхана, без различия племен, то ясно видно из слов Софийского временника: *приидоша неслыхании безбожнии Моавитяне, рекоми Татарове, их же добре ясно ни кто не светъ, кто суть и откуда приидоша, и что язык их, и которого племени*

суть, и что вера их; зовут я Татары. Если монголы были в то время народ неведомый русским ни по торговым сношениям, ни по слухам, то каким же образом последние знали, что *зовут я Татары?* Отсюда с большой вероятностью можно заключить, что монголы вторглись в Россию в 1224 году еще под прежним народным своим названием *татань*, а по северному произношению *татан*. Русские изменили это слово в *татар* и первые сообщили монахам, отправленным в половине XIII века, а папские послы, из ревности к вере, превратили это слово в *тартар*... Русские мало-помалу перенесли слово *татарин* на всех инородцев, говорящих тюркским языком и исповедающих Могаммедов закон, и доныне употребляют это слово в последнем значении: например *крымский татарин, оренбургский татарин, ташкентский татарин*; но монголов и тунгусов никогда не называют татарами. Западные европейцы, напротив, удержали слово *татарин* в прежнем значении»⁷. В книге мы будем придерживаться принятого ныне у отечественных историков термина *монголо-татары*.

Глава 1

ПРОЛОГ

Рассказ о битве на Калке обычно начинают с событий начала XIII в. в далекой Монголии, когда предводителю одного из монгольских племен Тэмуджину, сыну Есугэй-багатура, удалось подчинить своему владычеству все остальные племена (монголов, кэрэитов, меркитов, ойратов, найманов, татар). Весной 1206 г. на съезде (курултае) монгольских князей он был провозглашен великим ханом с именем Чингисхан. К этому времени ему исполнилось 50 лет.

Новое монгольское государство носило ярко выраженный военный характер, основанный на централизованной военно-административной системе, в которой самые мелкие единицы представляют собой группы семей кочевников, обязанных выставлять для походов или облавных охот десять воинов. Они складывались в сотни, тысячи и десятки тысяч воинов. Наиболее крупной тактической единицей монгольской армии XIII—XV вв. считались тумены (от *тюрк.* *tūmān*), куда обычно входило 10 тысяч всадников и которые возглавлялись зависимыми от Чингисхана вассалами (нойонами), связанными с ним присягой верности. Особое место в структуре монгольского общества занимали Чингизиды, представлявшие род самого Чингисхана. Только им могла принадлежать верховная власть.

Первыми нашествию войск Чингисхана подверглись государства тангутов и чжурчжэней на территории современного Китая. Воспользовавшись распрями среди уйгурского общества, монголы установили свою власть в Восточном Туркестане и Семиречье. Это привело к столкновению с государством хорезмшахов. К началу XIII в. Хорезм представлял собой сильное мусульманское государство, политическое и экономическое значение которого зиждилось на том факте, что его столица Ургенч являлась узлом караванных путей, со-

единявших восточный мир с западным. Благодаря этому хорезмшахам удалось объединить целый конгломерат стран, включавших большую часть Средней Азии, Афганистана и Ирана. Богатства Хорезма были настолько велики, что не могли не привлекать монголо-татар. В 1219 г. под командованием Чингисхана начался поход, в котором, как считается, участвовало около 150 тысяч воинов.

Узнав, что хорезмшах Мухаммад бежал за Амударью, Чингисхан весной 1220 г. направил против него два тумена своих нойонов Джебе (ок. 1165—1224) и Субедея (1176—1248) для захвата западных владений этого государства — Аррана, Азербайджана, Ирана и Ширвана. По сообщениям восточных источников, Джебе и Субедею было приказано возвратиться через Дешт-и-Кипчак — полосу степей, протянувшуюся через всю Евразию от Венгрии до Алтая. Историками этот поход традиционно рассматривается как разведывательный рейд в рамках подготовки большого похода для завоевания стран Запада⁸.

Сражение на Калке для монголо-татар стало одной из битв во время этого похода. Численность монголо-татарских войск, направившихся на запад, обычно определяют то в 20 тысяч, исходя из принятой оценки размера одного тумена, то в 30 тысяч воинов. Последняя цифра основана на свидетельстве персидского ученого-энциклопедиста Рашид ад-Дина (ок. 1247—1318), что к туменам Джебе и Субедея должен был присоединиться следовавший за ними третий тумен. Но он понес большие потери, а его начальник Тукучар (зять Чингисхана) погиб⁹. Правда, при этом не учитывается тот факт, что завоеватели нередко привлекали в свои войска представителей покоренных народов. Это восполняло потери монголо-татар во время похода и увеличивало их численность.

Основным и чуть ли не единственным источником по истории действий монголо-татар (с их стороны) во время похода против половцев и на Русь является «Ал-Камил фи-т-тарих» («Полный свод истории») арабского историка и писателя Изз ад-Дин Абу-л-Хасана Али ибн Мухаммада аль-Джазири, более известного под именем Ибн аль-Асира (1160—1234), который был не только ученым и богословом, но и сделал себе карьеру при дворе атабеков Мосула. Его труд представляет собой многотомную хронику истории мусульманских стран от «сотворе-

ния мира» до 628 г. хиджры (мусульманского летоисчисления, точкой отсчета которого считается переселение пророка Мухаммада из Мекки в Медину, произошедшее в 622 г. н. э.), то есть 1230/1231 г. Не являясь очевидцем событий, Ибн аль-Асир черпал сведения о них благодаря работе в знаменитых библиотеках того времени, включая одну из самых крупнейших и богатейших в Багдаде. При этом, как указывает сам Ибн аль-Асир, многие сведения были почерпнуты им в том числе из рассказов очевидцев тех или иных событий, что делает его сочинение еще более ценным¹⁰.

Пройдя огнем и мечом Северный Иран, Джебе и Субедей обошли с юга Каспий и оказались на территории Закавказья. Началась ожесточенная борьба местных народов против захватчиков. По сообщению современника событий армянского историка Киракоса Гандзакеци (ок. 1203—1271), после того как грузинский царь Георгий IV Лаша (сын знаменитой царицы Тамары) «собрал... войско более многочисленное, чем в первый раз, и вознамерился дать бой неприятелю. А [татары], взяв с собой жен, детей и все свое имущество, намеревались пройти через Дербентские ворота в свою страну. Но мусульманское войско, находившееся в Дербенте, не пропустило их. Тогда они перевалили через Кавказские горы по неприступным местам, заваливая пропасти деревьями и камнями, имуществом своим, лошадьми и военным снаряжением, переправились и вернулись в свою страну. И звали их предводителя Саабата Багатур»¹¹.

Дербент представлял собой мощный оборонительный комплекс, состоявший не только из цитадели Нарын-Кала и двойных городских стен, спускавшихся к морю, а также построенной еще персами тридцатикилометровой стены с укрепленными боевыми башнями. Пройти через Дербент имеющимся у монголо-татар силами было невозможно.

Ибн аль-Асир сообщает подробности: «Покончив с Шемахою, татары хотели пройти через Дербент, но не смогли и отправили посла к ширваншаху — дербентскому правителю, говоря ему, чтобы [он] отправил к ним посла для заключения мира. Он послал десять человек из лучших своих знатных людей, а они [монголы] взяли одного и убили, остальным же сказали: „Если вы укажете нам дорогу, по которой нам пройти, то вам будет пощада, а если не сделаете этого, мы убьем

и вас“». Оставшиеся в живых девять посланцев вынуждены были провести завоевателей через труднопроходимое Ширванское ущелье на Северный Кавказ¹². По расчетам В.К. Романова, это было примерно летом—осенью 1222 г.

Здесь захватчикам противостояли аланы (предки современных осетин), вступившие в союз с половцами (кипчаками), уже более столетия кочевавшими в местных степях. Войска Джебей и Субедея несколько раз сразились здесь с алано-половецким военным альянсом. Не сумев добиться победы, монголо-татары пошли на хитрость и смогли разъединить вчерашних союзников. По Ибн аль-Асиру, «татары послали к кипчакам сказать: „Мы и вы одного рода, а эти аланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру, и мы обещаем вам, что не нападем на вас, а принесем вам денег и одежд сколько хотите; оставьте нас с ними“. Уладилось дело между ними на деньгах, на одеждах и пр.; они [татары] действительно принесли им то, что было выговорено, и кипчаки оставили их [алан]. Тогда татары напали на алан, произвели между ними избиение, бесчинствовали, грабили, забрали пленных и пошли на кипчаков, которые спокойно разошлись на основании мира, заключенного между ними, и узнали о них только тогда, когда те нагрянули на них и вторглись в землю их. Тут стали они [татары] нападать на них раз за разом и отобрали у них вдвое против того, что [сами] им принесли. Услышав эту весть, жившие вдали кипчаки бежали без всякого боя и удалились; одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну русских»¹³.

Уточнить маршруты передвижения монголо-татарских войск через Северный Кавказ позволяют данные археологии. Места возможной локализации сражений алано-половецких войск с отрядами Джебей и Субедея ныне определяются на правом берегу реки Сунжи, на отрезке от места ее впадения в Терек до современного Гудермеса. Это предположение подкрепляется многочисленными случайными находками в этом районе предметов вооружения.

Дальнейшее движение войск Джебей и Субедея от места слияния Сунжи и Терека восстанавливается предположительно. Начавшаяся погоня за отошедшими половцами могла осуществляться несколькими отрядами, что косвенно подтверждается Ибн аль-Асиром, рассказывающим, что «стали они

[татары] нападать на них раз за разом». В качестве маркеров, уточняющих направления подобных нападений, специалистами было предложено учитывать известные ныне в регионе находки предметов чжурчжэньского происхождения, а также китайских монет.

Успех монголо-татар во многом объяснялся тем, что они использовали свою излюбленную тактику разъединения сил противника. В конце XII — начале XIII в. в южнорусских степях насчитывалось четыре половецких объединения: северокавказское, донское, приднепровское и заднепровское. Очевидно, в 1222 г. первым пало северокавказское объединение половцев. Затем наступила очередь донского половецкого союза. Те вышли навстречу монголо-татарам со своим сильнейшим ханом Юрием Кончаковичем, сыном знаменитого в прошлом хана Кончака (того самого, у которого в плену находился князь Игорь Святославич, герой «Слова о полку Игореве»). Однако стратегическая инициатива была упущена, и они вынуждены были обратиться в бегство, во время которого Юрий Кончакович погиб¹⁴, как и Даниил, сын не менее известного хана Кобяка. Разгромленные половцы бежали частью к русским границам, частью в Крым. Одновременно с ними потерпели поражение ясы (ветвь современных осетин, жившая по Дону), а также обезы и касоги (предки нынешних абхазов и адыгов).

Следующей целью монголо-татар стал крымский торговый город Судак (Сугдея), о чем сообщает все тот же Ибн аль-Асир: «Придя к Судаку, татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них со своими семействами и своим имуществом взобрались на горы, некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую...» Он именуется Судак городом кипчаков, сообщая детали местного товарооборота: «К нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, бургасские меха, бобры, белки».

Установить точную дату захвата Судака завоевателями историкам удалось еще в XIX в., когда в 1840-х годах в библиотеке богословской школы на греческом острове Хилос была обнаружена харатейная рукописная книга на греческом языке, написанная в XII в. в крымском городе Сугдея (ныне хранится в Стамбуле). Она представляет собой собрание

синаксариев (исторических сведений о каком-либо православном празднике или о каком-то святом), расположенных в последовательном хронологическом порядке по дням юлианского календаря. Поэтому в научной литературе за этой книгой закрепилось название Синаксария, хотя правильной было бы отнести ее к типу прологов. Книга дефектна: первые листы утеряны, сохранившаяся рукопись начинается не с сентября (то есть церковного новолетия), а с середины декабря. Было высказано вполне обоснованное предположение, что книга на протяжении нескольких столетий использовалась в службе кафедрального Софийского собора Судака.

Главную историческую ценность данного памятника составляют записи на полях Синаксария рядом с календарными датами. Содержание большинства из них некрологическое (сообщения о смерти тех или иных лиц), но также встречаются праздничные (освящения храмов, церковные ритуалы) и трагические (нашествия врагов, природные катаклизмы) сообщения, описания различных эпизодов из истории города, нравоучительные рассуждения и пр.

В 1863 г. архимандрит Антонин (А.И. Капустин), начальник русской духовной миссии на Святой земле и одновременно действительный член Одесского общества истории и древностей, опубликовал все различные рукописные пометки судакского Синаксария с собственным переводом и комментариями в «Записках» этого общества. Наше внимание привлекает заметка № 33 к дате 27 января: «В тот же день пришли впервые татары 6731 [1223] года». Именно в этот день в Судаке появились монголо-татары¹⁵.

К сожалению, у нас нет сведений, каким образом монголо-татары попали с Северного Кавказа в Крым. Возможны два пути: кратчайший — через Тамань и Керченский пролив, и более длинный, чисто сухопутный, — через низовья Дона, Северное Приазовье и Перекоп. По мнению С.А. Плетневой (1926—2008), к которому позднее присоединился киевский историк О.Б. Бубенок, монголо-татары выбрали первый вариант и преодолели Керченский пролив.

В пользу этого говорят случаи замерзания пролива зимой. По свидетельству Геродота, в V в. до н. э. пролив покрывался льдом, благодаря чему скифы, жившие в Тавриде, имели возможность ездить по льду на повозках до земли синдов. В 1792 г.

на Таманском полуострове была найдена мраморная плита (так называемый «Тмутараканский камень»), на котором было выбито: «В лето 6576 [1068] индикта 6 Глеб князь мерил море по льду от Тмутараканя до Корчева 14000 сажен». По свидетельству турецкого автора Эвлия Челеби, побывавшего в Крыму и на Тамани в 1666—1667 гг., переправа из Тамани на Керченский полуостров по льду осуществлялась не только пешком, но также верхом на лошадях и даже на санях¹⁶.

Однако большинство историков, к которым присоединяемся и мы, указывая на редкость фактов замерзания Керченского пролива, прокладывали дальнейший путь монголо-татар вдоль северного побережья Азовского моря и через Перекопский перешеек в Крым¹⁷.

Между тем приход зимы означал приостановку военных действий. Причиной этого было то, что монголо-татары не брали с собой фуража для лошадей, а их необходимо было кормить. Весной и летом обходились травой, которой предостаточно в степи. С появлением устойчивого снежного покрова это грозило бескормицей и падежом лошадей. Выход из данной ситуации был найден еще кочевниками, жившими в Северном Причерноморье за полторы тысячи лет до описываемых событий. Зародившийся в скифо-сарматскую эпоху переход к кочевничеству вовлек в хозяйственный оборот огромные незаселенные и ранее не использовавшиеся степные пространства. Пастухи весной угоняли табуны на дальние пастбища, перекочевывая вместе со скотом, и лишь осенью возвращались обратно, в Крым и прилегающую часть Тавриды, где снег хотя и выпадает ежегодно, но снежный покров образуется не всегда.

Следами этой формы хозяйствования являются так называемые «татарские шляхи» — широкие степные дороги, шедшие из Крыма к северной границе степи. В Днепро-Донском междуречье это — Муравский, Ногайский, Изюмский, Кальмиусский и другие шляхи. Самый известный из них, Муравский, проходил по водоразделам рек на протяжении полутора тысяч километров от Перекопского перешейка вплоть до среднего течения Оки — туда, где открытые степные и лесостепные пространства сменялись сплошными лесами.

На всем этом пути, тщательно обходя речные долины и глубокие балки, Муравский шлях пересекал лишь две водные

преграды — реку Быструю Сосну у позднейших Ливен и Упу в районе современной Тулы. Тем самым он идеально подходил для перекочек и активно использовался вплоть до XVIII в. Считается, что он получил свое название от слова «мурава» — молодая трава. На высоких участках степи снег весной сходил раньше, земля высыхала скорее и быстрее появлялась трава, необходимая лошадям¹⁸.

Помимо шляхов, шедших от Перекопа на север к востоку от Днепра, известны аналогичные шляхи на территории Правобережной Украины: Черный, Кучманский, Волосский шляхи.

К сожалению, история «татарских шляхов» никогда не становилась предметом специального изучения. Исходя из их определения «татарские», выдвигалась версия, что они возникли уже после распада Золотой Орды в период образования отдельных ханств на юге Восточной Европы, когда к началу XVI в. относятся первые упоминания о нападениях татар с использованием шляхов. Другие связывают их происхождение с нашествием Батыя в XIII в.

Филологи возводят слово «шлях» к немецкому *schlagen* — «бить, ударять». Получается «набитый, утопанный путь». Применительно к отдельным шляхам, в частности к Кальмиусскому, применялось слово «сакма», означавшее «след, оставленный в степи». «Сметить сакму» означало найти следы прошедшего отряда, зайти ему в тыл, по следам определить примерное количество противника и доставить сведения в свой лагерь. Действительно, шляхи, по которым неоднократно проходили тысячи лошадей, были хорошо заметны в степи из-за того, что почва на них выбивалась конскими копытами дочерна, а также благодаря навалкам, образованным с двух сторон дорог при выбивании почвы¹⁹. Как правило, шляхи имели в ширину 20—30 сажень (40—60 м).

Свое существование шляхи прекратили в XIX в. из-за массовой распашки земель в результате русско-украинской колонизации, изменения дорожной сети и железнодорожного строительства.

С учетом данного фактора выясняется окончательный маршрут туменов Джебе и Субедея вдоль северного побережья Азовского моря перед зимовкой в Крыму, где имелись благоприятные условия для зимнего выпаса лошадей. Согласно Ибн аль-Асиру, «жившие вдали кипчаки бежали без вся-

кого боя и удалились; одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну русских. Татары остановились в Кипчаке. Это земля обильная пастбищами зимой и летом; есть в ней места прохладные летом с множеством пастбищ и [есть в ней] места теплые зимой [также] со множеством пастбищ, то есть низменных мест на берегу моря».

Что касается упомянутых Ибн аль-Асиром потерпевших поражение кипчаков, без боя укрывшихся в горах и болотах, локализация этих мест возможна в горных районах черноморского побережья Крыма, а также в районе залива Сиваш²⁰. Относительно «живших вдали кипчаков», бежавших «без всякого боя», речь, несомненно, идет о приднепровском половецком союзе, возглавлявшемся ханом Котяном. Он предпочел не испытывать судьбу и вместе со всей своей многотысячной ордой появился на границе Руси. Представление о ее размерах дает тот факт, что через полтора десятилетия после событий на Калке Котян, разбитый войсками Батыея, в 1239 г. бежал с 40 тысячами единоплеменников в Венгрию, где король Бела IV принял его в подданство и дал земли для поселения²¹.

Но, судя по всему, главной причиной бегства Котяна стало то, что монголо-татары заняли места зимовок его половецкого союза, что грозило падежом скота и голодом его соплеменников.

Для русских летописцев все эти события стали крайне неожиданными. До этого они мало обращали внимания на достаточно далекие военные столкновения. Британский историк-славист Джон Феннел (1918—1992) по этому поводу замечал: «Создается впечатление, что русские либо ничего не знали о походах и завоеваниях полчищ Чингисхана, либо не делали об этом записей, по непонятным причинам игнорируя военные успехи татаро-монголов»²². И лишь только когда боевые действия приблизились к границам Руси, выяснились размеры нового нашествия. Именно с этого времени русские летописи становятся нашим главным источником по истории событий, связанных с битвой на Калке.

Глава 2

ЛЕТОПИСИ И «ПОВЕСТЬ О БИТВЕ НА КАЛКЕ»

Основные сведения о битве на Калке отразились в трех наиболее ранних русских летописях, дошедших до нашего времени. Долгое время древнейшими считались Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, поскольку именно в их начальной части содержится «Повесть временных лет», рассказывающая о первоначальной русской истории. Первенство при этом отдавалось Лаврентьевской летописи. Свое название она получила от имени своего создателя суздальского монаха Лаврентия и дошла до нас в пергаменном списке 1377 г. (указание на эту дату имеется в самой летописи). Ипатьевская летопись (свое название она получила по списку, хранившемуся в костромском Ипатьевском монастыре) датировалась XV в. Позднее, после анализа водяных знаков использованной для нее бумаги, выяснилось, что список был написан между 1404 и 1428 гг.²³

Что касается Новгородской первой летописи, то она дошла до нас в двух изводах (редакциях). К старшему, более раннему, изводу относится единственный пергаменный Синодальный список, состоящий из двух разновременных частей, первая из которых содержит известия за 1016—1234 гг. и написана двумя почерками конца XIII в., в одном из которых признается рука Тимофея, пономаря церкви Святого Якова из новгородской церкви Людина конца²⁴. Это дало основание считать именно ее древнейшей русской летописной рукописью.

Сообщение *Лаврентьевской летописи* довольно кратко. Даем его в переложении на современный язык:

«В год 6731 (1223)... В тот же год пришли народы, о которых никто точно не знает, кто они, и откуда появились, и каков их язык, и какого они происхождения, и какой веры. И называют их татары, а иные говорят таурмены, а другие — печене-

ги. Некоторые говорят, что это те народы, о которых Мефодий, епископ Патарский, сообщает, что они вышли из пустыни Етриевской, находящейся между востоком и севером. Ибо Мефодий говорит так: „К скончанию времен появятся те, которых загнал Гедеон, и пленят всю землю от востока до Евфрата, и от Тигра до Понтийского моря, кроме Эфиопии“. Один Бог знает, кто они и откуда пришли, о них хорошо известно премудрым людям, которые разбираются в книгах. Мы же не знаем, кто они такие, а написали здесь о них на память о русских князьях и о бедах, которые были от этих народов.

И мы слышали, что татары многие народы пленили: ясов, обезов, касогов, и избили множество безбожных половцев, а других прогнали. И так погибли половцы, убиваемые гневом Бога и Пречистой Его Матери. Ведь эти окаянные половцы сотворили много зла Русской земле. Поэтому всемилостивый Бог хотел погубить и наказать безбожных сыновей Измаила куманов, чтобы отомстить за христианскую кровь; что и случилось с ними, незаконными. Эти таурмены прошли всю землю куманов и подошли близко к Руси на место, которое называется Половецкий вал. Узнав об этом, русские князья Мстислав Киевский, и Мстислав Торопецкий, и [Мстислав] Черниговский, и прочие князья решили идти против татар, полагая, что те нападут на них. И послали во Владимир к великому князю Юрию, сыну Всеволода, прося помощи у него. Он же послал к ним благочестивого князя Василька, племянника своего, с ростовцами, но Василько не успел прийти к ним на Русь. А князья русские выступили и бились с ними [татарами], и были побеждены ими, и немногие избегли смерти; кому выпал жребий остаться в живых, те убежали, а прочие перебиты были. Мстислав Старый, добрый князь, тут убит был, и другой Мстислав, и иных семь князей погибло, а бояр и прочих воинов многое множество. Говорят, что только одних киевлян в той битве погибло десять тысяч.

Плакали и горевали на Руси и по всей земле, слышавшие эту беду. Это зло случилось месяца мая в 30-й день, на память святого мученика Ермия. Услышав о том, что случилось на Руси, Василько повернул назад от Чернигова, сохраненный Богом, и силою Креста честного, и молитвой отца своего Константина и дяди своего Георгия. И вернулся он в свой город Ростов, славя Бога и святую Богородицу».

Рассказ *Ипатьевской летописи* о событиях битвы на Калке более чем в два раза объемнее аналогичного известия Лаврентьевской летописи и сообщает массу подробностей:

«В год 6732 (1224). Пришло неслыханное войско, безбожные моавитяне, называемые татарами; пришли [они] на землю Половецкую. Половцы пытались сопротивляться, но даже самый сильный из них Юрий Кончакович не мог им противостоять и бежал, и многие были перебиты — до реки Днепра. Татары же повернули назад и пошли в свои вежи. Половцы прибежали в Русскую землю и сказали русским князьям: „Если вы нам не поможете, то ныне мы были побиты, а завтра вы побиты будете“.

Был совет всех князей в городе Киеве, и решили на совете так: „Лучше нам встретить их на чужой земле, чем на своей“. На этом совете были Мстислав Романович Киевский, Мстислав Козельский и Черниговский и Мстислав Мстиславич Галицкий — они были старейшими князьями Русской земли. Юрия же, великого князя Суздальского, на том совете не было. А младшие князья были — Даниил Романович, Михаил Всеволодич, Всеволод Мстиславич Киевский и иных князей много. Тогда же крестился великий князь половецкий Басты. Василька же не было там, так как был по молодости во Владимире.

Оттуда же [из Киева] пошли они в апреле месяце и пришли к реке Днепру, к острову Варяжскому. И тут к ним прибыла вся земля Половецкая, и черниговцы приехали, и киевляне, и смоляне, и иных земель жители. И когда переходили вброд Днепр, от множества людей не видно было воды. А галичане и волынцы пришли каждый со своими князьями. А куряне, и трубчане и путивльцы, каждый со своим князем, прибыли конными. И изгнанники галицкие пришли по Днепру и вышли в море — ибо была у них тысяча лодок, и вошли в Днепр, поднялись к порогам и стали у реки Хортицы, на броду у Протолчи. И были с ними Юрий Домамирич и Держикрай Владиславич.

Дошли вести в стан, что пришли [татары] посмотреть русские ладьи; услышав же об [этом], Даниил Романович, сев на коня, погнался посмотреть на невиданную рать; и бывшие с ним конники и многие другие князья вместе с ним помчались смотреть невиданное войско. Оно же отошло, а Юрий сказал, что „это стрелки“. А другие говорили, что „это простые люди,

хуже половцев“. Юрий Домамирич же сказал: „Это ратники и хорошие воины“.

Вернувшись же, Юрий все рассказал Мстиславу. Молодые князья сказали: „Мстислав и другой Мстислав — не стойте! Пойдем на них!“ Все князья — Мстислав и другой Мстислав Черниговский — перешли реку Днепр, другие князья пришли [тоже], и [все они] пошли в поле Половецкое. Перешли же Днепр днем, во вторник, и встретили татары русские полки. Русские стрелки победили их, и гнали далеко в поле, избивая, и захватили их скот, и со стадами ушли, так что все воины обогатились скотом.

Оттуда же шли 8 дней до реки Калки. Встретила их татарская разведка. [Русская] же разведка билась с нею, и был убит Иван Дмитриевич и еще двое с ним.

Татары отошли к другой реке Калке. Встретили татары половецкие и русские полки. Мстислав Мстиславич же повелел вначале перейти реку Калку Даниилу с [его] полком и другим полкам с ним, а сам после них перешел, двигаясь в сторожевом отряде. Когда он увидел татарские полки, то вернулся и сказал: „Вооружайтесь!“ Мстислав Романович и другой Мстислав сидели в лагере и ничего не знали: Мстислав [Мстиславич] не сообщил им [о происходящем] из-за зависти, ибо была между ними великая распря.

Полки сошлись и сразились, Даниил выехал вперед, а Семен Олюевич и Василько Гаврилович ударили в полки татарские, Василько же был ранен. А самому Даниилу, раненному в грудь, по молодости и горячности не почувствовалось ран в теле, полученных им, ибо был он в возрасте 18 лет и силен.

Даниил крепко боролся, избивая татар. Видя это Мстислав Немой и подумав, что Даниил ранен, сам бросился на них, поскольку был мужественным и так крепок, а кроме того, был родственником Роману от рода Владимира Мономаха. Он очень любил его отца, который поручил ему свою волость после смерти, чтобы отдать ее князю Даниилу.

Когда татары побежали, Даниил избивал их со своим полком, и Олег Курский крепко бился с ним, но другие полки [татар] подходили сражаться с ними. За грехи наши русские полки были побеждены.

Даниил, видя, что сильнейшее войско наступает на [его] ратных, а татарские лучники осыпают их стрелами, повернул

своего коня и побежал под напором противника. Пока он бежал, сильно захотел воды. Когда пил, то ощутил рану на теле своем, в бою не знал о ней ввиду крепости и мужества своего возраста. Ибо был он дерзок и храбр, от головы до ног без изъяна.

И была победа над всеми князьями русскими. Такого же никогда не бывало. Татары, победив русских князей за прегрешения христианские, пришли и добрались до Новгорода-Святополча. Русские, не знавшие их коварств, вышли на встречу им с крестами и были все перебиты.

Ожидая покаяния христианского, Бог повернул [татар] и обратил вспять их на землю восточную, и воевали они землю Тангутскую и иные страны. Тогда же их хан Чингисхан был убит тангутами. Татары же обманули тангутов и впоследствии погубили обманом же. И другие же страны они погубили — ратью, а больше всего обманом».

Новгородская первая летопись по сравнению с Лаврентьевской и Ипатьевской летописями дает новые детали: «В год 6732 (1223)... В том же году из-за грехов наших пришел народ неведомый, который хорошо никто не знал, кто они и откуда пришли, и что за язык их, и какого они роду, и что за вера их. А называют их „татары“, а другие говорят „таурмены“, а третьи — „печенеги“. Иные же полагают, что это о них Мефодий, Патарский епископ, свидетельствует, будто вышли они из пустыни Этривской, лежащей между востоком и севером. Ведь так Мефодий говорит, что к скончанию века явятся те, которых изгнал Гедеон, и завоюют всю землю от востока до Евфрата и от Тигра до Понтского моря, кроме Эфиопии. Бог один знает, кто они и откуда пришли. Премудрые мужи, кто книги разумеют, знают их хорошо. А мы их не знаем, ни кто они, но здесь написал о них для того, чтобы помнили о них русские князья и о беде, что была от них. Ведь слышали мы, что многие народы они покорили: ясов, обезов, касогов и половцев безбожных множество избивали, а других загнали так, что они умирали, убиваемые гневом Божиим и Пречистой Его Матери. Много же зла сотворили те окаянные половцы Русской земле, потому всемиловитый Бог захотел погубить куман, безбожных сынов сыновей Измаила, чтобы отомстить за пролитую кровь христианскую; так и случилось с ними, беззаконными. Ведь прошли те таурмены всю страну

Куманскую и дошли до границы Руси, что зовется вал Половецкий. И прибежали окаянные половцы, остаток побитых, Котян с другими князьями, а Даниил Кобякович и Юрий были убиты и с ними множество половцев. Этот же Котян был тесть Мстиславу Галицкому. И пришел он с просьбой к князьям половецкими к зятю в Галич, к Мстиславу, и ко всем князьям русским, и дары принес многие: коней и верблюдов, и буйволов, и девок, и одарил князей русских, и сказал так: „Нашу землю татары теперь отняли, а ваша завтра взята будет“, и взмолился Котян о помощи зятю своему. И Мстислав начал просить братью свою, князей русских, так говоря: „Если мы, братья, половцам не поможем, то они сдадутся татарам и от того тех сила увеличится“. И так подумав много о себе, отправились князья в путь по просьбе и мольбе князей половецких. И начали воины пристраиваться каждый к полку своего князя. И выступили, собрав землю всю Русскую, против татар, а были они на Днепре, на Зарубе. Тогда же узнали татары, что идут русские князья против них, и прислали послов к русским князьям, так говоря: „Вот услышали мы, что идете вы против нас, послушав половцев, а мы вашей земли не трогаем, ни городов ваших, ни сел ваших, не на вас пришли, но пришли по Божьей воле на холопов и на конюхов своих, на поганых половцев. А вы заключите с нами мир; если половцы прибегут к вам, вы бейте их, а добро берите себе: потому слышали мы, что и вам много зла они причинили. Потому и мы их бьем“. Всего этого русские князья не послушали, но послов убили, а сами выступили против татар и, не дойдя Олешья, стали на Днепре. И прислали к ним во второй раз послов татары со словами: „Раз вы послушались половцев, а послов наших убили и идете против нас, то идите, но мы вас не трогали, и пусть нас рассудит Бог“, и отпустили русские их послов. Тогда же Мстислав перешел через Днепр и напал с тысячею воинов на сторожи татарские и победил их. А оставшиеся в живых татары вместе с воеводой своим Гемябеком спрятались в кургане половецком, и там некому им было помочь, и погребли живым в земле своего воеводу Гемябека, желая жизнь ему сохранить, а тут нашли его половцы и, выпросив у Мстислава, убили. Когда русские князья услышали про это, они перешли Днепр и выступили все вместе, преследовали татар 9 дней и зашли за

Калак реку. И послали в дозор Яруна с половцами, а сами станом стали тут. Тогда же Ярун столкнулся с татарами, желая биться, и побежали половцы назад, не успев ничего сделать, и потоптали, бежав, станы русских князей, не успевших выстроить свои полки. И смешалось все, и была сеча злая и лютая. Мстислав же, киевский князь, увидев это несчастье, не сдвинулся с места нисколючки. Ведь стал он на горе над рекою над Калкой, и было то место каменистое, и устроили здесь укрепление вокруг себя из кольев, и бились с ними из укрепления того три дня. Другие же татары выступили против русских князей, преследуя их до Днепра, а около укрепления того оставили двух воевод Чегирхана и Тешухана против Мстислава и зятя его Андрея и Александра Дубровецкого: были ведь эти два князя со Мстиславом. Здесь же и бродники с татарами были, и воевода Плоскына. И этот окаянный воевода, целовавший крест честной Мстиславу и обоим князьям, что их не убьют и отпустят за выкуп, обманул их, окаянный: предал их, связав, татарам. А татары укрепление взяли и людей посекали, и здесь русские пали костьми. А князей, взятых в плен, задавили, положив их под доски, а сами сверху сели обедать, и так они свою жизнь окончили. А других князей гнали до Днепра и убили шестерых: Святослава Яневского, Изяслава Ингваревича, Святослава Шумского, Мстислава Черниговского с сыном, Юрия Несвижского. Тогда же Мстислав Мстиславич прежде всех переправился через Днепр, оттолкнув от берега лодки, боясь, не идут ли за ним татары, а сам едва убежал. А из прочих воинов каждый десятый вернулся восвояси, а иных половцы убили из-за коня, а других из-за одежды. Вот так за грехи наши Бог посеял недоумение в нас и погибло бесчисленное множество людей. И был вопль и плач и печаль по городам и селам. Несчастье это случилось месяца мая в 31-й день, в день памяти святого Еремея. Татары же повернули от реки Днепра, и никто не знает, откуда они пришли и куда подевались: Бог знает, откуда пришли на нас за грехи наши».

Таковы известия древнейших сохранившихся летописей о битве на Калке. Мы не случайно дали их подробное изложение, поскольку три летописных рассказа о битве на Калке существенно различаются между собой. Каждый из них содержит большое количество оригинальной, независимой друг от друга информации.

Поскольку сохранившиеся списки летописей были составлены через несколько десятилетий, а то и столетий после битвы на Калке, перед исследователями встал вопрос — каким образом рассказы о сражении попали в летописные своды, когда они были составлены?

Видный исследователь истории Древней Руси А.А. Куник подметил, что в Ипатьевской летописи описание переправы русских войск через Днепр явно было сделано очевидцем, о чем говорит имеющаяся в ней фраза: «вся намъ по соуху же Днѣпръ перешедшимъ»²⁵.

Дальнейшие поиски были направлены на установление личности этого очевидца. Как известно, Ипатьевская летопись представляет собой летописный свод, состоящий из трех основных частей: «Повести временных лет» (от начала летописи до статьи 1118 г.), Киевской летописи (от 1119 до 1200 г.) и Галицко-Волынской летописи (от 1201 до 1292 г.). Поскольку события битвы на Калке излагаются в третьей части Ипатьевской летописи, К.Н. Бестужев-Рюмин (1829—1897) весьма обоснованно предположил, что этим свидетелем мог быть очевидец из Галицко-Волынского княжества²⁶.

И.И. Срезневский (1812—1880) высказал точку зрения о возможном отражении в описании битвы «сказания киевского летописца»²⁷. М.С. Грушевский (1866—1934) склонялся к мнению о волынском авторе и даже указывал, что он происходил из круга, близкого Даниилу Романовичу и его брату Васильку²⁸.

Но все эти предположения не давали ответа на главный вопрос: каким образом первое столкновение русских с монголо-татарами нашло отражение в трех источниках различного географического происхождения: владими́ро-суздальского (Лаврентьевской летописи), галицко-волынского (Ипатьевская летопись) и новгородского (Новгородская первая летопись).

Данный факт попытался объяснить А.А. Шахматов (1864—1920). Исследователи давно заметили сходство отдельных частей летописей. В частности, начальная часть древнейших Лаврентьевской и Ипатьевской летописей содержит практически идентичный текст. Он отличается лишь незначительными изменениями, внесенными позднейшими переписчиками. В научной литературе эта часть получила название «Повести временных лет». Считается, что она была создана в Киеве в 1110-х гг.

Еще на рубеже XVIII—XIX вв. А.Л. Шлецер (1735—1809), сравнивая версии Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, задумал воссоздать первоначальный текст «Повести»²⁹. При этом он был уверен, что она являлась цельным произведением, написанным Нестором, монахом Киево-Печерского монастыря. Позднее П.М. Строев (1796—1879) высказал предположение, что «Повесть» является сводом, созданным в несколько приемов разными авторами.

Именно эту идею взялся развить А.А. Шахматов, пытавшийся выделить в «Повести» отдельные слои и выяснить историю ее создания. Для начала он обратил внимание, что в летописях у «Повести» разный финал. В Лаврентьевском списке она заканчивается описанием огненного столпа, явившегося над Печерским монастырем в 1110 г. Затем следует датированная 1116 г. запись: «Игумен Селивестр святого Михаила написал книги си летописец». В данном случае речь идет о Сильвестре, игумене Михайловского Выдубицкого монастыря, а позднее — епископе Переяславском. В Ипатьевском списке записи Сильвестра нет, а под 1111 г. рассказывается о нашествии половцев и победе над ними Владимира Мономаха. Огненный столп толкуется как предзнаменование этой победы. Сама же «Повесть» доведена до 1117 г.

Тем самым А.А. Шахматов пришел к убеждению о существовании двух редакций «Повести временных лет». При этом «Сильвестров список», читающийся в Лаврентьевской летописи, представляет собой переработку первой редакции. Далее, обратившись к Новгородской первой летописи, заметно отличающейся от киевских летописей, исследователь пришел к выводу, что у них был некий «общий предок» с «Повестью», составленный приблизительно в 90-х гг. XI в., примерно за двадцать лет до ее первой редакции. Его он назвал «Начальным сводом».

Дальнейшее изучение «Повести» позволило А.А. Шахматову обнаружить логические нестыковки, текстовые вставки, разрывающие связный текст памятника. Так, под 977 г. Начальная летопись сообщает о погребении князя Олега Святославича (брата Владимира Святого) близ Овруча, где могила его, по словам летописца, находится «и до сего дня». Однако под 1044 г. летопись сообщает, что Ярослав Мудрый велел выкопать кости своего дяди Олега Святославича, кре-

стить их (тот умер язычником) и перезахоронить в киевской Десятинной церкви. Из этого А.А. Шахматов сделал вывод, что и в основе «Начального свода» лежала некая летопись, составленная между 977 и 1044 гг. Ее он назвал «Древнейшим сводом».

Поскольку летописная запись 1037 г. представляет собой пространную похвалу Ярославу Мудрому, ученый предположил, что именно ею завершалась древнейшая русская летопись, составленная при Ярославе Мудром, еще до перезахоронения Олега Святославича. По его мнению, «Древнейший свод» был составлен в 1039 г. при Киевской митрополичьей кафедре.

При дальнейшем изучении «Повести» исследователь обнаружил и другие несоответствия, позволившие выяснить, что «Древнейший свод» был продолжен и дополнен игуменом Киево-Печерского монастыря Никоном. В свою очередь летописный свод Никона, дополненный описанием событий до 1093 г. включительно, лег в основу «Начального свода», составленного, по предположению А.А. Шахматова, в 1093—1095 гг. игуменом Киево-Печерского монастыря Иоанном. А уже Нестором в той же обители в 1110—1113 гг. была составлена первая, несохранившаяся, редакция «Повести временных лет».

Затем, согласно исследователю, «Повесть временных лет» была переработана игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром, в результате чего возникает ее вторая редакция, отразившаяся в Лаврентьевской летописи, и чуть позже, по поручению новгородского князя Мстислава Владимировича, была составлена третья редакция, отразившаяся в Ипатьевской летописи.

Таким образом, «Повесть временных лет» оказалась результатом почти столетней эволюции летописного текста, а сама она многослойна и имеет несколько стадий формирования. При этом следует особо отметить, что летописцы, создававшие и редактировавшие Повесть временных лет и предшествующие ей летописные своды, опирались не только на отечественные, но и зарубежные источники. Наиболее многочисленными были заимствования из так называемого болгарского перевода Хроники Георгия Амартола и его продолжателя. В тексте, которым пользовался составитель «Повести»,

изложение было доведено до смерти императора Романа (948). Из него были заимствованы сведения, связанные с историей Руси.

Выводы, изложенные А.А. Шахматовым простым и доступным языком, сразу приобрели широкую популярность, а сам он в 1897 г. был избран академиком в возрасте 34 лет, став самым молодым членом Академии наук с XVIII в.

Мы не случайно столь подробно рассказали о работе А.А. Шахматова над «Повестью временных лет», прямо не связанной с событиями на Калке. В дальнейшем, на основе сравнительно-текстологического метода, А.А. Шахматов постарался выяснить историю складывания текстов почти всех наиболее значительных русских летописных памятников и на этой основе воссоздать картину развития отечественного летописания XI—XVI вв. Шахматовский метод исследования летописей на много лет стал общепризнанным и явился основой современного летописеведения. Заложенная А.А. Шахматовым школа по изучению летописей нашла продолжателей в лице его ученика — М.Д. Приселкова (1881—1941) и ученика последнего — А.Н. Насонова (1898—1965)³⁰.

Применительно к нашей теме оказалось, что различные по своему географическому происхождению Лаврентьевская и Новгородская первая летописи также имеют общий текст в рассказе о битве на Калке. В его начале, как в одной, так и в другой летописи, имеется сюжет о происхождении татар и приводится ссылка на книгу христианского богослова и священномученика Мефодия Патарского (около 260—312), автора нравственных поучений и толкований Священного Писания. Речь идет о философско-историческом труде «Откровение», созданном в Византии, по-видимому, во второй половине VII в. и приписанного епископу Мефодию. В нем обозревались судьбы человечества от Адама до «второго пришествия» и предсказывалось появление неведомых народов («безбожных моавитян»), которые появятся к «скончанию времен». В Лаврентьевской летописи текст от слов «явишася языци ихже никтоже добрѣ ясно не вѣсть» до слов «придоша бо ти Таурмению всю страну Куманьску и придоша близь Руси идеже зовется валь Половечьский» совпадает с аналогичным местом Новгородской первой летописи от слов «по грѣхомъ нашимъ, придоша языци незнаеми, ихъ же добрѣ никто же не вѣсть» до слов «придоша

бо ти Таурмени всю страну Куманьску и придоша близъ Руси, идеже зоветься валь Половьчьскы». Добавим, что хотя в Ипатьевской летописи начальная часть рассказа о битве на Калке сильно сокращена, но и здесь видим упоминание «безбожных моавитян»³¹.

Отсюда вполне обоснованным стало предположение, что в основе этих летописных известий лежал один исходный текст. В исторической науке подобные тексты принято именовать протографом (от *греч.* *πρῶτος* — «первый» и *γράφω* — «пишу»). По мысли А.А. Шахматова, вполне вероятным является существование общего источника рассказа о событиях битвы на Калке в Лаврентьевской и Новгородской первой летописях. Это предположение в целом оказалось весьма продуктивным.

Выяснилось, что наиболее полный рассказ о событиях на Калке содержится в Тверской летописи XV в., где летописец прямо указал, что в свой текст он включил «Повѣсть о Калкацкомъ побоищѣ, и о князехъ рускыхъ, и о храбрыхъ 70». Специалистами принято ее именовать «Повестью о битве на Калке».

Именно это произведение, дошедшее в составе летописей, и послужило, по мнению исследователей, основой для наших сведений о событиях, связанных с битвой на Калке.

По своему объему «Повесть о битве на Калке», отразившаяся в Тверской летописи, почти в три раза превышает тексты Ипатьевской и Новгородской первой летописей и более чем в пять раз — Лаврентьевской летописи. Уже один этот факт должен свидетельствовать, что перед нами тот самый протограф, с которого летописцами были сделаны выдержки, вошедшие в их летописи.

Повесть, выделенная в летописи киноварным заголовком, сообщает следующее (даем ее в переложении на современный язык):

«Повесть о битве на Калке, и о князях русских, и о семидесяти богатырях. В год 6732 (1223). Из-за грехов наших пришли народы неизвестные, безбожные моавитяне, о которых никто точно не знает, кто они, и откуда пришли, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры. И называют их татарами, а иные говорят — таурмены, а другие — печенеги. Некоторые говорят, что это те народы, о которых Мефодий, епископ Патарский, сообщает, что они вышли из

пустыни Етриевской, находящейся между востоком и севером. Ибо Мефодий говорит так: „К скончанию времен появятся те, которых загнал Гедеон, и, выйдя оттуда, пленят всю землю от востока до Евфрата и от Тигра до Понтийского моря, кроме Эфиопии“. Один Бог знает, кто они и откуда пришли, о них хорошо известно премудрым людям, которые разбираются в книгах. Мы же не знаем, кто они такие, а написали здесь о них на память о бедах, которые они принесли, и русских князьях.

Но все это случилось не из-за татар, а из-за гордости и высокомерия русских князей допустил Бог такое. Ведь много было князей храбрых, и надменных, и похваляющихся своей храбростью. И была у них многочисленная и храбрая дружина, и они хвалились ею; из дружины вспомним здесь об одном, найдя рассказ о нем.

Среди жителей Ростова был некто Александр по прозвищу Попович, и был у него слуга по имени Тороп; а служил этот Александр великому князю Всеволоду Юрьевичу. А когда великий князь Всеволод отдал город Ростов сыну своему князю Константину, тогда и Александр начал служить Константину. После смерти великого князя Всеволода Константин не захотел княжить во Владимире, но пожелал жить близ чудотворцев и церкви Пречистой Богородицы в Ростове. Поэтому и захотел присоединить он Владимир к Ростову, а не Ростов к Владимиру и замыслил, чтобы здесь был стол великокняжеский; но не допустила этого Пречистая Богородица. И завещал великий князь Всеволод престол свой младшему после Константина сыну своему Юрию. Тогда Константин разгневался на брата из-за его княжества, а великий князь Юрий начал войну против Константина, желая выгнать его из Ростова; но не допустил этого Господь.

Когда Юрий пришел на брата с войском, Константин ушел в Кострому и сжег ее. Князь великий Юрий стоял в Пужбале под Ростовом, а войско его находилось в двух верстах от Ростова, на реке Ишне, и была для них река Ишна как крепкая стена. Тогда Александр вышел из города и перебил многих людей великого князя Юрия. А кости их собраны в большие могилы, которые и ныне есть на реке Ишне, а также по другую сторону реки Устьи: ведь с князем Юрием много пришло людей. А другие перебиты были Александром под Угодичами, на реке Узе, потому что богатыри Александра, делая вылазки

с различных сторон, обороняли молитвами Пречистой Богородицы город Ростов. Так великий князь Юрий многократно приходил во владения брата, но возвращался посрамленный.

Однажды вышел против него Константин из Ростова и вступил в бой с Юрием на реке Гзе, и здесь Константин победил молитвами пречистой Богородицы, своей правдою и с богатырями Александром и его слугой Торопом; здесь же был и Тимоня Золотой Пояс. А у великого князя убили тут храброго Юряту, о чем сильно горевал великий князь Юрий; но, побежденный братом, помирился с ним. А затем на Ярослава Переяславского пришел Мстислав Мстиславич, тесть его, и другие князья, и привлекли они на свою сторону Константина, а на стороне Ярослава, своего брата, выступил великий князь Юрий. И был у них бой на Липицах и на Юрьевой горе, и здесь все полки великого князя Юрия погибли. В числе их был убит храбрый и безрассудный боярин Ратибор, который хвастался, что закидает противников седлами. Победив князя Юрия, посадили на престол во Владимире Константина. Константин был великим князем два года и затем вновь отдал престол брату Георгию, детям отдал Ростов и Ярославль, а сам скончался.

Когда Александр увидел, что его князь умер, а на престол взошел Юрий, он стал бояться за свою жизнь, как бы великий князь не отомстил ему за Юряту, и Ратибора, и многих других из его дружины, которых перебил Александр. Быстро сообразив все это, посылает он своего слугу к богатырям, которых он знал и которые были в то время поблизости, и призывает их к себе в город, устроенный под Гремячим колодцем на реке Гзе, — а теперь это укрепление запустело. Собравшись здесь, богатыри решили, что если они будут служить князьям в разных княжествах, то они поневоле перебьют друг друга, поскольку между князьями на Руси постоянные раздоры и частые сражения. И приняли они решение служить одному великому князю в матери всех городов Киеве. А был тогда великим князем в Киеве храбрый Мстислав, сын Романа Смоленского, а в Смоленске Владимир Рюрикович (оба внуки князя Ростислава), а Мстислав Мстиславич в это время был в Галиче. Били челом все эти богатыри великому князю Мстиславу Романовичу, и князь великий очень гордился и хвалился ими, пока не приключилось то несчастье, о котором пойдет речь.

Начали приходить слухи, что эти безбожные татары пленили многие народы: ясов, обезов, касогов, избили множество безбожных половцев и пришли в Половецкую землю. Половцы же, не в силах сопротивляться, бежали, и татары многих избили, а других преследовали вдоль Дона до залива, и там они убиты были гневом Бога и его Пречистой Матери. Ведь эти окаянные половцы сотворили много зла Русской земле. Поэтому все милостивый Бог хотел погубить и наказать безбожных сынов сыновей Измаила, куманов, чтобы отомстить за кровь христианскую; что и случилось с ними, беззаконными. Ведь эти таурмены прошли всю землю Куманскую и преследовали половцев до реки Днепра около Руси.

И прибежали окаянные половцы к месту, которое называется Половецкий вал, остаток их: Котян, князь Половецкий, с другими князьями; а Даниил Кобыкович вместе с Юрием Кончаковичем были убиты. Этот Котян был тесть князя Мстислава Мстиславича Галицкого, и пришел он с князьями половецкими в Галич с поклоном к своему зятю Мстиславу и ко всем князьям русским. И принес он многие дары — коней, и верблюдов, и буйволов, и невольниц, и, кланяясь, одарил всех русских князей, говоря: „Сегодня нашу землю татары отняли, а вашу завтра придут и возьмут, и поэтому помогите нам“. Умолял Котян зятя своего Мстислава; а князь Мстислав послал к своим братьям, князьям русским, за помощью, говоря так: „Поможем половцам; если мы им не поможем, то они перейдут на сторону татар, и у тех будет больше силы, и нам хуже будет от них“. Долго они советовались и, уступив просьбам и мольбам половецких князей, решили пойти на помощь Котяну.

И начали князья собирать воинов каждый в своей области: великий князь Мстислав Романович Киевский, внук Ростислава, и Мстислав Святославич Козельский, внук Всеволода Черниговского, и Мстислав Мстиславич Галицкий — эти старшие князья в Русской земле; а с ними и младшие князья: Даниил Романович, внук Мстислава, и князь Михаил Всеволодич Черниговский, и князь Всеволод Мстиславич, сын киевского князя, и многие другие князья. Когда все князья собрались на совет в Киеве, они послали во Владимир к великому князю Юрию Всеволодовичу за помощью, а он отправил к ним Василька Ростовского. Посоветовавшись, князья решили

встретить врага на чужой земле (тогда же крестился половецкий князь Басты) и, собрав всех русских воинов, выступили в поход против татар. Когда они пришли к Днепру на Заруб, к острову Варяжскому, услышали татары, что русские князья идут против них, и прислали своих послов, говоря: „Слышали мы, что идете вы против нас, послушавшись половецев. А мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сел ваших, и пришли не на вас. Но пришли мы, посланные Богом, на конюхов и холопов своих, на поганых половецев, а вы заключите с нами мир. И если прибегут половецы к вам, вы не принимайте их и прогоняйте от себя, а добро их берите себе. Ведь мы слышали, что и вам они много зла приносят, поэтому мы их также бьем“. Князья же русские не стали слушать этого, но послов татарских перебили, а сами пошли против татар. Не доходя до Олешья, остановились они на Днестре. И прислали татары вторично послов, говоря: „Если вы послушались половецев, послов наших перебили и идете против нас, то идите. А мы вас не трогали, и пусть рассудит нас Бог“. Князья отпустили этих послов.

И пришли к Олешью все половецы со своими князьями. Тогда князь Мстислав Мстиславич Галицкий с тысячью воинов перешел Днепр вброд, ударил по татарским сторожевым полкам и победил их. А оставшиеся татары убежали на курган Половецкий с воеводой Гемябеком, и не было им здесь помощи. И зарыли они своего воеводу Гемябека живым в землю, желая его уберечь. Но здесь его нашли половецы и, выпросив его у князя Мстислава, убили. Услышав это, князья русские стали переправляться через Днепр на множестве ладей: великий князь Мстислав Романович с киевлянами, Владимир Рюрикович со смольнянами, черниговские князья, галичане, и волынцы, и куряне, и трубчане, и путивличи, все земли русские, все князья и множество воинов. А выгнанные галичане спустились на ладьях по Днестру в море, и была у них тысяча ладей. Из моря вышли они в Днепр и, пройдя пороги, остановились у реки Хортицы на броде у Протолочи; а воеводой у них был Юрий Домамерич, а другим воеводой Держикрай Володиславич.

Пришла весть русским, что пришли татары осматривать русские полки; тогда Даниил Романович и другие князья сели на коней и погнались, чтобы увидеть татарские войска. И, уви-

дев их, послали к великому князю Мстиславу Романовичу, призывая: „Мстислав и другой Мстислав! Не стойте, пойдем против них“. И вышли в поле, и встретились с татарами, и тут русские стрелки погнали их далеко в поле, рубя их; взяли они их скот и вернулись назад со стадами. И оттуда шли русские полки за ними восемь дней до реки Калки, и отправили со сторожевым отрядом Яруна с половцами, а сами разбили здесь лагерь. И здесь они встретились с татарскими дозорами, и убили татары Ивана Дмитриевича и с ним еще двоих; а татары поворотили назад. Князь же Мстислав Мстиславич Галицкий повелел Даниилу Романовичу перейти реку Калку с полками, а сам отправился вслед за ними; переправившись, стали они станом. Тогда Мстислав сам поехал в дозор, и, увидев татарские полки, вернулся, и повелел воинам своим вооружаться. А оба Мстислава оставались в стане, не зная об этом: Мстислав Галицкий не сказал им ничего из зависти, ибо между ними была великая распря.

И так встретились полки, а выехали вперед против татар Даниил Романович, и Семен Ольевич, и Василько Гаврилович. Тут Василька поразили копьем, а Даниил был ранен в грудь, но он не ощутил раны из-за смелости и мужества; ведь он был молод, восемнадцати лет, но силен был в сражении и мужественно избивал татар со своим полком. Мстислав Немой также вступил в бой с татарами, и был он также силен, особенно когда увидел, что Даниила ранили копьем. Был ведь Даниил родственником его отца, и Мстислав очень любил его и завещал ему свои владения. Также и Олег Курский мужественно сражался; также и Ярун с половцами подоспел и напал на татар, желая с ними сразиться. Но вскоре половцы обратились в бегство, ничего не достигнув, и во время бегства потоптали станы русских князей. А князья не успели вооружиться против них; и пришли в смятение русские полки, и было сражение гибельным, грехов наших ради. И были побеждены русские князья, и не бывало такого от начала Русской земли.

Князь же великий Мстислав Романович Киевский, внук Ростислава, правнук Мстислава, который был сыном Владимира Мономаха, и князь Андрей, зять Мстислава, и Александр Дубровский, видя это несчастье, никуда не двинулись с места. Разбили они стан на горе над рекой Калкой, так как место было каменистое, и устроили они ограду из кольев. И сража-

лись из-за этой ограды с татарами три дня. А татары наступали на русских князей и преследовали их, избивая, до Днепра. А около ограды остались два воеводы, Чегирхан и Тешухан, против Мстислава Романовича, и его зятя Андрея, и Александра Дубровского; с Мстиславом были только эти два князя. Были вместе с татарами и бродники, а воеводой у них Плоскиня. Этот окаянный воевода целовал крест великому князю Мстиславу, и двум другим князьям, и всем, кто был с ними, что татары не убьют их, а возьмут за них выкуп, но солгал окаянный: передал их, связав, татарам. Татары взяли укрепление и людей перебили, все полегли они здесь костью. А князей придавили, положив их под доски, а татары наверху сели обедать; так задохнулись князья и окончили свою жизнь.

А других князей, которых татары преследовали до Днепра, было убито шесть: князь Святослав Каневский, Изяслав Ингваревич, Святослав Шуйский, Мстислав Черниговский с сыном, Юрий Несвижский, а из воинов только десятый вернулся домой. И Александр Попович тут был убит вместе с другими семьдесятю богатырями. Князь же Мстислав Мстиславич Галицкий раньше всех переправился через Днепр, велел сжечь лады, а другие оттолкнуть от берега, боясь погони; а сам он едва убежал в Галич. А Владимир Рюрикович, племянник Романа, внук Ростислава Мстиславича, сел на престоле в Киеве месяца июня в шестнадцатый день. А случилось это несчастье месяца мая в тридцатый день, на память святого мученика Ермия. Только десятая часть войска вернулась домой, а у некоторых половцы отняли коня, а у других одежду. Так за грехи наши Бог отнял у нас разум, и погибло бесчисленное множество людей. Татары же гнались за русскими до Новгорода-Святополча. Христиане, не зная коварства татар, выходили им на встречу с крестами, и все были избиты. Говорили, что одних киевлян погибло тогда 30 тысяч.

И был плач и вопль во всех городах и селах. Татары же повернули назад от реки Днепра, и мы не знаем, откуда они пришли и куда исчезли. Один только Бог знает, откуда он привел их за наши грехи, и за похвальбу, и высокомерие великого князя Мстислава Романовича. Говорят, что когда распространился слух про этих татар, что завоевывают они многие земли и приближаются к русским пределам, великому князю сказали о них; а он ответил: „Пока я нахожусь в Кие-

ве — по эту сторону Яика, и Понтийского моря, и реки Дуная татарской сабле не махать“. А Василька Константиновича, который пришел на помощь с войсками к Чернигову, тогда сохранил Бог. И, услышав о несчастье, случившемся на Руси, он возвратился в свой Ростов, сохранный Богом».

Когда и где возникла «Повесть о битве на Калке»? По мнению большинства современных исследователей, она восходит к первоисточнику трех сохранившихся древнейших летописей³². При этом она была так или иначе связана с Ростовом и княжившей в нем династией.

Первым попытался это доказать А.А. Шахматов. Исследуя Лаврентьевскую летопись, он отметил сильную ростовскую струю, которая фиксируется в этой летописи после 1205 г. Исследователь писал: «с 1206 г. в Лаврентьевской обнаруживается рука ростовского летописца, человека близкого к князю Константину Всеволодовичу. Большая часть суздальских известий 1206—1218 гг. (в 1218 г. Константин скончался) проникнута самым теплым, сердечным отношением к „блаженному“, „благочестивому“, „христолюбивому“, „благоверному“ князю Константину, а под 1218 г. помещена обширная прочувственная похвала ему; перед этим записано его поучение к детям... Можно предполагать, что составитель Лаврентьевской нашел эту Ростовскую летопись (доведенную, по-видимому, до 60-х гг. XIII в.) в одном своде с Владимирской летописью 1185 г., т. е. эта последняя предшествовала ростовским записям XIII в.»³³. Отсюда последовал вывод, что рассказ о событиях на Калке был составлен первоначально в Ростове под живым, непосредственным впечатлением от них.

В первой половине XX в. под влиянием работ А.А. Шахматова общим мнением исследователей стало убеждение, что «три древнейших русских летописных списка: Лаврентьевский список 1377 года, Новгородская первая летопись в синодальном харатейном списке XIV века и Ипатьевский список начала XV столетия дают нам изложение „Повести о битве на реке Калке“»³⁴.

Вместе с тем встал вопрос: ни новгородцы, ни князья Северо-Восточной Руси не принимали участия в битве на Калке (как известно, ростовский князь Василько Константинович дошел только до Чернигова), а между тем рассказ о сражении на Калке читается как в Новгородской первой летописи, так

и в Лаврентьевской летописи, причем его начальная часть находит точную аналогию в обоих летописных сводах.

Пытаясь объяснить данный парадокс, А.А. Шахматов предположил существование гипотетического «Полихрона начала XIV в.», к которому могли восходить известия Лаврентьевской и Новгородской первой летописей.

Но вскоре данная логическая конструкция была подвергнута первым сомнениям. Простой довод М.Д. Приселкова, что в обеих летописях совпадают только два известия: рассказ о борьбе рязанских князей (под 6725 г.) и начало «Повести о битве на Калке» (под 6731 г.), полностью опроверг возможность существования «Полихрона начала XIV в.».

Поэтому М.Д. Приселкову пришлось внести определенные коррективы в схему своего учителя. Он согласился с мнением А.А. Шахматова, что начиная с 1206 г. в Лаврентьевской летописи основным источником является Ростовский летописец Константина Всеволодовича, отличающийся выраженной симпатией к князю Константину и весьма подчеркнутой краткостью при изложении политических событий. Однако в Лаврентьевской летописи за первые десятилетия XIII в. кроме Ростовского летописца обнаруживается и другой источник, представляющий собой Владимирский великокняжеский свод Юрия Всеволодовича, составленный в 1228 г. и продолженный затем владимирскими записями до 1237 г. На взгляд М.Д. Приселкова, сразу после Батыева нашествия Ростовский летописец и Владимирский свод 1228 г. с дополнениями были объединены в 1239 г. в единое целое и в итоге дали тот текст, который читается в Лаврентьевской летописи за первые десятилетия XIII в. На его взгляд, этот новый свод был составлен для преемника Юрия Всеволодовича — Ярослава Всеволодовича, ставшего новым великим князем Владимирским после гибели брата на реке Сить.

Но какой из двух источников свода 1239 г., читаемого в Лаврентьевской летописи, стал протографом рассказа о битве на Калке: Ростовский летописец или Владимирский свод? По мысли М.Д. Приселкова, им мог быть только Ростовский летописец³⁵.

Это мнение поддержал А.В. Эммаусский (1898—1987). Для начала он отметил тот факт, что рассказ Лаврентьевской летописи о событиях, связанных с первым появлением монго-

ло-татар в Восточной Европе, был составлен современником событий по их свежим следам. Об этом свидетельствуют точная датировка сражения: 30 мая 1223 г. на память мученика Ермия, а также то, что на протяжении всего повествования нет ни одного даже намека на последовавшее через четырнадцать лет после битвы на Калке Батыево нашествие. Между тем обычной манерой летописцев является то или иное упоминание о дальнейшем развитии излагаемых ими событий. Достаточно беспристрастный тон летописца свидетельствует о том, что он не склонен был придавать особого значения свершившемуся монголо-татарскому набегу, рассматривая его как временное, не имевшее больших последствий бедствие.

Исследователь также обратил внимание на различия литературного стиля. Автор Ростовского летописца явно был духовным лицом, часто прибегавшим к ссылкам на церковных авторов, сравнениям из Священного Писания, упоминаниям о божественном провидении, всякого рода благочестивым рассуждениям, поучениям и молитвам. Владимирский свод был написан светским лицом из великокняжеского окружения, мало обращавшимся к Священному Писанию, избегавшим морально-религиозных поучений, писавшим более светским языком, без излишней витиеватости, и обращавшим большее внимание на придворные и политические события.

Читая рассказ о битве на Калке, отразившийся в Лаврентьевской летописи, нетрудно узнать манеру именно Ростовского летописца: длинные рассуждения о татарах с ссылкой на Мефодия Патарского и с упоминанием ветхозаветного судьи Гедеона, и при этом сравнительно краткое сообщение о борьбе половцев и русских с противником, проникнутое идеологией религиозного провиденциализма, датировка событий по календарю церковных служб («на память святого мученика Еремиа»). Все это указывает именно на духовное лицо³⁶.

Д.С. Лихачев (1906—1999), хотя и поставил под сомнение датировки летописных сводов, вошедших затем в Лаврентьевскую летопись, в целом признавал, что рассказ о битве на Калке был взят из Ростовского летописца. По его мнению, он велся силами епископской кафедры, которую с 1216 по 1229 г. возглавлял ростовский епископ Кирилл. Именно с ним связывают книгописную деятельность в Ростове в начале XIII в. и предполагают наличие у него большой библиотеки.

На взгляд Д.С. Лихачева, живейшее участие в этом летописании принимала жена ростовского князя Василька Константиновича, чем и объясняется повышенный интерес, проявляемый летописью к Васильку и всей его семье. Что касается статьи о битве при Калке, то, по мнению исследователя, она была обработана в Ростове под сильным влиянием княгини Марии Михайловны, которая не могла скрыть своей радости по случаю возвращения ее мужа из похода целым и невредимым: «Радость летописца кажется нам сейчас неуместной, но она понятна, если выражение ее принадлежало его жене — княгине Марье»³⁷.

Вместе с тем подробный пересказ событий, связанных с битвой, довольно точная хронология похода русских князей привели ряд исследователей к выводу, что «Повесть о битве на Калке», основанная на свидетельствах «самовидцев», возникла на территории Южной Руси вскоре после сражения. В поисках того, откуда в Лаврентьевскую летопись могли попасть сведения о битве на Калке, Д.С. Лихачев предположил, что в нее вошел и не дошедший до нас летописец Переяславля-Южного (Русского), дающий материал по истории южнорусских княжеств.

Но в какой из предшественников Лаврентьевской летописи первоначально был включен рассказ о событиях на Калке — Ростовский летописец или Владимирский свод 1228 г.? Первоначально Д.С. Лихачев утверждал, что рассказ о битве на Калке в Лаврентьевской летописи представляет собой «ростовскую обработку первоначально южнорусского известия»³⁸.

Однако, когда ему указали, что Василько женился на Марии Михайловне через несколько лет после битвы на Калке, в начале 1227 г.³⁹, он был вынужден скорректировать свои взгляды. При этом, не замечая противоречий, в этой же статье он выстроил схему, согласно которой «Повесть о битве на Калке» возникла на основе летописца Переяславля-Русского, а уже оттуда попала во Владимирский великокняжеский свод 1228 г.⁴⁰

Мнение Д.С. Лихачева достаточно прочно утвердилось среди специалистов. В частности, в курсе «Истории древней русской литературы» известный литературовед Н.К. Гудзий (1887—1965) даже попытался уточнить время создания «Повести о битве на Калке»: «Первое столкновение русских с

татарами произошло в 1223 году на юге, на реке Калке, когда русские, соединившись с половцами, были разбиты татарским войском. В связи с этим поражением, в промежутке между 1223 и 1227 гг. возникла в пределах Киева повесть, перенесенная затем на север»⁴¹. В целом эту точку зрения поддержал ряд более поздних авторов⁴².

Как видим, в поисках источника общих чтений в рассказе о происхождении татар в Лаврентьевской и Новгородской первой летописях было высказано предположение, что таковым являлся летописец Переяславля-Русского (или Южного) князя Владимира Глебовича. Однако его существование считается чисто гипотетическим, и к тому же предполагается, что он оканчивался сообщением о смерти этого князя в 1187 г. и включал повествование о его военных действиях против половцев, то есть задолго до битвы на Калке⁴³.

Во-вторых, даже если думать, что источником Лаврентьевской летописи послужил летописец Переяславля-Русского или другой южнорусский источник, нельзя не отметить того факта, что в Лаврентьевской летописи отсутствует описание самой битвы, хотя ее автор, несомненно, был знаком с рассказом о ней. Об этом говорят имеющиеся в ней краткие сведения о битве и поражении русских князей, в которых приводятся слухи («глаголють бо тако»), что одних только киевлян погибло 10 тысяч. Поскольку в Южной Руси должны были иметь более подробную информацию о сражении, напрашивается вывод, что ее источником был кто-то из отряда Василька Ростовского, дошедшего, как известно, до Чернигова, но не принимавшего участия в битве.

Исследователи, оценивая наличие общих чтений в Лаврентьевской и Новгородской первой летописях, предполагали существование общего протографа. Усомниться в этом позволяет один факт. Под 1096 г. «Повесть временных лет» описывает набег половецких войск на окрестности Киева, во время которого были осквернены и сожжены три монастыря, в том числе знаменитая Печерская обитель. Летописец именует половцев как «безбожнии сынове измаилеви, пущени бо на казнь хрестьяномъ». И далее он подробно разъясняет их происхождение: «Ищъли бо суть си от пустыня Етривьская, межю востокомъ и сѣвером; ищъли же суть ихъ колѣнь 4: торкмене, и печенѣ, торци, половци. Мефодий же свѣдѣтельствоеть о нихъ,

яко 8 колѣнъ пробѣгли суть, егда исѣче Гедеонъ, да 8 ихъ бѣжа в пустыню, а 4 исѣче. Друзии же глаголють: сыны Амоновы; се же нѣсть тако: сынове бо Моавли хвалиси, а сынове Аммонови болгаре, а срацини от сыновеи Измаила творятся Сарини, и прозваша имя собѣ саракыне, рекше: сарини есмы. Тѣм же хвалися и болгаре суть от дочерю Лотову, иже зачаста от отца своего, тѣм же нечисто есть племя ихъ. А сыновеи Измаиль роди 12 сына, от них же суть торкмени, и печенѣзи, и торци и кумани, рекше половци, иже исходятъ от пустынѣ. И по сихъ 8 колѣнъ к кончинѣ вѣка идуть заклѣпению в горѣ Александромъ Македонскимъ нечистыя человѣкы» («Вышли они из пустыни Етревской между востоком и севером, вышло же их 4 колена: торкмены и печенеги, торки, половцы. Мефодий же свидетельствует о них, что 8 колен убежали, когда иссек их сыновеи Гедеон, да 8 их бежало в пустыню, а 4 он иссек. Другие же говорят: сыны Амоновы, но это не так: сыны ведь Моава — хвалисы, а сыны Амона — болгары, а сарацины от сыновеи Измаила, выдают себя за сыновеи Сары, и назвали себя сарацины, что значит: „Сарины мы“. Поэтому хвалисы и болгары происходят от дочерей Лота, зачавших от отца своего, потому и нечисто племя их. А сыновеи Измаил родил 12 сыновеи, от них пошли торкмены, и печенеги, и торки, и куманы, то есть половцы, которые выходят из пустыни. И после этих 8 колен, при конце мира, выйдут заклепанные в горе Александром Македонским нечистые люди»)⁴⁴.

Так же как в Лаврентьевской и Новгородской первой летописи, перед нами в «Повести временных лет» видим ссылку на «Откровение Мефодия Патарского», повествующее о событиях истории человечества от Адама до его конца, ожидавшегося в седьмой тысяче лет от «сотворения мира»⁴⁵. Эта последняя часть особенно интересовала средневековых людей, видевших признаки «второго пришествия» во всех более или менее значимых нападениях кочевников⁴⁶.

Исходя из формальной логики можно было бы предложить существование общего протографа указанных двух летописей и «Повести временных лет». Но последняя, как было показано выше, была создана за столетие до событий на Калке.

Ситуацию разъяснил И.У. Будовниц (1897—1963). Битва на Калке была воспринята современниками как большое поражение и тяжелое бедствие. Но в отличие от предшественни-

ков, видевших в текстах Лаврентьевской и Новгородской первой летописей лишь общие чтения, историк указал на разницу в освещении этих событий в трех древнейших сохранившихся летописях, каждая из которых по-своему расставляла нюансы⁴⁷.

Важным шагом стало наблюдение М.Н. Тихомирова (1893—1965), что рассказы о битве на Калке, внесенные в Новгородскую первую и Ипатьевскую летописи, совершенно различны. Это дало основание ему говорить о том, что изначально существовали две повести о битве на Калке.

Та, что отразилась в Новгородской первой летописи, представляет главным действующим лицом Мстислава Мстиславича Удатного. В ней нет ни одного упрека русским князьям, а вся вина за поражение возлагается на изменивших половцев и бродников, действовавших с татарами. Судя по всему, повесть была составлена в кругах, близких к Мстиславу Галицкому, вскоре после битвы. М.Н. Тихомиров также обратил внимание, что упоминаемый в повести Ярун — несомненно, тот же воевода Ярун, который вместе с Мстиславом Удатным действовал в 1216 г. против Юрия и Ярослава Всеволодовичей⁴⁸. Постоянные связи Мстислава с Новгородом легко объясняют появление «Повести о битве на Калке» именно в Новгородской первой летописи⁴⁹.

Вторая повесть о битве на Калке, помещенная в Ипатьевской летописи, возникла независимо от первой. Главным действующим лицом в ней является Даниил Романович, бывший тогда совсем юным и даже не упомянутый в первой повести. Она не могла возникнуть ранее утверждения Даниила на галицком столе и имела целью прославление самого Даниила и его брата Василька⁵⁰.

Что касается Лаврентьевской летописи, где, в отличие от двух других летописей, описание битвы как таковой отсутствует, еще А.А. Шахматовым было доказано ее северо-восточное происхождение. Об этом свидетельствует и то, что в ней ничего не говорится о военных действиях южнорусских князей и даже не упоминается река Калка, на берегах которой произошло сражение.

Тем самым оказалось, что все три древнейшие летописи в рассказе о битве на Калке имеют различное происхождение. Исследователи вплотную подошли к выводу, что сами они создавались независимо друг от друга.

Предложенная А.А. Шахматовым на рубеже XIX—XX вв. методика изучения летописей при своем появлении на свет вызвала всеобщий интерес и появление целой школы учеников и последователей. Вместе с тем со временем применительно к ней стали высказываться упреки, в первую очередь в том, что она сводила источниковедческий анализ исключительно к текстологии⁵¹.

В чем же, на наш взгляд, главные ошибки шахматовской школы? Ее корни лежат в классической филологии, всегда имевшей дело с некоторым количеством списков древнего текста при отсутствии оригинала, а чаще всего и списков, хоть сколько-нибудь близких по времени к оригиналу. Для реконструкции ближайшего к оригиналу текста необходимо изучить все наличные списки, учесть разночтения, разбить их на редакции. В таких условиях история данного текста представляет собой пучок линий передачи (традиций), которая переплетается с историей других текстов, встречающихся в сходных или различных комбинациях в разных списках. Тем самым воссоздается генеалогия отдельных текстов, то есть их размещение на хронологической оси, установление того, какие из них являлись источниками для других. При этом серьезнейшим недостатком шахматовского метода является необходимость начинать изучение с наиболее поздних текстов и уже от них двигаться вглубь времени.

Применительно к «Повести о битве на Калке» метод А.А. Шахматова испытывает определенные трудности. Покажем это на единственном примере. Согласно Ипатьевской летописи, от переправы через Днепр до реки Калки русские рати шли 8 дней, а по Новгородской первой летописи этот же маршрут занял 9 дней. Данную разницу обычно объясняют тем, что в первом случае отсчет дней пути велся от места первой стычки со сторожевым отрядом монголо-татар, а во втором — непосредственно с момента переправы. При этом не учитывается тот факт, что возможно и более простое объяснение.

Для этого возьмем случай из области журналистики. Предположим, что несколько репортеров освещают какое-либо событие, а затем пишут о нем свои корреспонденции. Несмотря на то что все репортажи будут посвящены одному и тому же факту, они будут серьезно отличаться друг от друга, хотя бы в силу того, что один из корреспондентов смог взять

интервью у участников событий и оказался более информированным, чем его коллеги.

Говоря о событиях на Калке, видим, что перед нами свидетельство двух очевидцев, находившихся в разных частях русского войска. Переправа огромного числа воинов через Днепр не могла произойти одновременно и заняла достаточно много времени.

Тем самым приходим к главному выводу: все три рассказа о битве на Калке в сохранившихся древнейших летописях создавались самостоятельно. В данной ситуации не приходится говорить о каком-то их общем протографе.

Нам важно выяснить время записи интересующих нас летописных рассказов. Мы видели, что Лаврентьевская летопись в части, относящейся к событиям на Калке, должна датироваться временем достаточно близким к ним.

Что касается Новгородской первой летописи, то имя автора той ее части, где содержится рассказ о битве на Калке, узнаем из статьи 1230 г., в которой известие о смерти незадолго до того смещенного игумена Юрьева монастыря Саввы сопровождается молитвенным обращением: «а даи богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимофѣю понаманарю: бяшетъ бо мужъ благъ, кроткъ, съмѣренъ и незлобивъ; покои богъ душу его съ всѣми правдыными въ царствии небеснѣмъ»⁵². Он исполнял обязанности секретаря новгородского владыки (полагают, что его рукой были написаны договоры Новгорода с великим князем Владимирским Ярославом Ярославичем), а заодно и автора летописи, которая велась при дворе новгородских владык. По мнению А.А. Гиппиуса, он вел ее при двух новгородских владыках — Спиридоне (1229—1249) и Далмате (1250—1274).

Отсюда А.А. Гиппиус сделал предположение, что рассказ о битве на Калке мог появиться в Новгородской первой летописи с момента ее включения в гипотетический Новгородский владычный свод 1228 г. или даже более ранний — 1225 г., когда от дел ушел архиепископ Антоний, весьма близкий человек к князю Мстиславу Мстиславичу Удатному. Основанием для этого явилось то, что в ряде статей на протяжении 1219—1224 гг. летопись сохраняет сочувственное отношение к нему⁵³. Однако данный вывод не получил однозначной поддержки специалистов. По мнению П.П. Толочко, Новгород-

ский владычный свод начала XIII в. редактировался дважды: в 1211—1219 гг. и на рубеже 1230—1240-х гг.⁵⁴ И хотя среди историков идут споры: был ли включен в него рассказ о событиях на Калке до или после нашествия Батыя⁵⁵, мы склоняемся ко второму мнению.

В массовом сознании наших современников фигура древнерусского летописца выглядит примерно следующим образом: где-то в княжеских или монастырских покоях сидел летописец, который регулярно вел годовые хроники современных ему событий. Однако подобная картина весьма далека от реальности.

Для чего писались летописи? Большинство историков так или иначе связывали цели летописания с борьбой за власть. Указывались и другие цели: чисто познавательные, образовательные, беллетристические, полагали, что летописание — род публицистики, облеченной в форму исторического сочинения. Но при этом часто забывают о чисто практической задаче летописей: они могли дать ссылками «на старину» те или иные аргументы в спорах с оппонентами⁵⁶. Понятно, что в этих случаях летопись в виде справочника нужно было держать всегда под рукой.

С течением времени возникала потребность обновить ее — либо вследствие физического износа рукописи при постоянном обращении к ней, либо понимания необходимости дополнить ее новым материалом из княжеского или церковного архивов, других источников. Как видим, в действительности летописи зачастую составлялись «задним числом», много позже описываемых в них событий, а временной промежуток мог измеряться даже не годами, а целыми десятилетиями.

Что касается Ипатьевской летописи в интересующей нас части, то изначально она представляла собой композиционно цельное произведение, посвященное судьбам Галицкого княжества времен князя Даниила и лишенное хронологической канвы. Погодная сетка появилась в ней после того, как эта часть была присоединена к предшествующему Киевскому своду. Отсюда и встречающиеся в ней хронологические ошибки, вызванные тем, что при разбивке сплошного рассказа по годам позднейший книжник мог ориентироваться только некоторыми датами общерусского значения, известными ему из летописных сводов того времени. По мнению Л.В. Черепнина (1905—1977), эта часть, которую он условно назвал «Летописцем Да-

ниила Галицкого», претерпела три редакции. Вторая из них, содержащая рассказ о событиях на Калке, была составлена в 40-х гг. XIII в., а ее основой стали заметки тысяцкого Демьяна. Окончательный вид «Летописец Даниила Галицкого» приобрел при кафедре холмского епископа и датировался им 1256—1257 гг.⁵⁷ На взгляд В.Т. Пашуто (1918—1983), опиравшегося на точку зрения М.Д. Приселкова, «Летописец Даниила Галицкого» состоял из двух редакций. Первую он назвал «Холмским княжеским сводом», созданным при участии «печатника» князя Кирилла, ставшего позднее митрополитом, и датировал ее 1246 г. Второй считал «Холмскую летопись» начала 60-х гг. XIII в., написанную при участии епископа Ивана⁵⁸.

Украинский исследователь А.И. Генсёрский (1890—1970) в основу своей работы положил методiku А.А. Шахматова и пришел к выводу, что «Галицкая летопись» состоит из двух редакций: первая заканчивается 1234 г. и была написана около 1255 г., вторая продолжает первую до 1266 г. и была закончена около 1269 г. Обе редакции были составлены в Холме⁵⁹.

Современный филолог А.Н. Ужанков вычленил в «Летописце Даниила Галицкого», изначально создававшемся как совершенно самостоятельная биография князя, две редакции: первую, охватывающую события 1201 — начала 1247 г. и вторую, охватывавшую события со второй половины 1247 г. по 1260 г.⁶⁰ Его взгляды развил А.В. Горovenko, по мнению которого жизнеописание Даниила Галицкого было присоединено ко второй части Ипатьевской летописи — Киевскому своду вскоре после 1268 г. во Владимире-Волыньском по заказу князя Владимира Васильковича (племянника Даниила)⁶¹.

Для нас приведенные выше выводы интересны тем, что в дошедших до нас летописях наиболее ранний рассказ о событиях на Калке был зафиксирован в Лаврентьевской летописи, когда были еще свежи воспоминания о сражении. Что же касается Новгородской первой и Ипатьевской летописей, то информация о битве была включена туда много позже.

Глава 3

БЫЛ ЛИ АЛЕКСАНДР ПОПОВИЧ УЧАСТНИКОМ БИТВЫ?

Говоря о битве на Калке, исследователи привлекли к анализу не только три древнейшие летописи, но и последующего времени. Оказалось, что в них содержится информация о сражении, отсутствующая в Лаврентьевской, Новгородской первой и Ипатьевской летописях.

Исходя из постулата, что источником всех летописных известий о событиях 1223 г. является «Повесть о битве на Калке», было высказано мнение, что она дошла до нас в двух редакциях: краткой, отразившейся в Новгородской первой, Ипатьевской и Лаврентьевской летописях, и пространной — в составе Тверской летописи.

Соответственно встал вопрос, какая из двух редакций является первоначальной. Л.В. Черепнин, Н.В. Водовозов (1902—1977) и В.Т. Пашуто придерживались мнения, что первоначальной является пространная редакция⁶². Но при этом было непонятно — почему ни в одной из древнейших летописей нет даже намек на существование пространной редакции.

Поэтому Д.С. Лихачев, к мнению которого присоединился М.Б. Свердлов (1939—2022)⁶³, предположил, что исходной являлась краткая редакция. Основой для подобного утверждения стало то, что ни в одной из летописей вплоть до начала XV в. не удастся найти хотя бы одно упоминание Александра Поповича, главного героя «Повести». Это свидетельствует, что «Повесть о битве на Калке» никак не могла восходить к записям XIII в., современному сражению. Впервые вставка о гибели Александра Поповича и его 70 «храбрых» появляется во Владимирском полихроне митрополита Фотия рубежа 10—20-х гг. XV в., откуда перешла в Новгородско-Софийский свод 30-х гг. XV в., а затем перетекла в большинство летописей второй половины XV—XVI в.⁶⁴

Именно с этого времени в «Повести о битве на Калке» появляются все новые и новые подробности и детали, которые не встречаются ранее. При этом Д.С. Лихачев столкнулся с проблемой — как следует объяснить их появление через несколько столетий после самой битвы?

Подобная ситуация хорошо знакома исследователям Древней Руси, обнаружившим, что первые, еще относительно краткие редакции такого памятника, как «Сказание о Мамаевом побоище», рассказывающего о событиях Куликовской битвы, с течением времени обрастают все новыми деталями. Выдающийся историк С.М. Соловьев (1820—1879), оценивая данный факт, писал: «Одним сказанием не могли ограничиться. О подобных событиях обыкновенно обращается в народе много разных подробностей, верных и неверных: подробности верные с течением времени, переходя из уст в уста, искажаются, перемешиваются имена лиц, порядок событий; но так как важность события не уменьшается, то является потребность собрать все эти подробности и составить из них новое украшенное сказание; при переписывании его вносятся новые подробности. Это второго рода сказание отличается от первого преимущественно большими подробностями, вероятными, подозрительными, явно неверными»⁶⁵.

В этой связи Д.С. Лихачев задал вопрос: насколько достоверны приводимые в «Повести» сведения об Александре Поповиче? На его взгляд, появившийся через много лет после битвы рассказ о выходе из Ростова, участвовавшем в битве на Калке, есть не что иное, как отражение фольклора, не имеющее ничего общего с исторической реальностью. Здесь он пошел вслед за Д.И. Иловайским (1832—1920), писавшим: «Только впоследствии, когда татары наложили свое тяжелое ярмо, наши старинные книжники более оценили несчастное Калкское побоище и начали украшать его некоторыми сказаниями, например о гибели 70 русских богатырей, в том числе Добрыни Златого Пояса и Александра Поповича с его слугой Торопом»⁶⁶.

В доказательство своего предположения Д.С. Лихачев привел известия Никоновской летописи времени княжения Владимира Святого: «Въ лѣто 6508 [1000]. Приде Володарь съ Половцы къ Киеву, забывъ благодѣянїа господина своего князя Владимера, дѣмономъ научень. Володимеру же тогда в

Переславць на Дунаи, и бысть смятеніе веліе въ Кіевѣ, и изыде ношцію во стрѣтеніе имъ Александръ Поповичъ, и уби Володаря, и брата его и иныхъ множество Половецъ изби, а иныхъ въ поле прогна. И се слышавъ Володимеръ, возрадovася зѣло, и възложи на нь гривну злату, и сотвори и вельможа въ полатѣ своей».

Под следующим годом Александр Попович упоминается в летописной статье, имеющей особый заголовок: «*Богатыри*. В лѣто 6509 [1001]. Александръ Поповичъ и Янъ Усмошвецъ, убивый Печенѣжскаго богатыря, избиша множество Печенѣгъ, и князя ихъ Родмана и съ трема сыны его въ Кіевъ къ Володимеру приведоша. Володимеръ же сътвори празднованіе свѣтло, и милостыню многу раздаде по церквамъ, и по монастыремъ, и убогимъ и нищимъ, и по улицамъ болнымъ и клоснымъ великіа кади и бочки меду, и квасу, и перевары и вина поставляше, и мяса, и рыбы, и всякое овощіе, что кто требоваше, и ядыше».

Третье известие об Александре Поповиче помещено под 6512 (1004) г.: «Идоша Печенѣзи на Бѣльградъ; Володимеръ же посла на нихъ Александра Поповича и Яна Усмошвеча съ многими силы. Печенѣзи же слышавше, побѣгоша въ поле»⁶⁷.

Анализируя сообщение 1000 г., Д.С. Лихачев отметил, что половцы в это время не могли подойти к Киеву, поскольку они появились в южнорусских степях лишь в конце XI в. Володаръ Ростиславич, о котором говорится в Никоновской летописи, действительно подступал к Киеву, причем с половцами, но уже столетием позже, при Владимире Мономахе. Отсюда становится понятным, что перед нами яркое свидетельство развития былинного эпоса об Александре Поповиче, когда он был богатырем не Владимира Святославича, а Владимира Мономаха. Тем самым исследователь отказал Александру Поповичу «Повести битвы о Калке» в историчности, полагая его персонажем позднейшего народного эпоса, имя которого впоследствии трансформировалось в известного богатыря Алешу Поповича⁶⁸.

Разобраться с превращением Александра Поповича в былинного Алешу Поповича вслед за Д.С. Лихачевым попытались Ю.И. Смирнов и В.Г. Смолицкий, подготовившие в серии «Литературные памятники» издание былин о богатырях Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче⁶⁹. На их взгляд, крат-

кие известия о гибели Александра Поповича и его 70 богатырей впервые фиксируются Софийской первой и Новгородской четвертой летописями⁷⁰. По мнению исследователей, оба этих известия восходят к не дошедшему до нас «Владимирскому Полихрону» митрополита Фотия, составленному в 1418 или 1423 г. В более ранних летописях сведений об участии ростовского богатыря в битве на Калке нет.

Следующим этапом стало появление повести об Александре Поповиче, читаемой в Тверском сборнике, и ее краткого варианта в Хронографе середины XVII в. По предположению Д.С. Лихачева, они восходят к какой-то более подробной повести об Александре Поповиче, не дошедшей до нас⁷¹. При этом обнаруживается определенное сходство повести об Александре Поповиче с былиной об Алеше Поповиче и Тугарине, что позволяет предположить генетическое родство повести и былины, в основе которых лежали местные ростовские предания, обработанные в повесть и былину независимо друг от друга.

Вслед за этим в сокращенных летописных сводах 1493 и 1495 гг., а также Хронографе 1512 г. появляется известие об участии Александра Поповича в Липицкой битве 1216 г., ошибочно помещенное под следующим годом: «Въ лѣто 725. Бысть бои князю Юрью Всеволодичю съ княземъ Костянтиномъ с Ростовскимъ на рѣце на Где, и поможе Богъ князю Костянтиноу Всеволодичю, брату старѣишому, и правда его же пришла. А были с ним два храбра: Добрыня Золотыи Поясы да Александро Поповичъ съ своимъ слугою с Горопомъ»⁷².

Считается, что эти три текста восходят к Хронографу 1442 г., составленному известным церковным писателем XV в., выходцем из Афона, Пахомием Логофетом. Считается, что основным источником для него являлся «Владимирский Полихрон» митрополита Фотия. Но при этом перед исследователями возникла сложность: в Софийской первой и Новгородской четвертой летописях, по которым, собственно говоря, и восстанавливают «Владимирский Полихрон», данное известие о битве на Липице отсутствует. Это заставило их предположить, что оно было внесено в Хронограф 1442 г. самим Пахомием Логофетом.

Новым этапом развития легенды об Александре Поповиче стала Никоновская летопись XVI в., в которой, помимо из-

вестия о его участии в Липицкой битве, имеющемся в сводах 1493, 1495 гг. и Хронографе 1512 г., а также сообщении о гибели на Калке, добавляются новые подробности. В речи боярина Андрея Станиславича, предостерегавшего князей Юрия и Ярослава от борьбы с их старшим братом Константином и приводившего довод, что у того имеются храбрые богатыри, видим упоминание нашего героя: «Еще же и храбрыхъ нынѣ не вѣси у него Александра Поповича и слугу его Торопа, и Добрыню Рязанича златаго поаса». Появляется деталь, как в разгаре боя Александр Попович едва не зарубил князя Мстислава Мстиславича (Удатного), сражавшегося на стороне Константина: «Князь Мстиславъ Мстиславичъ съ своими полки проѣха трижды сквозѣ полки Юрьевы и Ярославли, и бѣ самъ крѣпокъ и мужественъ... И приде на него Александръ Поповичъ, имѣа мечъ нагъ, хотя разсѣци его: бѣ бо силенъ и славенъ богатырь. Онъ же возопи глаголя, яко азъ есмь князь Мстиславъ Мстиславичъ Новгородцкій; онъ же уставися, и тако спасе его Богъ отъ смерти. И рече ему Александръ Поповичъ: „княже! ты не держай, но стой и смотри; егда убо ты глава убиенъ будеши, и что суть иныя и камо ся имъ дѣти?“»⁷³ Это, в сочетании с приводившимися выше Д.С. Лихачевым известиями начала XI в. в Никоновской летописи об Александре Поповиче, позволило говорить о превращении нашего героя в былинную фигуру, широко популярную в тогдашнем фольклоре, но не имеющую ничего общего с исторической реальностью.

Эту мысль вроде бы подтверждала сделанная Б.М. Клоссом находка небольшого отрывка сказания об Александре Поповиче из компилятивного Троицкого летописца новгородского происхождения, датированного концом 60-х годов XVI в.: «В лѣто 6717 [1209]. Князь Мстислав сяде во граде Галичи въ Полях, а под ним князеи 32 и вся Руская земля. А на Киеви князь Мъстислав, а воеводы оу него Дроздь да Волчи Хвостъ, и одоли Половец и Жомоть и Печениги, многи земли. Так и оу великого князя от[ъ]я землю по реку Почаину, отчину его. И князь великии Мстислав и вся земля Руская стаща на реки Почаине, и ту прииха к нему Олександръ Попович с Торопцем. И то слышав киевский князь, собра силу тяшку, Половец, Жомоть, Ляхи, Печенизи, и стаща в Полях. И рече Дрозду: еди, испытан, есть ли князь великии на реки Почаинѣ.

И он рече: не иду, яз Дроздь потка, а тамо есть Соловей. И рече Волчи Хвостъ: и яз ихав испытаю. И пригна к рѣцѣ Почаинѣ, воскликне ратным гласом: черлен щит, ѣду сим. И то слыша Александръ, посла к нему с черленным щитом Торопца, на нем же написан лют змѣи. И пригна к нему, рече: человекче, что хочещи оу щита сего? И он рече: яз хошу того, хто за ним издѣт. И Торопец пригна ко Александру, рече: тоби, господине, зовет. И Олександръ похватая щит, бысть за рекои и рече ему: от[ъ]еди. И тако борзо ся съихашася. И Александръ вырази воеводу из сѣдла и ступи ему на горло и обрати оружие свое, рече ему: чего хочещи? И он рече: господине, хошу живота. И Олександръ рече: иди, 3-жды погрузися в реки Почаинѣ да буди оу мене. И он погрузився и прииде к нему. И Олександръ рече: ѣдѣ ж къ своему князю, рци ему тако: Олександръ Попович велиил тоби ступитися земли великого князя вотчине, или ся не сступишь и мы оу тебе возьмем же; да что ти отвѣчает и ты буди у мене, се ли не будешь и яз тебе среди полков наиду. И он пригна къ своему князю, исповѣда ему. И князь не сступися земли. И воевода опять пригна ко Александру, рече: князь не сступился земли. И он отпусти его. И великий князь и вся Руская земля бысть за рекои Почаиною. И Олександръ Попович наиха на вси полки и Половецки и победы я, Жомоть и Печенизи, и множество паде от руку его. И наиха на князя киевскаго со оружием, и он трижда паде пред Александром на земли, моляся ему. И он князя отпусти. Тако очисти землю великому князю, его отчину. Се бысть первая воина Олександра Поповича»⁷⁴.

Данный отрывок, по мнению Б.М. Клосса, изобилует анахронизмами и неточностями. Княжения Мстислава Мстиславича в Галиче и Мстислава Романовича в Киеве относятся не к 1209 г., а к более позднему времени, притом что эти князья не воевали между собой. В «Повести временных лет» под 984 г. упоминается воевода Волчий Хвост, живший в X в. при князе Владимире Святославиче⁷⁵. Река Почайна не являлась пограничной, поскольку протекала в современном Киеве. Подобное вольное обращение с историческими фактами характерно для фольклорных произведений и свидетельствует о бытовании в XVI в. цикла сказаний об Александре Поповиче, большинство из которых до нас, по-видимому, не дошло.

Следующей ступенью эволюции нашего героя стала былина «Алеша и Тугарин», в которой он превратился в фольклорный персонаж.

Более поздние работы на эту тематику мало что добавили к взглядам Д.С. Лихачева о мифологичности фигуры Александра Поповича. Они были поддержаны С.М. Прохоровым, увидевшим явные параллели летописной повести о битве на Калке и былиной о «гибели» богатырей. И там и там действует некто по прозвищу Попович, при этом в летописи он назван Александром, а в былине народным именем Алеша⁷⁶.

С.В. Алексеев практически повторил выводы Ю.И. Смирнова и В.Г. Смолицкого, отметив, что на рубеже XV—XVI вв. происходит начало сближения исторических припоминаний о персонаже с образами русских былин. В Никоновской летописи Александр Попович впервые представлен и как современник князя Владимира, и как герой начала XIII в. В триоцком «Сказании об Александре Поповиче» середины XVI в. он действует в столь же вневременном легендарном пространстве удельной Руси. К XVII в., когда впервые была сделана запись былинного сюжета об Алеше Поповиче и Тугарине Змеевиче, он окончательно преобразился в один из центральных былинных образов⁷⁷.

Но каким образом реальный Александр Попович, живший в начале XIII в., оказался связанным с былинной традицией? Чтобы понять это, необходимо напомнить, что историки Древней Руси всегда находились под влиянием окружающего их научного общества.

В XIX в. ученый мир открыл для себя удивительный мир русских былин. Впервые термин «былины» был введен русским этнографом И.П. Сахаровым (1807—1863) в сборнике «Песни русского народа»⁷⁸. По свидетельству современников, эта книга произвела необыкновенное впечатление на тогдашнее образованное общество и термин «былина» прочно закрепился в русском языке. Народное же название этих произведений — старина, старинушка, старинка. Именно это слово использовали сказители. Былины изначально создавались, чтобы их пели. В древности они исполнялись под аккомпанемент гуслей, но со временем эта традиция отошла в прошлое, и во времена, когда к ним обратились собиратели, былины напевались без музыкального сопровождения.

Массовое открытие былин произошло благодаря фольклористу П.Н. Рыбникову (1831—1885). Он происходил из московских купцов-старообрядцев, в 1854—1858 гг. был студентом историко-филологического факультета Московского университета, а после его окончания по рекомендации известного славянофила А.С. Хомякова (1804—1860) отправился в Черниговскую губернию для изучения раскола и записи песен. Там неожиданно он был арестован и сослан в начале марта 1859 г. в Петрозаводск, где в конце мая был определен в штат Олонецкой губернской канцелярии.

Тогда же П.Н. Рыбников, пользуясь своими служебными разъездами, стал собирать преимущественно в Заонежье и Каргополье былины и старины. В 1859 г. он лично записал 165 текстов на 50 сюжетов былин от тридцати народных сказителей. За одну поездку в мае—июне 1860 г. им были записаны 80 былин от крупнейших певцов того времени. В 1861 г. вышел первый том «Песен, собранных П.Н. Рыбниковым», за которым последовал второй⁷⁹.

Первым впечатлением ученого мира было изумление. Оказалось, что рядом с Санкт-Петербургом обнаружилась активно бытующая живая былинная традиция. Вместе с тем высказывалось и недоверие, памятуя известный случай, когда шотландский поэт XVIII в. Джеймс Макферсон «прославился» находкой поэм древнего сказителя Оссиана и «переведенных» им с гэльского языка, а на деле написанных им самим, что впоследствии вызвало грандиозный скандал.

Поэтому в третьем томе П.Н. Рыбников напечатал «Заметку собирателя», в которой подробно рассказал о своих странствиях по Олонецкому краю, как был открыт им былинный эпос, как он разыскивал певцов, которых перечислил поименно, с указанием их местожительства и прочего⁸⁰.

По следам П.Н. Рыбникова в апреле 1871 г. в Олонецкую губернию отправился ученый-славист А.Ф. Гильфердинг (1831—1872). За два месяца он прослушал 70 певцов и записал 318 былин (рукопись составила более 2000 страниц). Летом 1872 г. А.Ф. Гильфердинг снова поехал в Олонецкий край, но в пути тяжело заболел и скоропостижно скончался в Каргополе. На второй год после его смерти были опубликованы записанные им онежские былины⁸¹. А.Ф. Гильфердингом был впервые применен метод изучения репертуара от-

дельных сказителей. Былины располагались по сказителям, с предосланными биографическими справками.

Благодаря П.Н. Рыбникову и А.Ф. Гильфердингу на Русском Севере был найден огромный пласт былин, рассказывающих о временах Древней Руси. На рубеже XIX—XX вв. последовал целый ряд экспедиций по собиранию былин на побережье Белого моря, Печорском крае и других отдаленных областях⁸².

По поводу классификации былин в науке не существует единого мнения. Традиционно они разделяются на два больших цикла: киевский и новгородский. События былин киевского цикла приурочены к стольному городу Киеву и двору князя Владимира, былинный образ которого объединил воспоминания по меньшей мере о двух великих князьях: Владимире Святом (ок. 956—1015) и Владимире Мономахе (1053—1125). Среди героев этих былин — самые известные богатыри: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович.

Упоминание в былинах имен князя Владимира, русских богатырей привело к возникновению в отечественной фольклористике так называемой *исторической школы*, расцвет которой пришелся на 1890—1900-е годы. Ее представители в лице Л.Н. Майкова (1839—1900), Н.П. Дашкевича (1852—1908), В.Ф. Миллера (1848—1913), А.В. Маркова (1877—1917), С.К. Шамбинаго (1871—1948) и др. стремились установить связь былин и исторических песен с русской историей, пытаясь выявить особенности сохранения в фольклоре исторической памяти народа, сопоставляя фольклорных героев с лицами, упоминаемыми в летописях.

Главным доказательством реальности самого известного русского богатыря Ильи Муромца стала его гробница в Антониевой пещере Киево-Печерской лавры. Считается, что, получив в бою тяжелое ранение, он стал монахом под именем Илья. В 1643 г. Русская церковь причислила его к лику святых под именем преподобного Ильи Муромца. В 1988 г., в год тысячелетия Крещения Руси, Межведомственная комиссия Минздрава Украинской ССР даже провела экспертизу его мощей, показавшую, что преподобный имел рост 177 см (высокий для Средневековья) и был исключительно сильным человеком. Вместе с тем у него были обнаружены признаки заболевания позвоночника (былинный Илья до 33 лет не мог

передвигаться) и следы от многочисленных ранений (костные мозоли на ребрах свидетельствовали, что они были сломаны, но потом зажили, как и переломанная ключица). Причиной смерти послужил, вероятно, удар острого орудия (копья или меча) в грудь, сквозь прикрывавшую ее левую руку. Смерть наступила в возрасте около 40—55 лет. Приглашенный из Москвы судмедэксперт С.А. Никитин по методу известного антрополога М.М. Герасимова (1907—1970) воссоздал облик богатыря.

Один из подвигов былинного Ильи — изгнание из-под Киева войск Калина-царя, имя которого В.Ф. Миллер связывал с названием реки Калки. Но в некоторых вариантах этой былины Калин-царь носит имя Батый, что указывает на отражение былиной первых монголо-татарских нашествий⁸³.

Усиленно ища прототипы русских богатырей, В.Ф. Миллер пришел к выводу, что «средний» из трех богатырей — Добрыня Никитич — также имел реального исторического предшественника: дядю князя Владимира Святославича, неоднократно упоминаемого летописью.

Еще в XIX в. было высказано предположение, что прототипом Алеши Поповича являлся ростовец Александр Попович, участвовавший в битве на Калке⁸⁴.

Основные принципы исторической школы нашли наиболее последовательное выражение в обобщающем труде В.Ф. Миллера «Очерки русской народной словесности»⁸⁵. По его мнению, былины создавались в княжеской дружине, а в их исполнении участвовали «профессиональные певцы, составляющие корпорацию», «былинная техника» передавалась «из поколения в поколение, учителем ученику». На основе летописей были установлены прототипы персонажей былин и исторических песен, реалии, соответствующие им, а также исторические события, положенные в основу сюжетных ситуаций, создана «историческая география» русского эпоса.

Тем самым на фоне крайней скудости источников домонгольского времени, казалось, были найдены новые материалы, которые позволили более полно представить жизнь Древней Руси. Однако первоначальный энтузиазм исчез, когда историки стали указывать на явные несоответствия былинного материала с дошедшими до нас источниками того времени. В ответ представители исторической школы русской

фольклористики объясняли несовпадения исторических событий и содержания былин порчей текста в крестьянской среде.

В этом плане весьма показателен следующий случай. Летом 1899 г. в Архангельской губернии А.В. Марковым в трех вариантах была записана и названа им (со слов сказателя) былина «Камское побоище». Поскольку в ней упоминалось среди прочих имя некоего Самсона Кольванова, исследователь увидел в основе былины рассказ об историческом событии из новгородского прошлого — одном из неудачных походов новгородцев в Югру в 1357 г., закончившемся поражением новгородской дружины и гибелью ее предводителя Самсона Кольванова, о котором в Новгородской четвертой летописи кратко сообщается: «Самсона Кольванова убиша на Югрѣ, съ други»⁸⁶. А.В. Марков нашел и объяснение названия былины: «Если в названии „Камское побоище“ можно видеть указание на речку Каму, левый приток реки Конды, впадающей слева в Иртыш недалеко от его устья, — то наша былина точнее летописи определяет место битвы»⁸⁷.

Но это резко противоречило прежним выводам представителей исторической школы о том, что под «Камским побоищем» следует понимать «Калкское побоище», то есть битву на Калке⁸⁸. В.Ф. Миллер в своих замечаниях на статью А.В. Маркова о Камском побоище писал: «Трудно допустить такой процесс эпической обработки исторического новгородского похода в Югру, чтобы от всего события в эпический рассказ отложилось только одно имя предводителя новгородской дружины Самсона Кольванова и ничего другого, ни одной реальной черты события, притом настолько громкого, что оно было занесено в скудную словами Новгородскую летопись». Превращение «Калкацкого побоища» в «Камское» он объяснял трудностью его произношения для северного крестьянства, где функционировала былина⁸⁹.

Авторитет В.Ф. Миллера как главы исторической школы в это время был настолько высок, что А.В. Маркову в итоге пришлось отказаться от своего мнения. Гипотеза, что былина «Камское побоище» является отражением сражения на Калке, воспроизводилась в литературе до 1950-х гг., пока С.Н. Азбелевым (1926—2017) не была показана слабость аргументов сторонников этого мнения⁹⁰.

Возвращаясь к вопросу — был ли реальный Александр Попович, живший в начале XIII в., изначально фольклорным персонажем, укажем на главную ошибку деятелей исторической школы в фольклористике. Они не учитывали того, что имена самых знаменитых русских богатырей были достаточно распространены.

Знакомство с историческими источниками позволяет задать вопрос — а того ли богатыря Илью Муромца обследовала комиссия Минздрава УССР в 1988 г.? Известно, что первое упоминание о мощах Ильи Муромца относится к 1594 г., когда в Киеве побывал посланник императора Священной Римской империи Рудольфа II Эрих Лассота (ок. 1550—1616), оставивший описание достопримечательностей Киева. В Софийском соборе его внимание привлек придел с могилами богатырей: «В другом приделе церкви была гробница Ильи Муромца [Eliae Morowlin], знаменитого героя или богатыря [Bohater], о котором рассказывают много басен. Гробница его ныне разрушена, но в том же приделе сохранилась гробница его товарища». В Антониевой пещере Киево-Печерского монастыря он видел «великана и богатыря, названного *Чоботком* [Czobotka]». Эрих Лассота даже сообщает историю этого прозвища Чоботок (чобот — сапог). «Как говорят, когда-то внезапно напали [на богатыря] неприятели как раз тогда, когда он надел было один из сапогов своих. Не имея под рукой другого оружия, он в то время оборонялся от них другим сапогом, еще не надетым, и перебил им всех своих врагов, почему и был назван Чоботком»⁹¹. Примечательно, что для Эриха Лассоты Илья Муромец — в приделе Софийского собора и великан Чоботок — в Антониевой пещере — *разные* богатыри.

Данное свидетельство породило две версии. По одной, прототипом Ильи Муромца был воин по имени Чоботок, родившийся в Муроме в 1188 г. После тяжелого ранения в бою он «роздал нажитые богатства на украшение храмов» и постригся в монахи, приняв новое имя — Илья. Другая версия, основываясь на том, что в Южной Руси его называли не Муромцем, а Моровлянином, говорила о том, что его родиной мог быть городок Моровийск неподалеку от Карачева. Высказывались и другие предположения.

Что касается Добрыни Никитича, то помимо дяди князя Владимира Святославича исследователи в летописях с X по

XII в. нашли еще шесть Добрынь: новгородского воеводу Добрыню Рагуиловича, новгородского посадника Добрыню, Добрыню Галичанина и новгородского архиепископа Добрыню Ядрейковича. К прототипам богатыря также причисляли киевского боярина Добрынку и суздальского боярина Добрыню Долгого.

Относительно Алеши Поповича исследователи также указали на несколько возможных прототипов помимо Александра Поповича, убитого на Калке. Один из них, как уже говорилось, был современником князя Владимира Святого, другой действовал при Владимире Мономахе. Последнего отождествили с соратником князя Ольбегом Ратиборичем, о котором в «Повести временных лет» под 1095 г. говорится, что по княжескому приказу он убил приехавшего на переговоры в Переяславль половецкого хана Итларя, расстреляв его из лука сквозь дыру в крыше. Ольбег был сыном известного боярина Ратибора, упоминаемого летописью в 1079—1113 гг., сначала как посадника в Тмутаракани, а под конец жизни на важнейшей должности киевского тысяцкого. В.Л. Янин (1929—2020) указывал, что летописец знает детей Ратибора — Фому и Ольбега, но, возможно, это были два имени одного и того же лица⁹². Судя по годам жизни его отца, к 1095 г. Ольбег был довольно молодым человеком, и его имя могло трансформироваться в уменьшительное Олешу, а затем — в Алешу.

Былинный Алеша Попович прославился двумя главными подвигами — победами над Идолищем Поганым и Тугарином змеем. По мнению Б.А. Рыбакова (1908—2001), Идолище, по всей вероятности, является искажением имени хана Итларя через форму «Итларище Поганый»⁹³. Наиболее известна былина с участием Алеши Поповича — «Алеша Попович и Тугарин», где богатырь вызывает на состязание и убивает Тугарина Змеевича. Еще в начале XX в. В.Ф. Миллером была высказана догадка, что былинный «Тугарин змей» имел исторического прототипа — половецкого хана Тугоркана, убитого в 1096 г.⁹⁴ Он происходил из рода Шаруканов, фамилия которых как раз означала «змея».

Очевидно, именно Ольбега Ратиборича, жившего на рубеже XI—XII вв., и следует признать прототипом былинного Алеши Поповича, но никак жившего столетием позже ро-

стовца Александра Поповича, уменьшительное имя которого, как известно, Саша⁹⁵.

Ошибкой Д.С. Лихачева и представителей исторической школы в фольклористике стало то, что они объединяли в единое целое разных людей, живших в различное время, но носивших одинаковые имена и прозвища. С таким же успехом можно было бы причислить к древнерусским Поповичам и жившего в XX в. советского космонавта П.Р. Поповича (1930—2009).

Каким же образом в общерусских летописях XV в. появились ранее не фиксировавшиеся сведения об участии ростовца Александра Поповича в битве на Калке? Ответ — на удивление прост. Нет сомнений, что у каждого княжеского двора имелся собственный архив, в котором откладывались различные договоры с соседями, фискальные документы, материалы внутреннего управления и т. п.

Известно, что в первой трети XIV в. Ростовское княжество было поделено на две половины между сыновьями Василия Константиновича Ростовского: Сретенская половина досталась Федору Васильевичу, а Борисоглебская — Константину Васильевичу. Относительно Сретенской половины Ростова среди историков идут споры — была ли она присоединена к Москве в XIV в., при Иване Калите, либо позже — в XV в. при Василии Темном. Во всяком случае, в 30—40-х годах XV в. в Ростове уже сидел великокняжеский наместник. В 1474 г. ростовские князья продали Москве вторую Борисоглебскую половину.

Какова была судьба архива ростовских князей? По общему правилу архивы присоединенных княжеств вывозились в Москву. Их материалы на первых порах использовались для различных справок. Однако дальнейшая история подобных собраний времен удельной раздробленности была достаточно печальной. Практически все они не дошли до нас. Если московские князья внимательно хранили свои документы, то к бывшим княжеским архивам отношение было весьма прохладным. Когда исчезала потребность в них на первых этапах вхождения этих регионов в состав московских владений, на них смотрели как на нечто не важное.

Но среди служителей княжеских канцелярий находились интересующиеся историей книжники, которые, заглядывая в

эти архивы, использовали их материалы для своих интересов. Именно на это указывал автор «Повести о битве на Калке» в составе Тверской летописи, когда вставил в нее рассказ об Александре Поповиче, «описаніа налѣзше», то есть найдя соответствующий текст. Так в итоге, именно с момента окончательного вхождения Ростовского княжества в состав единого государства, в летописях с последней четверти XV в. появляются сначала краткие, а затем более пространные известия об Александре Поповиче.

Насколько они достоверны? В этой связи напомним важный вывод историка древнерусской литературы И.П. Еремина (1904—1963): «Древнерусского автора, когда он брался за изображение жизни, заботила прежде всего достоверность изображаемого. И если он не всегда ее добивался, это обстоятельство свидетельствует только о временном нарушении принципа, а не об отказе от него; подчас ему изменяла память, иногда он сознательно умалчивал о фактах, когда это ему почему-либо было нужно, иногда тенденциозно искажал факты, когда это диктовалось ему теми или иными соображениями. Но он редко выдумывал факты, верный своей задаче достоверно описать то, что было»⁹⁶. Все это приводит нас к выводу о реальности фигуры Александра Поповича и связанных с ним событий⁹⁷.

Глава 4

КОГДА ПРОИЗОШЛА БИТВА?

Уже при первом знакомстве с летописными известиями о битве на Калке нетрудно заметить, что они по-разному датируют ее. Это характерно как для древнейших, так и более поздних летописей.

Лаврентьевская, Троицкая, Воскресенская, Типографская летописи, Владимирский летописец и Хронограф редакции 1512 г. датируют сражение 6731 г. «от сотворения мира». Как известно, разница между стилем «от сотворения мира» и привычным нам «от Рождества Христова» составляет 5508 лет. Вычитая указанную цифру, видим, что, согласно этим летописям, сражение состоялось в 1223 г.

В то же время Ипатьевская, Новгородские первая и четвертая, Новгородская по списку П.П. Дубровского, Новгородская Карамзинская, Псковские первая и вторая, Софийская первая, Тверская, Авраамки, Симеоновская, Львовская и Ермолинская летописи относят это событие к следующему, 6732 г., то есть 1224 г.

Никоновская летопись, в отличие от перечисленных выше, полагает, что сражение произошло в 6733 (1225) г., а Рогожский летописец считает, что оно состоялось в 6734 (1226) г.

Несколько особняком стоит известие Густынской летописи, относящей поражение половцев и их обращение к русским князьям к 6732 (1224) г., а поход князей и битву на Калке к 6733 (1225) г.⁹⁸

Также непонятна и точная дата сражения. Лаврентьевская, Тверская и Густынская летописи датируют его 30 мая, при этом первые две указывают, что в этот день отмечалась память святого Еремия. Новгородская первая и Псковские первая и вторая летописи относят битву к 31 мая, а первая из них уточняет, что в этот день отмечалась память святого Еремия.

Однако большинство летописцев считало днем битвы 16 июня без указания дня святого (Троицкая, Никоновская, Новгородская четвертая, Новгородская Карамзинская, Новгородская по списку П.П. Дубровского, Софийская первая старшего извода, Воскресенская, Авраамки, Львовская, Ермолинская летописи). В Типографской летописи встречается еще одна дата — 16 июля.

На этом фоне составители нескольких летописей, не зная, какую из дат выбрать, предпочли не ставить никакого числа (Ипатьевская, Симеоновская летописи, Хронограф редакции 1512 г., Степенная книга).

Посмотрим, как датировали битву отечественные историки. В.Н. Татищев (1686—1750) относил битву к 16 июня и приурочивал ее к пятнице: «Сия так тяжкая и неслыханная на Рускую землю победа случилась иуниа 16 дня в день пятнишний». Эти события он изложил в статье за 6732 (1224) г.⁹⁹ Эту же дату принимала и Екатерина II в своих «Записках касательно российской истории»¹⁰⁰.

Вместе с тем В.Н. Татищев не заметил, что указание на пятницу 16 июня ведет нас к 6731 (1223) г. Это отразило колебания историка относительно даты сражения. В другом месте своей «Истории» он говорил о гибели половцев «в 1222-м году в бою с татары на реке Калка». Но при этом тут же, в перечне великих князей, зафиксировал: «Мстислав III, сын Романа смоленского, князь великий 1214-го убит на Калке от татар 1225-го»¹⁰¹. Неудивительно, что в своем «Лексиконе российском историческом, географическом, политическом и гражданском» историк предпочел не ставить последние две цифры года сражения на Калке: «Калк, река, на которой несчастливая битва великим князем Мстиславом киевским с татары в 12.. году учинилась»¹⁰².

М.М. Щербатов (1733—1790) признал годом битвы 1223 г., но не решился указать конкретный день сражения¹⁰³. Причиной этого стало то, что по юлианскому календарю пятницей являлись как 16 июня 1223 г., так и 31 мая 1224 г.

Н.М. Карамзин (1766—1826) отдал предпочтение дате Новгородской первой летописи — 31 мая 6732 (1224) г., отказавшись от ошибочного, на его взгляд, свидетельства Лаврентьевской летописи, датирующей сражение 30 мая 1223 г. Поводом для этого стало упоминание святого, память кото-

рого пришлось на день битвы: «В *Воскресен.* и других летописях поставлено здесь 16 июня, но в харатейной *Новгородской* 31 мая; и в *Троицкой* то же число: „се ся злоключи месяца... Еремия“ — надобно дополнить: „мая, на память св. апостола Ермиа“ — следственно 31 мая. В некоторых летописях прибавлено: „в пяток“: так и было в 1224 году»¹⁰⁴.

Благодаря этому простому аргументу, с датой, предложенной Н.М. Карамзиным, согласились последующие исследователи XIX в. Д.Н. Бантыш-Каменский (1788—1850), М.П. Погодин (1800—1875), Н.А. Полевой (1796—1846) и Н.С. Арцыбашев (1773—1841)¹⁰⁵. Их авторитет привел к тому, что 31 мая стала общепризнанной датой сражения на Калке. Этому поддались даже первые издатели Лаврентьевской летописи, которые исправили в тексте 30 мая на 31 мая (по дню памяти святого)¹⁰⁶.

Что касается года битвы, определенный перелом наступил в середине XIX в., когда проблемой одновременно заинтересовались сразу несколько исследователей. В 1853 г. вышла работа востоковеда И.Н. Березина (1818—1896) «Первое нашествие монголов на Россию»¹⁰⁷. Он ввел в научный оборот исторические сочинения средневековых восточных авторов. Одним из них стал Рашид ад-Дин, персидский государственный деятель, ученый-энциклопедист, которому принадлежит работа «Джами ат-Таварих» («Сборник летописей»), где среди прочих имеется и описание событий, связанных с битвой на Калке. В нем точной даты нет. Но ее описание в его изложении пришлось на период 618—620 гг. хиджры, то есть 1221—1223 гг.¹⁰⁸ Уточнить дату позволяет привлечение сочинения Ибн аль-Асира, где говорится о том, что после битвы на Калке монголо-татары напали на Волжскую Булгарию в 620 (1223) г. хиджры.

Правда, сам И.Н. Березин с этой датой не согласился. Зафиксировав различные датировки битвы русскими летописцами, он обратил внимание на многочисленные надгробные памятники в Булгаре, на которых имеется «особенная эра, составленная из двух арабских слов: пришествие, угнетение; никакого численного года при этом не значитя. Сложив буквы этих слов, мы получаем 623 год хиджры или 1226 год нашего летоисчисления». Подобные памятники были найдены в Казанской и Оренбургской губерниях. Это дало основание И.Н. Березину полагать, что опустошение Волжской Булга-

рии монголо-татарами происходило летом 1226 г. Соответственно, при определении даты Калкской битвы он колебался между двумя годами — 1224 и 1225-м¹⁰⁹.

В следующем году свет увидело сочинение эстляндского школьного учителя Эрнста Боннеля (1816—1893), обратившего внимание на «Хронику Ливонии» Генриха Латвийского, представляющую собой старейший из известных письменных документов, описывающий события в Ливонии и окружающих странах с 1180 по 1227 г. Она была написана на латинском языке и предположительно адресована папскому легату Вильгельму Моденскому, прибывшему в Ливонию для решения земельных споров между духовными и светскими лицами¹¹⁰.

Главным недостатком хроники является то, что она датировала все описываемые ею события годами паптырской деятельности местных епископов. Э.И. Боннель, сопоставляя материалы хроники с хронологией русских летописей и соотнося их с привычными для нас годами от Рождества Христова, выстроил последовательную хронологию событий¹¹¹. Изданная Академией наук, его работа еще на стадии рассмотрения привлекла внимание академика А.А. Куника, одного из тогдашних знатоков истории Прибалтики, тем более что он сам занимался подобной тематикой. В заседании 18 февраля 1853 г. А.А. Куник с похвалой отозвался о работе школьного учителя, что открыло зеленый свет для ее публикации¹¹².

Но с одним выводом Э.И. Боннеля А.А. Куник не согласился. «Хроника Ливонии» приурочивала битву на Калке к 24-му году епископства Альберта, который проходил, по расчетам Э.И. Боннеля, с весны 1222 г. до весны 1223 г. Тем самым он датировал сражение весной 1222 г.¹¹³

При этом дополнительным доводом в пользу этой даты Э.И. Боннель посчитал тот факт, что Лаврентьевская летопись в конце годовой статьи 6731 (1223) г. после описания битвы на Калке поместила известие о появлении кометы: «Того же лѣта явися звѣзда на западѣ и бѣ от нея луча не възракъ человѣкомъ, но яко к полуденю по двѣ възходящи, съ вечера по заходѣ солнечнѣмъ, и бѣ величствомъ паче инѣхъ звездъ. И пребысть тако 7 дни, и по 7 дни явися луча та от нея ко востоку; пребысть тако 4 дни и невидима бысть»¹¹⁴.

Астрономами было выяснено, что речь в данном случае идет об известной комете Галлея, возвращающейся к Солнцу

каждые 75—76 лет. При этом она хорошо видима невооруженным глазом, что позволило наблюдать ее, начиная с древнейших появлений, зафиксированных еще в Древнем Китае и Вавилонии, по меньшей мере 30 раз. Последнее прохождение кометы через перигелий (ближайшая к Солнцу точка орбиты) было 9 февраля 1986 г., а следующее ожидается 28 июля 2061 г. Что касается 1222 г., по подсчетам астрономов, ее прохождение через перигелий пришлось на 15 сентября этого года¹¹⁵.

Разбирая работу Э. Боннеля, А.А. Куник отметил, что его оппонент не учел повторы у автора хроники Генриха Латвийского, который, желая дать связанное описание сюжета, искусственно соединил в одном году два разновременных события — приход монголо-татар в Половецкие степи и битву на Калке. Между тем, на взгляд исследователя, между этими событиями прошло не менее 8—10 месяцев. Кроме того, не было учтено то, что Генрих Латвийский использовал так называемый благовещенский календарный стиль, при котором новый год отсчитывался с 25 марта, и тем самым отставал на три месяца от январских годов эры «от Рождества Христова».

Но самым весомым аргументом, по мнению А.А. Куника, стало то, что битва на Калке упоминается не только в русских летописях, но и в восточных источниках того времени: у того же Ибн аль-Асира. При этом тот отнес победу монголо-татар над половцами к 619 г. хиджры (15 февраля 1222 г. — 3 февраля 1223 г.), а битву на Калке — к следующему 620 г. мусульманского летоисчисления (4 февраля 1223 г. — 23 января 1224 г.). Достоверность этой даты подтверждалась тем, что комету сентября 1222 г. арабский писатель датировал 619 г. хиджры¹¹⁶.

Тем самым А.А. Куник признал достоверность показаний считавшейся на тот момент древнейшей Лаврентьевской летописи, отметившей битву под 6731 (1223) г. Что касается дня, то он посчитал по упоминанию памяти святого Еремия указанное в ней 30 мая опиской и датировал битву 31 мая 1223 г.¹¹⁷

Во второй половине XIX — начале XX в. дата битвы на Калке, выведенная А.А. Куником, прочно закрепилась в учебниках¹¹⁸. Во многом это произошло благодаря Д.И. Иловайскому и С.Ф. Платонову (1860—1933). Первый являлся ав-

тором различных школьных учебников, некоторые из которых выдержали более 40 изданий (общее же число переизданий всех его пособий по истории составило свыше 150). Второму принадлежал «Полный курс лекций по русской истории», в основу которого легли лекции, прочитанные С.Ф. Платоновым в Петербургском университете и на Бестужевских курсах и ставшие самым подробным обобщающим изданием по русской истории.

Между тем такие исследователи, как С.М. Соловьев и Н.И. Костомаров (1817—1885), по-прежнему продолжали вслед за Н.М. Карамзиным считать годом битвы 1224 г.¹¹⁹ При этом в выборе данной даты они опирались на свидетельства соответствующих летописей.

Оказалось, что случай с битвой на Калке — не единственный в своем роде. В разных летописных сводах датировка одних и тех же событий нередко отличается на один-два года. Это особенно характерно при сравнении между собой данных наиболее ранних летописей — Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской первой.

В начале XX в. специалист в области хронологии Н.В. Степанов (1857—1914) предположил, что указанные расхождения в датировках — не ошибки, а следствие использования двух различных календарных стилей. Если византийский календарь отсчитывал год с 1 сентября, то на Руси даже после принятия христианства сохранялось существовавшее еще в пору язычества начало года с марта. Подобная ситуация сохранялась примерно до конца XIV в., когда происходит постепенный переход с мартовского счисления на сентябрьское, просуществовавшее вплоть до эпохи Петра I. Именно от этого времени до нас дошли древнейшие летописные своды. Как известно, Лаврентьевская летопись сохранилась в списке последней четверти XIV в., тогда как Ипатьевская датируется концом 1420-х гг. При ее создании летописец, несомненно, должен был учитывать переход с одного календарного стиля на другой. В целом ряде случаев это было сделано не без ошибок.

При переводе дат на другой календарный стиль возможны только два варианта: мартовский год по отношению к сентябрьскому с тем же порядковым номером может начинаться или на полгода позже сентябрьского, или на полгода раньше.

Поэтому Н.В. Степанов предложил мартовский год, начинающийся на полгода позже сентябрьского, назвать *мартовским*, а тот, который начинался на полгода раньше сентябрьского, — *ультрамартовским* (от лат. ulta — по ту сторону). Тем самым вполне удовлетворительно объяснялась небольшая (в один-два года) хронологическая разница в описании одних и тех же событий различными летописями. В нашем случае следует признать правоту Лаврентьевской летописи, относящей битву на Калке к 1223 г. Нужно отметить, что независимые от русского летописания восточные источники подтверждают данную дату.

Между тем немецкий историк Ф.К. Шлоссер (1776—1861) в своей книге «Всемирная история» в качестве даты сражения на Калке признавал 1224 г.¹²⁰ Данный факт не стоил бы даже упоминания, если бы данную работу не использовал К. Маркс для своих «Хронологических выписок», где под 1224 г. практически дословно процитировал Ф.К. Шлоссера: «*Когда Чингисхан был еще в Хорезмском государстве, его сын Джучи — завоеватель Кипчака — проник в Европу со стороны Каспийского моря; столкнулся с половцами (языческий тюркский народ), которые, кочуя от Азовского моря до порогов Днепра, были в постоянной вражде с русскими, раздробленными на множество государств; половцы просят у русских помощи, последние приходят под предводительством великого князя Мстислава [женатого на половчанке] (идет на помощь больше чем с 100 000 человек); они понесли поражение на реке Калке, так что монголам был открыт весь юг России. Но те доходят только до Чернигова; затем наступает затишье в течение нескольких лет, потому что еще в этом же году (1224) смерть Джучи и отступление Чингисхана из Хорезма заставили монголов отложить военный поход на Запад»¹²¹.*

Данное обстоятельство сыграло свою роль в том, что вскоре после 1917 г. чисто академический спор о дате битвы перетек в политическую плоскость. Особенностью советской исторической науки являлось то, что в любой работе (независимо от того, какому периоду она была посвящена) должны были присутствовать цитаты из трудов классиков марксизма. Для периода Средневековья одной из широко цитировавшихся работ стали «Хронологические выписки» К. Маркса, в которых годом битвы на Калке значился 1224 г.

Неудивительно, что эту дату признал тогдашний лидер советских историков в 1920-х гг. М.Н. Покровский (1868—1932). Главным его трудом стала «Русская история в самом сжатом очерке» — первый советский учебник истории, заслуживший похвалу В.И. Ленина. 5 декабря 1920 г. после прочтения первых двух частей книги вождь мирового пролетариата пишет письмо М.Н. Покровскому. Приведем его полностью:

«Тов. М.Н. Покровскому

Тов. М.Н.! Очень поздравляю вас с успехом: чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга „Рус[ская] И[стория] в сам[ом] сж[атом] оч[ерке]“. Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по моему, перевести на евр[опейские] языки.

Позволю себе одно маленькое замечание. Чтобы она была учебником (а она должна им стать), надо *дополнить ее хронологическим указателем*. Поясню свою мысль примерно так: 1) столбец хронологии; 2) столбец оценки буржуазной (кратко); 3) столбец оценки *Вашей*, марксистской; с *указан[ием] страниц Вашей книги*.

Учащиеся должны знать и Вашу книгу и *указатель*, чтобы не было *верхоглядства*, чтобы *знали факты*, чтобы учились сравнивать старую науку и новую. Ваше мнение об этом дополнении?

С ком[мунистическим] прив[етом]

Ваш Ленин»¹²².

Совет В.И. Ленина был выполнен М.Н. Покровским, приложившим к книге синхронистические таблицы, в которых датой битвы на Калке значился 1224 г.¹²³ Тогда же она появилась и в других школьных учебниках¹²⁴.

Объяснить ее взялся А.Б. Салтыков (1900—1959), готовивший тогда так и не защищенную им диссертацию о русско-татарских отношениях в XIII в. Прежде всего он суммировал наблюдения своих предшественников:

1) летописи относят битву к 6731, 6732, 6733 и 6734 гг., что с учетом датировки по мартовскому, ультрамартовскому и сентябрьскому стилям дает пять возможных дат: 1222, 1223, 1224, 1225 и 1226 гг.

2) Из трех возможных дат (30 и 31 мая, 16 июня) А.Б. Салтыков сразу отбросил 30 мая, так как день памяти святого Еремия приходится на 31 мая. Именно в этот день произошла битва, поскольку 16 июня — день вокняжения в Киеве князя-беглеца Владимира Рюриковича. Переход от Днепра до Калки определяется летописцами в 8 или 9 дней. Правда, при этом непонятно — откуда следует считать: от Днепра или от того места, где был разбит отряд Гемябека? Используя показание Ипатьевской летописи, что переправа через Днепр происходила во вторник, А.Б. Салтыков, считая, что указанный путь мог занять от 8 до 10 дней, попытался определить — в какой именно вторник какого года это произошло? Наиболее вероятными оказываются 1223 г. (8 дней) и 1224 г. (10 дней).

3) Ипатьевская летопись определяет возраст князя Даниила Романовича в 18 лет. Но это ошибка, поскольку он родился в 1201 г.

4) Ничего не дает сообщение, что монголо-татары пришли в 10-е лето княжения Мстислава Киевского, поскольку точно неизвестно, когда Мстислав Романович вступил на великое княжение и до чего считать: до битвы или до нашествия монголо-татар.

5) Описание в летописях кометы Галлея, видимой в сентябре 1222 г., также ничего не дает, поскольку летописи «привязывают» ее к разным годам, а Никоновская летопись дает для нее два года — 6731 и 6733 гг.¹²⁵ Это заставляет признать перенос события с одного года на другой и воздержаться от высказывания.

6) В.Н. Татищев отмечал, что битва произошла «в день пятишний». При этом пятницей были как 16 июня 1223 г., так и 31 мая 1224 г. Поскольку пятница «привязывается» к дню битвы, речь должна идти о 1224 г.

Разбирая доводы А.А. Куника, что битва произошла в 1223 г., А.Б. Салтыков отметил, что тому были не известны показания греческого синаксария, в котором захват монголо-татарами Судака в Крыму датируется 27 января 1223 г. У Ибн аль-Асира сказано, что после поражения кипчаков (половцев) «татары долго оставались» в их земле. Поскольку от захвата Судака до конца мая 1223 г. прошло всего четыре месяца, термин «долго» нельзя относить к 1223 г., а саму битву следует отнести к 31 мая 1224 г.¹²⁶

После появления статьи А.Б. Салтыкова в школьных учебниках годом битвы на Калке окончательно стал признаваться 1224 г.¹²⁷

Правда, не все из историков согласились с этой датой. Так, вывод А.Б. Салтыкова вызвал критические замечания архивиста С.А. Аннинского (1891—1942) в его комментариях к изданию «Хроники Ливонии», упрекавшего А.Б. Салтыкова, что им были использованы только те материалы, которые в середине XIX в. были известны еще А.А. Кунику, а весь вывод строится на показании греческого синаксария, где имеется запись, сделанная в крымском Судаке под 27 января: «В тот же день пришли впервые татары 6731 года».

При этом встал вопрос — как относиться к переводам иностранных источников, точнее, что предпочесть — ранее сделанный перевод или более новый? Общие правила предполагают, что следует выбрать новый, поскольку с момента публикации прежнего перевода могли появиться новые исследования источников и т. п. Правда, это не всегда так. Сравнивая классические переводы с древнегреческого и латыни с современными переводами, нередко видишь ущербность последних, вызванную отсутствием гимназического образования, предусматривавшего обязательное знакомство с древними языками.

С.А. Аннинский, сравнивая перевод труда Ибн аль-Асира, сделанный востоковедом Н.И. Ильминским (1822—1891), которым пользовались А.А. Куник, а вслед за ним А.Б. Салтыков, отметил, что в нем относительно пребывания монголо-татар в Кипчаке используется слово «долго», а уже в следующем по времени переводе В.Г. Тизенгаузена (1825—1902) вместо слова «долго» читается «некоторое время». Известный арабист академик И.Ю. Крачковский (1883—1951), к которому С.А. Аннинский обратился за консультацией, подтвердил, что слово *muddatan*, использованное автором, должно употребляться именно в последнем значении¹²⁸.

Между тем через несколько лет после смерти М.Н. Покровского (он умер от рака в апреле 1932 г.) в стране развернулась критика его взглядов. Она началась с совместного постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая 1934 г., где, в частности, говорилось: «Вместо преподавания гражданской истории в жи-

вой и занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности с характеристикой исторических деятелей — учащимся преподносят абстрактное определение общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами»¹²⁹. Ни для кого не стало секретом, что это был первый, пока еще завуалированный, выпад в адрес М.Н. Покровского.

27 января 1936 г. в газетах «Правда» и «Известия» было опубликовано официальное сообщение «В Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б)», где обошлось уже без обтекаемых формулировок: «Среди некоторой части наших историков, особенно историков СССР, укоренились антимарксистские, антиленинские, по сути дела ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку. Совнарком и ЦК ВКП(б) подчеркивают, что эти вредные тенденции и попытки ликвидации истории как науки связаны в первую очередь с распространением среди некоторых наших историков ошибочных исторических взглядов, свойственных так называемой „исторической школе Покровского“»¹³⁰. Ближайшим следствием этого постановления стало то, что 11 ноября 1937 г. Московский государственный университет в своем названии потерял добавление «имени М.Н. Покровского», полученное им 20 октября 1932 г.

Новые обвинения последовали в постановлении ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)», в котором отмечалось: «В исторической науке до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство были связаны с так называемой „школой“ Покровского, которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и, тем самым, искажала действительную историю»¹³¹.

Посмертный разгром М.Н. Покровского был довершен вышедшим в 1939—1940 гг. двухтомником «Против исторической концепции М.Н. Покровского». Вся эта кампания была направлена не столько против историка, похороненного в Кремлевской стене, сколько на близкого ему Н.И. Бухарина (1888—1938) и других противников Сталина.

Данные события применительно к битве на Калке послужили основой для переписывания учебников в соответствии с новой исторической концепцией. Вместо 1224 г. сражение вновь стало датироваться 1223 г. Это было сделано А.Н. Насоновым (1898—1965) в его статье «Татарское иго на Руси в освещении М.Н. Покровского» в указанном двухтомнике¹³².

Новую «старую» дату необходимо было обосновать, что и сделал в 1944 г. Л.В. Черепнин, выпустивший учебное пособие по исторической хронологии. В нем он решил показать примеры использования ее методов в конкретных исторических исследованиях. Выбор пал на выяснение времени битвы на Калке. При этом он опирался на те же исторические источники, что за полтора десятилетия до него использовал А.Б. Салтыков.

Исследователь указал, что различные русские летописи датируют битву по-разному, называя следующие годы: 6731, 6732, 6733 и 6734-й. Как уже говорилось, для перевода дат на современное летоисчисление из этих дат следует вычитать 5508 лет ($6731 - 5508 = 1223$). При этом необходимо помнить, что если летопись велась по сентябрьскому стилю (то есть новый год считался с сентября), то для событий, случившихся в сентябре—декабре, следует вычитать 5509. Если же летопись велась по мартовскому стилю (то есть новый год считался с марта), то для событий, случившихся в январе и феврале, необходимо вычитать 5507, чтобы получить верную современную дату. Учитывая возможность использования летописцами трех календарных стилей, при переводе дат приходится вычитать одно из трех чисел (5507, 5508 и 5509). Отсюда он сделал вывод, что названным датам «от сотворения мира» соответствуют шесть возможных дат: 1222, 1223, 1224, 1225, 1226, 1227 гг.

Хотя летописцы неодинаковым образом указывают день битвы (30 или 31 мая, 16 июня), во всяком случае, она происходила в июне или в мае. Отсюда при переводе дат при любом календарном стиле отпадает в качестве вычитаемого число 5507. Отсюда шесть возможных дат (1222—1227) сокращаются до пяти (1222—1226). Тем самым 1227 г. исключается как явно неприемлемый.

Поскольку битва происходила в день памяти святого Еремия, которая отмечается 31 мая, Л.В. Черепнин отбросил

дату 30 мая как явно ошибочную. Далее он обратил внимание, что переправа князей через Днепр пришлось на вторник за 8 или 9 дней до битвы. Учитывая, что битва происходила или 31 мая, или 16 июня, он проверил, в каких из пяти указанных выше годов (1222—1226) день недели, на 8—9 или даже 10 (принимая во внимание неточность расчетов) суток предшествовавший 31 мая или 16 июня, был вторником. При допущении днем битвы 31 мая это могло быть в 1223 и 1224 гг. Если же битва случилась 16 июня, то переправа (за 8—10 суток) могла быть во вторник в 1222 и 1223 гг. Это заставляет отказаться при датировке битвы от 1225 и 1226 гг. Таким образом, остаются четыре возможные даты: 31 мая 1223 или 1224 г. или же 16 июня 1222 или 1223 г.

Указание Н.М. Карамзина, повторившего утверждение В.Н. Татищева, что днем битвы была пятница, оставляет только две возможные даты: 31 мая 1224 г. и 16 июня 1223 г. (эти дни пришлись именно на пятницу). Обращение к труду Ибн аль-Асира, относившего битву на Калке к 620 г. хиджры, ведет нас к интервалу 4 февраля 1223 г. — 23 января 1224 г. В эти пределы укладывается только дата 16 июня 1223 г.

Тем самым, собрав все известные датирующие элементы (пятница, восемь или девять дней продвижения русских по степи после переправы через Днепр во вторник), Л.В. Черепнин пришел к повторению татищевской даты — 16 июня 1223 г.¹³³ Позднее его доводы в более кратком виде повторили А.П. Пронштейн и В.Я. Кияшко в вузовском учебнике по хронологии¹³⁴.

Тем не менее разнобой в датировке битвы на Калке по-прежнему продолжался. Академик Б.Д. Греков (1882—1953) принимал за день сражения 16 июня 1223 г. Вслед за ним эту дату приняли украинские историки¹³⁵. В то же время литературовед А.С. Орлов (1871—1947) датировал Калкскую битву 16 июня 1224 г.¹³⁶ Эти колебания в датировке привели к тому, что К.В. Базилович (1892—1950) в своих лекциях, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), говоря о битве на Калке, вынужден был приводить обе даты: «16 июня 1223 г. (по другим источникам, 31 мая 1224 г.)¹³⁷».

Подобные разногласия, отразившиеся в школьных и вузовских учебниках, привели к появлению в 1947 г. статьи Л.А. Сердобольской «К вопросу о хронологии похода русских князей против татар и битвы при реке Калке». Основываясь

на анализе летописных текстов и сообщений Ибн аль-Асира, хронологической связи дня переправы через Днепр (вторник), она признала правильность установленного академиком А.А. Куником 1223 г. годом битвы, а предложенную им хронологическую таблицу решила дополнить:

«16 мая, во вторник — русские войска перешли Днепр.

20 мая, в субботу — воины Мстислава Удалого разбили сторожевой татарский отряд у Половецкого кургана.

28 мая, в воскресенье — русские войска подошли к р. Калке. Мстислав Удалой и Даниил Романович переправились на ее левый берег.

29 мая, утром — битва Мстислава Удалого и Даниила Романовича с татарами и начало трехдневной битвы русских войск с татарами.

31 мая, в среду — окончательное поражение русских войск во главе с киевским князем, после трехдневного сражения (финал главной битвы)»¹³⁸.

После этого дата 31 мая 1223 г. прочно утвердилась в советской исторической науке¹³⁹ и, как следствие этого, оказалась в школьных и вузовских учебниках¹⁴⁰.

Окончательно происхождение даты 16 июня объяснил Н.Г. Бережков (1886—1956): «В сводах XV в. появляется ошибочная датировка битвы на Калке 16 июня; ее находим в Софийской I, Новгородской IV, Воскресенской, в Московском Академическом списке и в других летописях. Так называемая Тверская летопись (Тверской сборник) позволяет установить происхождение ошибки. Под 6732 г. (ультрамартовским) она сообщает, что после поражения на Калке и гибели киевского князя Мстислава Романовича „Володимир Рурикович... седе в Кieve месяца июня 16 день. А злоба случилася месяца маа 30 (надо читать: мая 31) на память святого мученика Еремеа“. Те же дни указаны в Густынской летописи. Очевидно, в том своде, в котором впервые появилась датировка битвы 16 июня, ошибка была вызвана смешением дат двух событий; действительная дата битвы была опущена, а за день битвы принят день вокняжения Владимира Рюриковича в Кieve» (вместо погибшего на Калке Мстислава Романовича)¹⁴¹.

По мнению Я.С. Лурье (1921—1996), ошибка появилась в гипотетическом митрополичьем «своде 1448 г.», представлявшем своеобразный монтаж из общерусского и новгород-

ского летописания¹⁴². Более подробно эту точку зрения рассмотрел современный нижегородский историк А.А. Кузнецов, на взгляд которого появление 16 июня как даты битвы на Калке связано с ошибкой тверского летописца и вызвано сокращением двух датированных известий о самой битве и киевском вокняжении Владимира Рюриковича¹⁴³.

Вместе с тем общепризнанная ныне дата не объясняет противоречащие ей детали, мимо которых прошли исследователи. Так, В.Т. Пашуто, полагая 1223 г. временем битвы на Калке, обратил внимание на то, что в «Великой хронике» Матфея Парижского передавалась речь русского игумена Петра Акеровича на Лионском соборе (1245 г.), заявившего, что впервые татары опустошили Русь 26 лет назад. Другой факт более показателен: согласно рассказу о битве на Калке в Ипатьевской летописи, участвовавшему в ней князю Даниилу Романовичу было 18 лет. Но она же сообщает, что в год смерти его отца Романа Мстиславича (1205) князю Даниилу исполнилось 4 года¹⁴⁴. Эти наблюдения заставляют датировать битву 1219—1220 гг.

Пытаясь как-то объяснить это противоречие в определении возраста Даниила, украинский исследователь А.П. Толочко обратил внимание на фразу Ипатьевской летописи, где дословно говорится: «По смерти же великаго князя Романа. [...] великоу мятежю восставшю в землѣ Роускои, оставившима же ся двѣима сынома его единѣ 4 лѣт а другии двоу лѣтъ». Цитированный текст не содержит имен княжичей и не позволяет четко установить, кому из них было четыре, а кому два года в 1205 г. Историографическая традиция считает старшим сыном Романа — Даниила, а вторым — Василька.

А.П. Толочко, стремясь выяснить, каким образом в год битвы на Калке Даниилу оказалось 18 лет, выстроил следующую схему: Василько был старшим, а Даниил — младшим из сыновей Романа Мстиславича. Как известно, сыновья Романа являлись детьми от его второго брака. Отношения Романа с его первой супругой Предславой Рюриковной, дочерью великого киевского князя Рюрика Ростиславича, были достаточно сложными и к концу XII в. окончательно разладились. Лаврентьевская летопись уже под 1197 г. отмечала, что Роман «поча пущати дщерь Рюрикову хотяшетъ ю постричи»¹⁴⁵. Поскольку дочь Рюрика Ростиславича после 1197 г., вероят-

нее всего, жила при отце, Роман мог *de facto* вступить в новые отношения.

По мнению А.П. Толочко, к исходу 1202 г. у Романа ожидался ребенок. Но формально он был еще женат, и рождение внебрачного ребенка выглядело бы сомнительно с канонической точки зрения. Пострижение прежней супруги было наиболее весомым основанием для развода и нового брака. Вскоре Роман силой постриг свою первую жену. Лаврентьевская летопись датирует пострижение 6713 (1205) г., но Н.Г. Бережков полагал, что эти события происходили в конце мартовского 6710 г.¹⁴⁶ Ныне считают, что это произошло в конце 1202 — самом начале 1203 г. «Не с этим ли предстоящим событием связано внезапное, малообъяснимое и ничем внешне не спровоцированное пострижение Рюрика, его жены и дочери осенью 1202 г. („дьявол положи смятение велико“, только и смог объяснить летописец)?» — задался вопросом исследователь.

А.П. Толочко, обращаясь к утверждению «Повести о битве на Калке», что Даниилу было 18 лет, отметил, что «это можно понимать двояко — либо так, что князю шел восемнадцатый год, либо так, что Даниилу исполнилось полных 18 лет и шел девятнадцатый. В этом случае дату его рождения можно было бы отодвинуть на 1204 г. и, следовательно, тождество с возрастом, указанным в начальной записи Галицко-Волынской летописи, оказывалось бы полным»¹⁴⁷.

Однако данное построение украинского исследователя является не более чем предположением. Выше уже говорилось об истории создания Галицко-Волынской летописи, представляющей собой третью часть Ипатьевского свода. Первоначально Галицко-Волынская летопись писалась в форме свободного рассказа, а повествование в ней велось не по годам. Лишь в конце XIII в. материалы были сгруппированы в соответствии с хронологией событий, но без годовой сетки, которую внес лишь создатель Ипатьевского списка. Составители летописей, кроме документов, отложившихся в доступных им архивах, использовали и другие различные сочинения: повести, жития, в том числе и иностранные. Автору Галицко-Волынской летописи, очевидно, был известен рассказ Ибн аль-Асира о событиях, связанных с первым столкновением русских и монголо-татар. При этом последний специально подчеркнул, что

сгруппировал их в единое целое: «Мы сообщили эти известия о Западных Татарах за один раз, чтобы не делать перерыва». Свой рассказ об этих событиях он начинает с 617 г. хиджры (8 марта 1220 — 24 февраля 1221 г.), когда Даниилу было действительно 18 лет.

Подобную датировку битвы на Калке видим в «Задонщине», которая сообщает: «А от Калатьские рати до Момаева побоища 160 лѣт». В действительности от битвы на Калке (1223 г.) до Куликовской битвы (1380 г.) прошло 157 лет. М.Н. Тихомиров, комментируя данную фразу, предположил, что автор «Задонщины», высчитывая годы, отсчитал их до момента создания своего произведения, то есть до 1383 г.¹⁴⁸ С учетом вышесказанного становится понятным, что историк ошибался.

Современный алтайский исследователь С.В. Цыб обратил внимание на другое. Он попытался выяснить, каким образом в летописях при определении даты битвы на Калке появились годы более поздние, чем исходный: 6731 (1223) г. Толчком для этого стало наблюдение, что при механическом соединении летописцем двух летописей в одном своде нередко наблюдается сбой дат. Это, например, хорошо видно по Ипатьевскому списку, когда к его второй части — Киевскому своду — была присоединена третья — Галицко-Волынская летопись.

Именно это можно наблюдать в Симеоновской летописи, отразившей тверскую переработку 1412 г. московского свода 1408 г. В ней отразился начальный этап деформации исходного годового числа. Исследователями давно было замечено, что в этой летописи на значительном участке текста (6715—6738 гг.) даты опережают на одно годовое показание Лаврентьевскую и Троицкую летописи, не затронутые редактированием 1412 г. «Увеличенный» ряд годовых чисел возник искусственно, путем механического прибавления одного номера к «лаврентьевско-троицким» годам: вместо исходного 6731 г. здесь фигурирует 6732 г.¹⁴⁹

Дальнейшее изменение летописного текста, по мнению С.В. Цыба, привело к очередному механическому увеличению номера года из-за вставки предания об участии в битве ростовских «храбров» во главе с Александром Поповичем. В Никоновской летописи рассказ о битве переместился в 6733 г. Еще

одно редактирование (на этот раз сокращение) привело к тому, что в Рогожском летописце появился 6734 г.¹⁵⁰

Отсюда со всей очевидностью вытекает, что в первоначальном варианте битва на Калке датировалась 6731 (1223) г. С этим годом следует согласовать четыре календарные даты, встречающиеся в летописях: 30 мая, 31 мая, 16 июня и 16 июля. Последняя дата (16 июля), имеющаяся в Типографской летописи, никогда не принималась историками в расчет, поскольку здесь явная описка: «июля» вместо «июня», неоднократно встречающаяся в русских летописях.

Относительно появления в Лаврентьевской летописи 30 мая С.В. Цыб напомнил, что в Древней Руси числа обозначались буквами с поставленными наверху титлами, указывавшими их числовое значение. Однако число *лѣ* (31), помещенное под короткое титло (*лѧ*), довольно часто переписчиком воспринималось как *л̄* (30), поскольку последняя цифра не подпадала под цифровое обозначение и понималась им как буква.

Ошибкой исследователя стало то, что он допустил существование в Древней Руси одновременно двух календарных стилей: константинопольского (в котором интервал между сотворением мира и Рождеством Христовым составлял 5508 лет) и византийско-болгарского (этот же интервал составлял 5505 лет) летосчисления. Для последнего было характерно указание рядом с юлианскими числами пасхальных датировок по образцу расписания Евангелия-апракос, когда указывались не только число и церковный праздник, но и день соответствующей недели по Пасхе. По мысли С.В. Цыба, именно в такой пасхально-юлианской форме и была записана первоначальная календарная дата 6731 г. в рассказе о Калкской битве. Дальнейшее редактирование «потеряло» ее пасхальную часть и изменило юлианское число. Тем самым, утверждая, что изначальная дата 6731 г. была записана по византийско-болгарскому календарному стилю, он пришел к выводу, что битву на Калке следует датировать вторником 16 июня 1226 г.¹⁵¹

Выдвигая эту дату, С.В. Цыб попытался доказать справедливость утверждения И.Н. Березина, что летом 1226 г. монголо-татары опустошили Волжскую Булгарию, о чем свидетельствовали могильные памятники в Булгаре и других местах

Поволжья¹⁵². Однако Ибн аль-Асир дает самое простое объяснение: после разгрома монголо-татарами Волжской Булгарии на несколько лет торговля с ней замерла. Только вернувшись в родные места, обитатели Булгара поставили памятники погибшим и занялись привычными делами. Судя по всему, это произошло в 1226 г., через три года после вражеского набега.

Увлечшись попытками найти следы византийско-болгарского летоисчисления, С.В. Цыб проигнорировал самое простое объяснение. Создатель Лаврентьевской летописи не ошибался, когда говорил о 30 мая как дате сражения и при этом указывал память святого, приходившуюся на следующий день. Следует напомнить, что в Древней Руси отсчет новых суток начинался предыдущим вечером. Вплоть до начала XVIII в. сутки разбивались на «ночные» и «дневные» часы. Конец дня возвещали особым знаком, что называлось «отдачей часов», а с заходом солнца отсчитывался новый день. Это счисление перешло в христианскую церковь из Ветхого Завета. В частности, евреи считали началом суток время солнечного заката (примерно в 18.00), и поэтому сутками считался период между солнечным закатом одного дня и последующего дня¹⁵³.

Данный порядок был отменен решением Синода лишь в 1722 г. с заменой прежних часов общеевропейскими, а началом суток сделалась полночь (в 00.00, как сейчас). Реликтом прежнего отсчета времени является то, что и поныне суточный богослужебный круг начинается вечером.

Таким образом, если какое-либо событие произошло вечером, скажем, в 21 час, то, с одной стороны, по церковному счету, оно записывалось следующим днем, но с другой, по бытовому, датировалось еще предыдущим. Именно это видим и в случае с битвой на Калке. Битва закончилась вечером 30 мая, но уже после наступления нового церковного дня.

Подобная ситуация не являлась чем-то уникальным для Древней Руси. Ее видим при датировке смерти Ярослава Мудрого. Ипатьевская летопись под 6562 (1054) г. сообщает: «Преставися князь Руский Ярославъ... Ярославу же приспе конецъ житья и предасть душу свою месяца февраля 20 в субботу 1 недели поста въ святого Федора день»¹⁵⁴. Но среди древних граффити Софийского собора в Киеве была обнаружена запись, относящая это событие не к субботе, а к воскресенью: «Въ [лето] 6562 месяца феввари 20 успение царя

нашего въ възкресени в... еде... Феодора». В свое время это разногласие породило дискуссию о дате кончины Ярослава Мудрого, пока ее не объяснил академик Б.А. Рыбаков: Ярослав умер в ночь с субботы на воскресенье, когда по одному счету (бытовому) была еще суббота, а по церковному уже воскресенье¹⁵⁵.

Приведем еще один пример, аналогичный случаю с датой битвы на Калке. Лаврентьевская летопись под 6745 (1237) г. сообщает о начале штурма Владимира войсками Батыея: «[татары] въ недѣлю мясопустную по заутрени приступиша к городу, мѣсяца февраля въ 7, на память святаго мученика Феодора Стратилата»¹⁵⁶. Между тем память святого Федора Стратилата празднуется на следующий день, 8 февраля. Здесь важно указание летописца на заутреню, открывающую суточный круг богослужения, состоящий из служб, совершаемых в течение суток. Соответственно, зная примерную продолжительность церковной службы, начавшейся вскоре после отдачи «дневных часов», достаточно точно можно выяснить время начала штурма Владимира войсками Батыея. Судя по данным Л.В. Черепнина, в начале февраля первый час «ночи» отсчитывался с 16.30 по современному счету¹⁵⁷. Тогда же начиналась и заутреня. Поскольку следующая служба церковного суточного круга именовалась «третьим часом», который начинался в 18.30 по современному счету, можно говорить о начале штурма Владимира около 18 часов 7 февраля 1237 г.

Как видим, Лаврентьевская летопись, основываясь на показаниях современника, сохранила точную дату сражения — 30 мая 1223 г. Рассказ о битве на Калке попал в нее буквально через несколько лет после сражения, когда были живы очевидцы, прекрасно помнившие его дату.

В Новгородской первой летописи сюжет о битве на Калке был записан уже после Батыева нашествия, не ранее 40-х гг. XIII в. Разумеется, за два десятилетия подробности битвы уже было не вспомнить. Ее автор, в котором видят пономаря Тимофея, исполнявшего в 1260-х гг. обязанности владычного секретаря новгородского архиепископа, зная, что память святого Еремия отмечалась 31 мая, перенес дату битвы на день позже, а заодно и увеличил порядковый номер года, что было, как мы видели, характерным явлением при редактировании летописей.

Очевидно, такая же ситуация стояла перед автором соответствующей части Ипатьевской летописи. Но он решил обойти вопрос о дате битвы.

Так учет церковных праздников позволяет уточнить хронологию целого ряда событий древнерусской истории. Тем самым приходим к выводу, что битву на Калке следует датировать 30 мая 1223 г.

Но, даже выяснив действительную дату интересующего нас события — 30 мая 1223 г., возникает еще один вопрос — что именно произошло в этот день: поражение русских ратей и последующее трехдневное сопротивление защитников укрепленного лагеря во главе с Мстиславом Киевским или же их гибель, а само сражение проходило тремя днями ранее?

Для начала следует уточнить: откуда В.Н. Татищев взял, что сражение было в пятницу? Неоднократно предпринятые поиски летописей, в которых бы имелось соответствующее указание, не дали результата. Исследователи предположили, что, очевидно, это были расчеты историка. Поскольку после разгрома основных русских сил Мстислав Киевский еще три дня оборонялся в укрепленном лагере, В.Н. Татищев к указанной в летописи дате добавил еще три дня и высчитал, что окончательное поражение произошло в пятницу 2 июня 1223 г. Это наглядно видно по календарю за указанный год, к которому мы будем неоднократно возвращаться.

Календарь на 1223 г.

	апрель				май					июнь				
Пн.		3	10	17	24	1	8	15	22	29	5	12	19	26
Вт.		4	11	18	25	2	9	16	23	30	6	13	20	27
Ср.		5	12	19	26	3	10	17	24	31	7	14	21	28
Чт.		6	13	20	27	4	11	18	25	1	8	15	22	29
Пт.		7	14	21	28	5	12	19	26	2	9	16	23	30
Сб.	1	8	15	22	29	6	13	20	27	3	10	17	24	
Вс.	2	9	16	23	30	7	14	21	28	4	11	18	25	

Позднейшие коллеги В.Н. Татищева, не разобравшись в этом, стали искать нужную пятницу. Волей случая этот день недели пришелся как на 31 мая 1224 г., так и на 16 июня 1223 г.

Что же происходило 30 мая 1223 г.? Историки XIX в. так и не смогли дать ответ. А.А. Куник, определяя, что «31 мая, которое в 1223 г. было в среду», сам задал вопрос: «Спрашивается только, что здесь разумеется: день ли, бывший началом всех поражений, или последний день поражения войск Мстислава Романовича?»¹⁵⁸ М.Д. Хмыров (1830—1872) также отметил, что днем битвы на Калке «летописцы указывают 31 мая, не объясняя, впрочем, относится это указание к поражению Мстислава галицкого или гибели Мстислава киевского, случившееся, по русским источникам, четыремя, а по арабским — семью днями позже»¹⁵⁹.

Мнения последующих исследователей на этот счет разделились. Как говорилось выше, Л.А. Сердобольская считала, что русские рати подошли к Калке в воскресенье 28 мая, на следующий день 29 мая началась битва, а ее финал наступил 31 мая¹⁶⁰. В.К. Романов полагал, что битва произошла 28 мая, а 31 мая русские князья погибли после трехдневной осады их укрепленного лагеря. Этой же точки зрения придерживаются А.А. Астайкин, Е.В. Пчелов и М.Ф. Котляр¹⁶¹.

Вместе с тем Ю.Е. Савельев, а вслед за ним С.Б. Жарко и М.Б. Елисеев полагают, что битва проходила предположительно с 31 мая по 3 июня 1223 г.¹⁶² К этой же точке зрения склонились А. Голыженков и Ю.В. Зеленский¹⁶³.

Для выяснения подробностей необходимо обратиться к хронологии всего похода русских князей и определению места битвы.

Глава 5

ВЫСТУПЛЕНИЕ РУССКИХ КНЯЗЕЙ

Итак, монголо-татары устроились зимой 1222/23 г. на зимовку в Крыму и прилегающих районах Тавриды. Половцы, потеряв места своих зимовок, вынуждены были бежать к границе Руси.

Согласно Лаврентьевской летописи, хан Котян (предполагается, что он был главой нескольких орд, составлявших западное ответвление половцев¹⁶⁴), спасаясь от монголо-татар, прибежал к Половецкому валу. Судя по названию, он входил в систему оборонительных валов, отделявших Древнюю Русь от степных кочевников. Их остатки сохранились до сих пор. Народное название Змиевых валов они получили благодаря легендам о древнерусских богатырях, усмиривших и запрягших Змия в гигантский плуг, которым пропахали борозду, обозначающую пределы страны.

Где находился Половецкий вал? В.Н. Татищев полагал, что он располагался «близ Триполя», то есть около села Триполье в 40 км юго-восточнее Киева, на правом берегу Днепра.

Н.П. Барсов (1839—1899) неопределенно помещал его «в Переяславской обл.», то есть на левобережье Днепра¹⁶⁵. По мнению В.Г. Ляскоронского (1859—1928), под названием Половецкого вала следует понимать тянущиеся на десятки и сотни верст валы, которыми усеяны берега реки Орели, служившей границей между оседлым и кочевым мирами.

Польская исследовательница Э. Ковальчик в обобщающей статье о Змиевых валах, опубликованной в 1969 г., также предположила, что его следует искать где-то на левом берегу Днепра¹⁶⁶. С этим не согласился украинский археолог М.П. Кучера (1922—1999), много лет изучавший Змиевы валы. На его взгляд, по сравнению с Лаврентьевской лето-

писью в других летописных списках (Львовской, Типографской и Вологодско-Пермской летописях) эти сведения изложены полнее: монголо-татары «оттеснили половцев к Днепру; спасаясь от пришельцев, к Половецкому валу «прибеже» половецкий «князь» Котян. В этом случае упомянутый вал мог находиться и на правом берегу Днепра»¹⁶⁷.

Однако с этим предположением вряд ли следует соглашаться из-за неполного цитирования М.П. Кучерой текста летописей. Древнейшие сохранившиеся летописи (Лаврентьевская и Новгородская первая) и реконструкция не дошедшей Троицкой прямо говорят, что монголо-татары «придоша... всю страну Куманьску и придоша близъ Руси, идеже зоветься вальъ Половьчъскы». Это указывает на расположение Половецкого вала на Днепровском левобережье, где-то на границе русских владений.

При этом М.П. Кучера не учел двух обстоятельств: 1) указанные им Львовская, Типографская и Вологодско-Пермская летописи — позднего происхождения, а общие правила источниковедения требуют от исследователя опираться в первую очередь на более ранние источники; 2) нет ни одного свидетельства, что монголо-татары в преддверии зимы решились бы в погоне за половцами переправиться через Днепр.

Говоря о валах, наши современники часто представляют их в виде достаточно серьезных земляных сооружений. Но их возведение требовало огромных средств и значительного времени. Поэтому валы строили в несколько этапов.

Свидетельство этому находим в письме германскому императору Генриху II, написанном архиепископом Бруноном, проезжавшим в 1008 г. через Киев к печенегам для проповеди христианства. В нем он сообщал, что князь Владимир Святославич с дружиной два дня сопровождал его на пути к печенегам до границы своего государства, которое он окружил (*circumklausit*) от бродячего (кочевого) врага (*vagum hostem*) очень мощным и очень длинным (*firmissima et longissima*) «ограждением» (*sepe*). У исследователей нет единого мнения о значении примененного Бруноном латинского термина *sepe*. Н. Оглоблин, переводчик документа на русский язык, перевел его как «завалы (засеки)»¹⁶⁸. Его также переводят как «частокол», «изгородь», «забор, деревянное ограждение». Очевидно, именно подобные ограждения были пер-

воначальной формой оборонительных сооружений против кочевников.

Поскольку по степи передвигались, как правило, по шляхам, Половецкий вал следует искать вблизи одного из шляхов около русской границы на левобережье Днепра. Вполне возможно, речь должна идти о Посулье, районе реки Сулы (левого притока Днепра), вдоль которой великим князем Владимиром Святославичем еще в конце X в. была заложена оборонительная линия. Отсюда начиналась половецкая степь.

Разгром половцев резко обострил ситуацию на востоке Европы, а над русскими землями реально нависла угроза вторжения. Бежавшие на правобережье Днепра остатки половцев вместе с заднепровскими сородичами стали искать помощи русских князей. Инициативу на себя взял хан Котян, приходившийся тестем галицкому князю Мстиславу Мстиславичу¹⁶⁹.

Котян не случайно появился именно в Галиче. Начиная с конца 10-х годов XIII в. половцы принимают активное участие в событиях в Юго-Западной Руси. В начале зимы 1219/20 г. венгерско-польское войско вторглось на территорию Волыни. На помощь волынскому князю Даниилу пришел Мстислав Галицкий с половецкими отрядами, что заставило нападавших отступить. Через некоторое время кочевники помогли Мстиславу отвоевать Галич, захваченный перед этим венграми¹⁷⁰.

Придя в Галич, Котян стал просить у зятя помощи против новых грозных врагов. Главным его доводом стало то, что, покорив половцев, следующей целью монголо-татар станут русские земли. Свои слова Котян подкрепил богатыми подарками своему зятю и другим русским князьям. В.К. Романов, а вслед за ним А.А. Астайкин полагали, что обращение половцев за помощью следует датировать концом 1222 — началом 1223 г., примерно декабрем—январем¹⁷¹.

Мстислав Галицкий, понимая, что только своими силами вряд ли справится с противником, решил проявить инициативу в организации княжеского съезда для обсуждения похода против приближавшихся монголо-татар. Основным аргументом явился тот факт, что, если русские князья не окажут помощи половцам, те могут присоединиться к монголо-татарам и тогда опасность для Руси возрастет многократно.

В Киеве собрался княжеский съезд под главенством трех Мстиславов — Мстислава Романовича Киевского, Мстисла-

ва Всеволодовича Черниговского и Мстислава Мстиславича Галицкого. Ипатьевская летопись уточняет, что «то бо бѣахоу старѣишины в Роуской земли».

Историки пытались объяснить это выражение летописи. Так, Л.В. Черепнин полагал, что старейшинство в Русской земле связывалось с правом распоряжения Киевской землей и прилегающей территорией¹⁷². А.Б. Головкин отмечал, что тем самым подчеркивалось особое место киевского, черниговского и галицкого государей в иерархии древнерусских князей из династии Рюриковичей¹⁷³.

Здесь необходимо сделать отступление о характере княжеской власти в описываемый период. К началу XIII в. Древняя Русь распалась на полтора десятка княжеств, в которых появляются свои собственные династии. Вопрос о взаимоотношениях русских князей этого времени является одним из наиболее дискуссионных. Сложилось два диаметрально противоположных подхода. Постоянные княжеские усобицы, в которых нередко принимали участие половцы, поляки, венгры и другие соседи Древней Руси, породили у части исследователей представление, что в этот период Русь являла собой некий конгломерат абсолютно самостоятельных и независимых друг от друга княжеств. В этих условиях русские князья оказались разобщены на множество враждебных кланов, между которыми не было и не могло сохраниться никакого единства. Сторонники этого взгляда в виде иллюстрации обычно приводят известную фразу летописца, который под 6642 (1134) г., описывая разгоревшуюся междоусобицу между русскими князьями после смерти великого князя Мстислава Владимировича, с горечью восклицал: «и раздѣрася вся земля Русьская»¹⁷⁴.

Объяснение причин княжеских междоусобиц связывали с ростом числа князей. Если на протяжении XI в. известно не более трех десятков князей, то уже от XII в. сохранились имена около 200 членов правящего рода, хотя действительное их число было, несомненно, намного больше.

По мнению других, единство княжеской династии Рюриковичей продолжало сохраняться. Все князья приходились друг другу родными, двоюродными, троюродными братьями, дядьями, племянниками, дедами и внуками различных степеней родства. Идея единства постоянно поднималась на общерус-

ских княжеских съездах, игравших важную роль в политической жизни Руси конца XI — начала XIII в. Участвовавшие в них князья сообща решали важнейшие вопросы внутреннего устройства и внешней политики русских земель: предотвращение усобиц, обеспечение политической стабильности, объявление войны и заключение мира. Несмотря на отказ некоторых князей от участия в съездах, большинство из них принимали активное участие в обороне русских границ от внешней опасности¹⁷⁵.

Окончательно данный вопрос так и не решен. Виной тому — крайне скудная источниковая база. Батыево нашествие, прокатившееся огненным валом по Руси, привело к тому, что многие источники древнерусского времени просто не дошли до нас. Определенный выход дает использование метода ретроспекции. Скажем, такой важнейший правовой источник по законодательству Древней Руси, как Русская Правда, дошел до нас лишь в списках XV в., благодаря чему ее смог открыть В.Н. Татищев, верно оценивший ее значение.

Однако в целом исследователи пренебрегают ретроспективным методом, полагая, что использование материалов последующего времени вряд ли может пролить свет на явления более ранних периодов.

В данном случае они ошибаются. Благодаря тому что до нас дошел комплекс духовных и договорных грамот XIV—XVI вв. московских князей, хорошо известно, что Москва (сам город и ближайшая округа) делилась на «трети» и находилась в их совместной собственности¹⁷⁶. Но подобная структура княжеской власти повторялась и внутри других русских княжеств. Однако если сравнительно хорошо сохранившийся московский материал позволяет достаточно полно охарактеризовать характер совместного владения, то по другим городам это сделать гораздо труднее. Это объясняется тем, что московские князья, тщательно сохраняя владельческие документы на свои владения, совершенно не заботились о сохранности архивов княжеств, присоединяемых к Москве.

Третнее деление существовало и в Рязанском княжестве. Об этом узнаем из докончания 1496 г. между великим рязанским князем Иваном Васильевичем и его удельным братом Федором Васильевичем¹⁷⁷. Оно дошло до нас случайно — только потому, что последний завещал свой удел Москве.

Следы третнего владения прослеживаются и в Твери. В частности, Рогожский летописец, рассказывая о примирении в 1360 г. после многолетней борьбы тверских князей — Василия Михайловича и его племянника Всеволода Александровича, сообщает, что Всеволод «взяль мирь со братьею, а князь Василей трети ихъ очины отъстоупилса и разделишася волостями»¹⁷⁸.

Позднее, с введением в научный оборот новых источников, оказалось, что подобное деление встречается и в других русских городах — Ростове, Смоленске, Суздале. Так, Ростовское княжество было поделено на две «половины» — Сре-тенскую и Борисоглебскую. Смоленск был поделен на три части, именовавшиеся концами. Их в городе было три: Пятницкий, Крылошевский и Ильинский. В Суздале эти части, упоминающиеся переписными книгами середины XVII в., назывались десятыми: Старогородская, Варварская, Введенская, Берестовская.

Широкое распространение данного явления на Руси позволяет говорить, что оно было характерно и для более раннего времени. Подтверждение этому видим на примере Новгорода, делившегося на пять городских концов и соответствующее количество пятин в Новгородской земле. Их происхождение связано с завещанием Ярослава Мудрого и разделом его владений между пятью его сыновьями.

Киев с ближайшей округой также составлял совместное владение русских князей. Выяснить приблизительные границы частей, на которые делилась Киевская земля, позволяет тот факт, что на рубеже XI—XII вв. в ее пределах начинают упоминаться княжеские стольные города. В некоторых случаях имеется возможность определить владельческую принадлежность этих частей. Так, *Белгород Киевский* на правом берегу реки Ирпень (ныне село Белгородка) пришелся в конце XI в. на долю смоленского князя Рюрика Ростиславича и стал резиденцией последнего. Также центрами особых княжений в этот период становятся *Вышгород*, в 20 км к северу от Киева (ныне одноименное село на правом берегу Днепра), *Канев* (ныне город в Черкасской области) и др.

Помимо этого между князьями-совладельцами на две «половины» делился и сам Киев. Выяснение их примерных границ позволяет установить время возникновения подобного

деления. Определенные «зацепки» дает рассказ «Повести временных лет» об убийстве Аскольда и Дира, согласно которому, первого «несоша на гору и погребоша и на горе, еже ся ныне зоветь Угорское, кде ныне Ольминъ дворъ; на той могиле поставилъ Ольма церковь святаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною»¹⁷⁹.

Киевские дворы как своего рода топографические указатели неоднократно упоминаются Начальной летописью. Кем был Ольма, строитель Никольской церкви, неизвестно. Большинство исследователей считают его боярином, современником летописца Нестора, который был хорошо известен киевлянам в начале XII в. Полагают, что двор располагался в окольном городе Киева, в Угорском — киевском урочище на высоком правом берегу Днепра, в 2 км южнее Старокиевской горы. На этом основании некоторые отождествляют Ольму с Альмошем, полулегендарным вождем венгерских племен, проходивших в конце X в. мимо Киева. Впрочем, третьи утверждают, что никакого Ольмы не было, а в летопись вкралась описка: речь должна идти о дворе княгини Ольги, которая, по одной из версий, была здесь первоначально похоронена. В середине XII в. «под Угорским» существовал княжеский двор Изяслава Мстиславича. Местоположение Дировой могилы указывает церковь Святой Ирины. Она была заложена при Ярославе Мудром в 1037 г.¹⁸⁰ в честь небесной покровительницы его жены Ингигерд, в крещении Ирины. Храм находился в пределах так называемого Ярославова города, между Золотыми воротами и Софийским собором.

Историками ранее уже обращалось внимание на разницу в захоронениях Аскольда и Дира. Данный факт предпочитали интерпретировать как указание на разновременность их правления. Между тем Начальная летопись четко фиксирует одновременность жизни и гибели Аскольда и Дира, что дает нам возможность предположить, что деление Киева на «половины» восходит к IX в.

Хотя Киев с окрестностями и был поделен между князьями, он продолжал сохранять известное единство. Окончательному разделу города препятствовало то обстоятельство, что в общей нераздельной собственности совладельцев продолжал находиться целый ряд учреждений, которые позволяли выполнять отдельные общие функции (оборона, торг, сбор

дани и т. п.) для всех князей более эффективно, с меньшими затратами, нежели если бы они находились в индивидуальной собственности одного из них. При этом один из князей-совладельцев (в пределах Киева) по отношению к другим выступал в качестве великого князя. Этого требовали нужды обороны города во время частых набегов кочевников.

К сожалению, к исследованию системы совместного владения князей в Киеве историки только приступают. Известно, что систему управления, господствовавшую в 1054—1073 гг., исследователи часто именуют «триумvirатом Ярославичей». Как известно, Ярослав Мудрый разделил свои владения между своими пятью сыновьями (старший сын Владимир умер при жизни отца). Позднее скончались двое младших Ярославичей: Игорь и Вячеслав. После кончины старшего внука Ярослава Мудрого Ростислава Владимировича (1066) и разгрома на Немиге старшего правнука Владимира Святого — Всеслава Брячиславича (1067) вся Русь оказалась в руках троих Ярославичей.

В этой связи встает вопрос: как трое князей управляли киевскими «половинами»? По аналогии с московскими князьями-совладельцами конца XV в. можно предположить, что совладельцы Киева могли управлять частями города по годам, чередуясь между собой. Вероятно, это вызывало определенные конфликты, и в 1073 г. младшие братья Святослав и Всеволод выступили против старшего брата Изяслава. Последний был изгнан из Киева, а Святослав стал киевским великим князем. Однако смерть Святослава, последовавшая в декабре 1076 г., привела к тому, что у Киева стало два владельца: Всеволод примирился с Изяславом, уступив ему титул великого князя.

В дальнейшем в Киеве фиксируются то два, то три совладельца. Не вдаваясь в подробности, отметим любопытный факт, приведенный украинским историком А.П. Толочко. В 1150 г. князь Изяслав Мстиславич (праправнук Ярослава Мудрого) занял Киев и сел на столе: «Изяславъ же въ Киевѣ сѣдѣ на столѣ дѣда своего и отца своего с честью великою», совершив обряд интронизации в Софийском соборе¹⁸¹. В том же году он послал к своему дяде Вячеславу Владимировичу со словами: «нынѣ же, отче, осе даю ти Киевъ, поѣди сяди на столѣ дѣда своего и отца своего»¹⁸². Под следующим годом

летописец записал: «Оувѣде Изяславъ стрья [дядю] своего и отца своего Вячслава оу Киевѣ. Вячславъ же оуѣха в Киевѣ, и ѣха къ святѣѣ Софѣи и сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего»¹⁸³. Данная ситуация оказалась непонятной для украинского историка: при одном венчанном князе в Киеве венчался еще один, и при этом оба одновременно находились в городе¹⁸⁴.

Но все разъясняет Лаврентьевская летопись: «Изяслав же сѣде с Вячеславом в Киевѣ, Вячеслав на Великом дворѣ, а Изяславъ под Оугрьскимъ»¹⁸⁵. С учетом вышесказанного о двух «половинах» Киева, видим, что Вячеслав стал великим князем, а его племянник — его совладельцем.

К моменту событий на Калке в Киеве оказались три «старейших князя» — Мстислав Киевский, Мстислав Галицкий и Мстислав Черниговский. Под этим определением следует понимать князей — совладельцев Киева.

Но с Киевом были связаны и представители боковых ветвей Рюриковичей. По условиям службы они должны были иметь владения неподалеку от столицы. Очевидно, им выделялись отдельные города Киевской земли, где летописцы отмечают княжеские столы. Их летопись именует «младшими князьями». Таковым, к примеру, являлся погибший в ходе боевых действий 1223 г. князь Святослав Каневский. По осторожному предположению О.М. Рапова, он мог быть сыном Ростислава Рюриковича и племянником Мстислава Киевского¹⁸⁶.

Переход киевских половин от одного князя к другому, а особенно их раздел, несомненно, вызывал конфликты между князьями. В этой связи следует по-иному взглянуть на сюжет об Александре Поповиче из Троицкого летописца XVI в., обнаруженного Б.М. Клоссом. Напомним, что в нем шла речь о столкновении Мстислава Галицкого и Мстислава Киевского в 1209 г., которую исследователь счел легендарной¹⁸⁷. Но если учесть, что оба Мстислава (Киевский и Галицкий) были внуками Ростислава Мстиславича, являвшегося, в свою очередь, внуком Всеволода (сына Ярослава Мудрого), вполне можно допустить между ними конфликт по поводу раздела одной из киевских «половин».

Для нас сюжет о совместном владении князей в Киеве важен тем, что позволяет сделать вывод о *расщепленном характере княжеской власти* в Древней Руси. Для на-

глядности ее можно представить в виде матрешки. Скажем, удельный князь Смоленского княжества, обладая своим уделом в его пределах, также распоряжался частью совместного владения в Смоленске и его ближайших окрестностях и одновременно, как представитель смоленской ветви Рюриковичей, мог претендовать на долю в Киевской земле, являвшейся общим владением всех потомков Владимира Святого¹⁸⁸. Таким образом, даже в период удельной раздробленности древнерусские княжества по-прежнему оставались связанными друг с другом.

Именно это обстоятельство послужило основой того, почему в Киеве в 1223 г. собрался княжеский съезд, на повестке которого встал вопрос: помогать ли половцам против монголо-татар. На съезде Мстислав Галицкий просил русских князей внять мольбам половцев, но (как подметила Е.Л. Конавская) не из человеколюбия, а лишь с прагматической аргументацией: если мы, братья, половцам не поможем, то они сдадутся татарам и оттого тех сила увеличится («оже мы, братье, симъ не поможемъ, ть си имуть придатися к нимъ, ть онѣмъ больши будеть сила»)¹⁸⁹.

Откликаясь на просьбу половцев, русские князья приняли решение о совместном выступлении с половцами. О дате княжеского съезда историки спорят. По мнению В.К. Романова, съезд имел место в конце февраля — первой половине марта 1223 г. Примерно полтора-два месяца от обращения половцев за помощью и до съезда русских князей ушли на его дипломатическую подготовку. А. Астайкин говорит о начале марта 1223 г. А.Б. Головки отнес съезд к марту — началу апреля 1223 г.¹⁹⁰

Во время обсуждения сложившейся ситуации на съезде, несомненно, должен был встать вопрос — почему русские князья должны помогать язычникам, регулярно приносящим на Русь беды и разорения? Историками было подсчитано, что с момента своего появления в 1061 г. в южнорусских степях половцы совершили не менее 46 отмеченных летописцами походов на Русь, не считая мелких набегов.

Исправить ситуацию могло только их крещение в православие. По сообщению Ипатьевской летописи, «тогда же великий князь Половецкий крестися Басты». Очевидно, это произошло во время съезда, чтобы добиться большего рас-

положения со стороны князей. Сложно сказать, в какой системе подчинения находились Котян и Басты. Возможно, последний возглавлял другое половецкое объединение. Исходя из того, что на тот момент существовало четыре половецких объединений, речь должна идти о заднепровских половцах¹⁹¹.

Принятие крещения для половцев в это время не выглядело чем-то непривычным. Распространению христианства среди кочевников способствовали брачные связи. Женами многих русских князей были половецкие княжны. Считается, что впервые такой союз был заключен в 1068 г., когда переяславский князь Всеволод Ярославич женился на половецкой княжне. После этого подобные случаи были довольно частыми. Обязательным условием подобных браков было крещение невесты¹⁹².

Показателем распространения христианства у половцев может быть наличие у некоторых из них христианских имен. Летописи при описании событий первых десятилетий XIII в. несколько раз упоминают половецкого хана Юрия Кончаковича, который накануне битвы на Калке, по свидетельству Лаврентьевской летописи, был «болиише всихъ Половецъ» и погиб во время наступления монголо-татар. На рубеже 1205—1206 гг. он сделался сватом великого князя Всеволода Большое Гнездо, отдав свою дочь замуж за его сына Ярослава¹⁹³. Редкость его отчества позволяет не сомневаться, что его отцом являлся могущественный половецкий князь Кончак, который в «Слове о полку Игореве» охарактеризован как воплощение безбожия, язычества и окаянства¹⁹⁴.

На взгляд А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского, Юрий Кончакович появился на свет не позже конца 70-х — начала 80-х гг. XII в., а вероятнее всего, несколько ранее. Трудно представить, чтобы сын язычника Кончака был крещен при жизни отца. По их мнению, это не позволяет сомневаться, что Юрий Кончакович родился язычником, был воспитан язычником и как язычник погиб. Тем не менее подобному допущению противоречит тот факт, что имя Юрий («Юрка») применительно к этому половецкому вождю зафиксировано не только в русских летописях, но и в памятнике, описывающем монголо-татарское нашествие как бы с другой стороны. Речь идет о «Юань-ши», китайском источнике, в панегирических тонах излагающем биографию Субедея¹⁹⁵. Тем самым видим, что сын Кончака носил христианское имя не только по данным русских, но и ки-

тайских источников. Что, если не крещение обеспечило принятие этого имени? При этом Юрий Кончакович являлся не только тестем Ярослава Всеволодовича, но и родным дядей еще одного Рюриковича — Изяслава Владимировича. Кончак, отец Юрия, выдал свою дочь замуж за Владимира Игоревича, сына Игоря Святославича Новгород-Северского, главного героя «Слова о полку Игореве»¹⁹⁶.

Отсюда видим, что брачные союзы между половецкими и русскими князьями (они были действительными только при венчании) способствовали проникновению христианства в половецкую элиту. Примечательно, что летопись, сообщая о крещении великого хана Басты, ничего не говорит об этом в отношении самого Котяна, тестя Мстислава Галицкого. В этом отношении следует обратить внимание на показание Степенной книги, которое может свидетельствовать о том, что Котян был уже крещен: «Князь же половецкии именемъ Коньстантинъ и с прочими князьми приѣѣжа на Русь к зятю своему князю Мстиславу Мстиславичю».

Собравшиеся в Киеве князья обратились также за помощью к великому владимирскому князю Юрию Всеволодовичу. Так же как и остальные старейшие князья, он являлся прямым потомком Ярослава Мудрого в пятом поколении и имел территориальные интересы в Киевской земле (достаточно вспомнить о борьбе за древнерусскую столицу его деда Юрия Долгорукого и дяди Андрея Боголюбского).

Однако тот не захотел привести свои полки на юг. В этой связи многие исследователи обрушиваются с критикой на Юрия Всеволодовича за то, что он не принял участия в битве на Калке, тем самым став предателем общерусского дела. При этом часто приводят слова В.Н. Татищева, что Юрий «брата же и сына ни одного не послал, понеже оных татар презирал»¹⁹⁷.

Нам трудно сказать, недооценивал ли Юрий монголо-татар как воинов, но то, что его отношения с инициатором похода Мстиславом Галицким были крайне сложными, факт несомненный. Именно это подчеркивает Ипатьевская летопись, когда говорит: «Юрья же князя великого Соуждальско-го не бы в томъ с[о]вѣтѣ».

Между тем вначале отношения Юрия Всеволодовича и Мстислава Мстиславича складывались как нельзя лучше, и они

даже породнились. В 1213 г. младший брат Юрия Ярослав женился на Ростиславе, дочери Мстислава, занимавшего тогда новгородский стол. Летописец Переславля-Суздальского, фактически придворная летопись князя Ярослава Всеволодовича, по этому поводу поместил известие: «В лето 6722 (1213). Ведена бысть Ростислава из Новагорода, дщи Мьстиславля Мьстиславичя, за Ярослава, сына великого князя Всеволода, в Переяславль Суздальский»¹⁹⁸.

Вскоре, однако, последовали драматические события. Князь Мстислав по своей воле покинул новгородский стол, решив поискать счастья в Южной Руси. Перед отъездом он сказал новгородцам, что они «вольни в князех». Посоветовавшись, горожане решили отправить послов в Переславль-Залесский просить себе князем зятя Мстислава — Ярослава. Тот согласился и в 1215 г. приехал в Новгород, торжественно встреченный архиепископом и всем населением. Но очень быстро эти отношения испортились и переросли в конфликт. Не описывая его в деталях, отметим, что Ярослав укрепился в Торжке. Новгородцы дважды пытались окончить дело миром, но все было тщетно.

Тогда на арене вновь появился князь Мстислав. На свою сторону он привлек старшего брата Ярослава — Константина Ростовского, обещав ему великое княжение. На помощь Ярославу пришел великий князь Юрий. 21 апреля 1216 г. противники встретились близ Юрьева на Липицком поле. Победа была на стороне Мстислава и его союзника. Юрия лишили великого княжения, отдав в удел Городец на Волге. 4 мая победители подошли к стенам Переславля-Залесского, где укрылся Ярослав. Брать штурмом город у Мстислава уже не было сил, и поэтому, приняв дары от зятя, он отступил от Переславля. При этом одним из условий мира Мстислав поставил возвращение к себе дочери, что было исполнено. Позднее Ярослав неоднократно просил тестя вернуть жену, но Мстислав отказался и «не пусти дщери своя к нему»¹⁹⁹.

После этого унижения со стороны Мстислава его отношения с Юрием и Ярославом Всеволодовичами окончательно пресеклись. Брак Ярослава оказался фактически расторгнутым, и в 1218 г. он женился на Феодосии, дочери рязанского князя Игоря Глебовича. Позднее она стала матерью знаменитого Александра Невского, родившегося в мае 1221 г. К этому

времени Юрий Всеволодович, после смерти старшего брата Константина Ростовского, вновь стал великим князем.

Тем не менее, получив просьбу князей Южной Руси, Юрий Всеволодович отправил на помощь им отряд из 800 человек во главе со своим племянником Васильком Ростовским (сыном Константина Всеволодовича). По словам В.Н. Татищева, это было сделано по усиленной просьбе Василька, который «просился, чтоб ему в воинстве со старшими обучиться»²⁰⁰. Юный княжич еще даже не достиг полных 15 лет (он родился 7 декабря 1208 г.²⁰¹), возраста, с которого юноша считался вполне взрослым, а между тем тяга к военным походам уже звала его вперед.

Историки, обвиняя владимирского князя чуть ли не в «предательстве общенациональных интересов», забывают об одном обстоятельстве, на которое указал нижегородский исследователь А.А. Кузнецов.

Одним из направлений внешней политики Древней Руси являлись Прибалтика и побережье Финского залива, через который Новгород имел выход к морю. Ситуация изменилась, когда на рубеже XII—XIII вв. на территории Прибалтики появляются духовно-рыцарские ордена. В 1202 г. в Риге был основан Орден меченосцев, а в Эстляндии начала утверждаться Дания (в 1219 г. датчанами была построена крепость Ревель, нынешний Таллин). Объектом притязаний Швеции стали Финляндия и Карелия.

Это коренным образом задевало интересы Древней Руси, и неудивительно, что русские князья всячески противились западной экспансии. Вскоре начались военные столкновения. С начала 1220-х гг. в них активное участие принимает владимирский князь Юрий Всеволодович, заставивший новгородских бояр призвать на новгородский стол своего сына Всеволода. Те согласились, надеясь, что в силу своего малолетства Всеволод (он родился около 1213 г.) не будет вмешиваться во внутренние дела Новгорода.

Стремясь устранить угрозу Новгороду, в 1221 г. Юрий Всеволодович прислал на помощь своему сыну брата Святослава. В ноябре 1221 г. с его помощью был организован поход на Кесь (современный Цесис в 90 км к востоку от Риги), где в 1213 г. крестоносцами был воздвигнут замок Венден. Но когда Святослав ушел, крестоносцы ответили рейдом на Новгородскую землю.

Всеволод в силу малолетства не смог стать организатором боевых действий и «на зиму» 1222 г. бежал из Новгорода, не сумев наладить оборону его владений. Тогда Юрий Всеволодович направил в Новгород с большим войском другого брата — Ярослава, прибывшего туда в начале 1223 г. В результате похода Ярослава под русский контроль снова были поставлены Юрьев (ныне Тарту) и Медвежья голова (сейчас Отепя). Однако Ревель смог устоять. Поскольку основные силы владимирского князя были сосредоточены в Прибалтике, он не смог направить их на юг, ограничившись лишь посылкой небольшого отряда²⁰².

После принятия решения о начале похода против монголотатар князья разъехались по своим владениям и, как замечает новгородский летописец, «начаша вое пристраивати, кождо свою власть» (то есть в своей волости). А.Б. Головкин датирует начало похода первой половиной апреля. Основой для этого стала фраза Ипатьевской летописи: «оттоудоу [то есть из Киева] же придоша месяца априля и придоша к рѣць Днѣпроу». Летописец оставил место для даты после слова «априля», чтобы позднее поставить точное число — прием, известный по многим документам того времени.

По расчетам А.А. Астайкина, князья стали собирать рати во второй половине марта, а в апреле стали выдвигаться войска: «В начале месяца первыми выступают галичане и волынцы, в середине — смоляне и „галицкие выгонцы“... К концу месяца выдвигаются из своих городов и остальные русские князья». 23 апреля отпраздновали Пасху, а на следующий день, 24 апреля, Мстислав Киевский вывел свою дружину из Киева²⁰³.

Однако в этих предположениях историки не учитывают особенностей любой мобилизации, главной из которых является необходимость достаточно длительного времени для сбора войск, их снаряжения и т. п. Скажем, в 1914 г. русская армия смогла закончить мобилизацию лишь на 40-й день, тогда как немецкая — уже на 10-й.

Подобные проблемы стояли перед военным командованием и в XIII в. В.А. Кучкиным была предпринята попытка выяснить — сколько времени занимала мобилизация в Древней Руси? Это было сделано им применительно к московско-тверской войне 1375 г., хронология которой довольно подробно

была зафиксирована летописцем. Оказалось, что в пределах одного княжества она занимала 12—14 дней²⁰⁴.

Но как быть в случае внезапного набега противника? Выход видели в том, чтобы первыми против врага выступали конные воины, в то время как пехотинцы, представлявшие главную силу русских ратей и которых необходимо было снабдить оружием и амуницией, выходили позднее, уже под непосредственным началом своих князей. При этом мимо внимания историков проходят вопросы интендантской службы — собравшихся воинов необходимо было снабжать немалым количеством провизии и фуража.

В этом плане следует обратить внимание на сообщение Ипатьевской летописи: «А Коуряне и Труубчане и Поутивлицы.. придоша коньми». Летописец сознательно заостряет внимание, что пришли только конные дружины, а пешей рати с ними не было. Здесь не упомянуто имя князя Олега Курского, принимавшего самое активное участие в битве на Калке. С основными своими силами он пришел позднее.

Новгородская первая летопись сообщает, что место сбора княжеских дружин было назначено «на Днѣпрѣ на Зарубе». Несколько поколений историков вели дискуссию по поводу локализации этого места. Первым попытался это сделать Н.М. Карамзин. В «Книге Большому Чертежу» он нашел указание на Зарубину гору, которую связал с древнерусским городком Зарубом на месте села Зарубинцы под Каневом: «А против реки Трубежа, на правом берегу, на Днепре гора Зарубина»²⁰⁵. Здесь находился брод, впервые упоминаемый летописью под 1096 г.²⁰⁶ Именно для его защиты и был построен городок Заруб на правом берегу Днепра (ныне затоплен водами Каневского водохранилища), в 80 км ниже Киева. Еще до этого, в 1948—1949 гг. под руководством известного археолога М.К. Каргера (1903—1976) близ Заруба, в урочище Церковщина прошли раскопки, открывшие остатки двух каменных церквей Зарубского монастыря XI—XII вв.²⁰⁷

Авторитет историографа привел к тому, что все без исключения последующие исследователи полагали, что именно здесь в 1223 г. собирались русские рати²⁰⁸. Между тем, описывая события, связанные с битвой на Калке, летописец уточнял, что князья «придоша к рѣцѣ Днѣпру на Зарубѣ къ острову Варежьскому»²⁰⁹. Это было сделано не случайно, по-

сколькx название Заруб является достаточно распространеным. Укажем на одноименный летописный город Смоленского княжества, находившийся на реке Десне в районе нынешнего села Рогнедино на севере Брянской области. Он являлся центром одноименной смоленской волости, впервые упомянутой в уставной грамоте великого князя Ростислава Мстиславича 1136 г. (ныне датируется 1150 г.): «А в Зарубе дани 30 гривен, а из того епископу три гривны»²¹⁰. По мнению ряда исследователей, смоленский Заруб в 1160-х гг. принадлежал княжне Рогнеде Мстиславне, родной сестре Ростислава Мстиславича, который скончался именно здесь в 1167 г. На этот период приходится расцвет поселения, а время жизни поселения определяется началом XII — второй половиной XIII в., вплоть до сожжения Заруба во время одного из военных походов в 1285 г.²¹¹

Установить место, где собирались русские рати, позволяет упоминание Варяжского острова. Византийский император Константин VII Багрянородный в своем сочинении «Об управлении империей» (948—952) знает его как остров Святого Георгия, лежащий ниже переправы Кракия²¹². Эти объекты принято отождествлять с островом Хортица и бродом Кичкас, располагавшимся в 15 км ниже последнего из днепровских порогов. Здешние места постоянно использовались как русская база против кочевников, которые постоянно использовали брод во время своих сезонных миграций. Для обороны от них тут была устроена засека из поваленных деревьев, называвшаяся, согласно «Словарю русского языка XI—XVII вв.», *зарубом*. При этом, поясняя данное слово, авторы словаря приводят пример из летописи, непосредственно связанный с событиями битвы на Калке: «Совокупивше землю рускую всю противу татаромъ и приидоша къ рецѣ Днѣпру на зарубъ къ острову Варезжскому»²¹³. Поскольку летописи не различали строчных и прописных букв, последующие их издатели сочли слово «заруб» именем собственным, тем самым породив соответствующую ошибку.

К сожалению, летописи не содержат цифр общей численности русских ратей во время похода на Калку. Относительно военного потенциала отдельных княжеств в домонгольское время имеются лишь отрывочные данные. Так, в середине XII в. Юрий Долгорукий, согласно свидетельству Воскресен-

ской летописи, выставил на помощь своему союзнику Свято-славу Ольговичу «тысящу бронникъ дружины Бълзерьскіе»²¹⁴. При этом речь в данном случае идет о профессиональных воинах.

Советский военный историк А.А. Строков (1907—1987) полагал, что «при исключительной опасности Русь могла выставить и более 100 тысяч человек»²¹⁵. Эта цифра близка к показаниям В.Н. Татищева, называвшего цифру в 103 тысячи русских воинов и 50 тысяч половцев. Он подробно перечисляет состав войск, собравшихся под началом киевского великого князя Мстислава, устроившего смотр ратей: «Князь великий изчислил все войска, которых с ним было: киевских, переяславских, городенских, черных клобуков и поросян 42 500, со Владимиром Рюриковичем, смольян и туровцов 13 тысяч 800, с князем Мстиславом черниговских и северских 21 300, да вятич 2000, со князем Мстиславом галичан, владимерцев, лучан и подунайцов 23 400 и протчие младшие князи с ними, всего сто три тысячи (по-моему, 89 950), какого русского войска давно вкупе не бывало. К тому ожидали новгородских, Василька с ростовцы от Юрия из Белой Руси и резанских войск; також половцы обещали до 50 000, собрав, присовокупить». Что касается численности противника, по этому поводу В.Н. Татищев писал: «Не верили бо князи о множестве войск татарских, что им сказывали их быть более 200 000, а по правде сами усмотрели после, что их было гораздо более»²¹⁶.

Вслед за ним последующие историки называли цифры в 80—100 тысяч воинов, не уточняя при этом, сколько было русских и половцев²¹⁷. К этой же точке зрения, хотя и с оговорками, присоединился Е.В. Пчелов, указавший, что «численность всех войск составила примерно 100 тыс. человек, но это вместе с оруженосцами, возницами, поварами и другими слугами»²¹⁸.

Но поскольку источник сведений В.Н. Татищева исследователи обнаружить так и не смогли, среди них наметилась тенденция к уменьшению числа сражавшихся на Калке. Р.П. Храпачевский полагает, что русских и половцев было 40—45 тысяч, не определяя, сколько русских, сколько половцев²¹⁹. К этой оценке близко мнение М.Б. Елисеева, утверждавшего, что «численность всех русских полков и дружин вряд ли превышала 40 000 воинов. Что же касается половцев, то с учетом

понесенных в предыдущих боях потерь они могли выставить орду от 10 000 до 15 000 сабель»²²⁰. На взгляд А.Н. Савельева, «численность монгольского войска оценивалась никак не более 20 тысяч человек, а численность русского, по самым скромным оценкам, — не менее 30 тысяч, не считая войска половцев»²²¹.

Ю.В. Селезнев колебался в оценках, приводя данные в 80 тысяч воинов и данные А.А. Астайкина — 10 тысяч. Численность монголо-татарского войска он определял в 30 тысяч²²². Наиболее осторожен Д.Г. Хрусталева, согласно подсчетам которого на Калке сражалось 10 тысяч русских ратников и 5—8 тысяч половцев. К этому мнению присоединился и Ю.В. Зеленский²²³.

Промежуточную позицию занял А. Голыженков, полагающий, что «общая численность собравшихся на Днепре союзников составляла от 80 до 100 тысяч человек, но лишь 15—20 тысяч из них были хорошо вооруженными опытными воинами»²²⁴.

В вопросе о численности сражавшихся на Калке попытался разобраться А. Мавлиев, посвятивший этому специальную статью. Поскольку до Калки монголо-татары шли с боями, то при самом лучшем для них стечении обстоятельств из 20—30-тысячного отряда, на его взгляд, должно было остаться 15—20 тысяч воинов. Его аргументация, со ссылками на других исследователей, выглядит следующим образом.

По мнению И.Б. Грекова (1921—1993) и Ф.Ф. Шамаганова (1923—2014), опирающихся на исследования М.Н. Тихомирова о населенности городов Древней Руси, такие русские города, как Новгород, Чернигов, Киев, Владимир-на-Клязьме и Владимир-Волынский, при численности населения от 20 до 30 тысяч жителей в случае крайней опасности могли выставить от 3 до 5 тысяч воинов²²⁵. Поскольку в битве на Калке участвовали только южнорусские князья, то если от крупных княжеств взять в среднем 4 тысячи воинов, прибавить к ним небольшие дружины других князей, то получается численность русских войск около 15 тысяч человек без половцев.

По подсчетам С.А. Плетневой, в половецкой степи кочевало 12—15 орд общей численностью 500—600 тысяч человек. Соотношение числа воинов ко всему населению она определяла как 1:5, то есть орда в 40 тысяч человек могла выставить 8 ты-

сяч воинов, в 20 тысяч — 4 тысячи. Среднее число воинов орды равнялось, таким образом, примерно 6 тысяч²²⁶.

Разобщенность половецких орд и большие расстояния между ними, вероятно, не позволяли им объединиться, и в битве на Калке, по мнению А. Мавлиева, принимали участие остатки двух-трех орд, которых непосредственно коснулось вражеское вторжение. В результате он пришел к выводу, что в битве сражались 15 тысяч южнорусских воинов, 5—8 тысяч половцев, 15—20 тысяч монголо-тюркского войска²²⁷.

Свое мнение о численности сторон высказал белгородский историк В.В. Пенской. На его взгляд, в битве принимали участие три монголо-татарских тумена: Субедея, Джебе и зятя Чингисхана Тукучара (забывая при этом, что последний погиб задолго до битвы на Калке). Не получая пополнений из Монголии, эти тумены сильно поредели, имея вряд ли больше 10—15 тысяч воинов. Что касается приводимых В.Н. Татищевым цифр в 100 тысяч воинов, он признает их фантастическими, ибо через 340 лет Иван IV, направляясь в поход на Полоцк, собрал 32-тысячную рать. Между тем ресурсы раздираемых междоусобицами Южной и Юго-Западной Руси явно уступали ресурсам Московского царства. На взгляд В.В. Пенского, Мстислав Киевский с союзниками мог иметь около 4—5 тысяч воинов, в том числе до 3 тысяч черных клобуков и берендеев, Мстислав Черниговский и его вассалы — 2,5—3 тысячи воинов, Владимир Рюрикович — 1,5—2 тысячи воинов.

Относительно численности половцев сведений в летописях нет. Опираясь на упомянутые выше подсчеты С.А. Плетневой о численности воинов в половецких ордах, исследователь указывает, что многие из них откочевали подальше от мест битв, а в расчет следует принимать лишь орды самого Котьяна, другого названного в летописи хана Басты и остатки разгромленных орд Даниила Кобяковича и Юрия Кончаковича, то есть 10—15 тысяч воинов. В общей сложности у союзников имелось от 20 до 30 тысяч воинов, то есть примерно вдвое больше, чем у Субедея и Джебе.

При этом В.В. Пенской обратил внимание, что в летописи ничего не говорится об участии Котьяна и Басты в самом сражении. Более того, начальником половецких отрядов назван воевода Мстислава Галицкого Ярун. Поскольку русские летописи позднее сообщают о неприязненных отношениях между

Котяном и Даниилом Галицким, он высказывает предположение, что Котян и Басты поссорились с русскими князьями и увели своих воинов либо еще на Днестре, либо в ходе преследования отходящих монголо-татарских отрядов²²⁸.

Челябинский исследователь Ф.Ф.Мухаметов, со ссылкой на историка-эмигранта С.А. Федорова (псевдоним Лантух, 1891—1946), приводит следующие цифры численности монголо-татарского войска: «Кроме жителей Подонья, с монголами были и аланы (дагестанцы); всего в войске было 20 тысяч своих и 5 тысяч чужих против 80 тысяч русских»²²⁹.

Говоря о незначительном числе русских воинов, историки обычно ссылаются на Софийскую первую летопись, где говорится, что «из Смоленска [пришли] нарубь 400 муж»²³⁰. Но в Ипатьевской и Тверской летописях этой цифры нет, а лишь говорится о прибытии на Заруб смолян (без упоминания князя). Фигура Владимира Рюриковича Смоленского в Тверской летописи появляется только в эпизоде форсирования Днестра всеми князьями. Тем самым видим, что 400 мужей, набранных из Смоленска, составляли лишь передовой отряд, а основные смоленские силы пришли чуть позже вместе с Владимиром Рюриковичем. В.Н. Татищев оценивает их общее количество (вместе с турувцами) в 13 800 человек. Насколько достоверны эти цифры? Там же историк говорит о 42 500 воинах, собравшихся под началом великого князя Мстислава Киевского. Эти данные очень близки к показаниям современника событий Генриха Латвийского, что в непосредственном распоряжении великого князя имелось 40 тысяч воинов²³¹.

Совершенно удивительную позицию занял В.А. Кучкин. Если все историки подчеркивали численное превосходство русских ратей, то у него получилось все наоборот. Ссылаясь на востоковеда И.П. Петрушевского (1898—1977), он утверждал, что монголо-татарское войско, «нанесшее поражение соединенному русско-половецкому войску в 1223 г. на р. Калке, состояло из 30 тыс. всадников». При этом «в 1223 г. киевский князь Мстислав Романович, самый могущественный из русских князей, отправился на Калку с войском в 10 тыс. человек. Монголы явно превосходили своих противников в живой военной силе»²³².

Как видим, среди историков наблюдается полный разнобой в оценке численности сторон. Неудивительно, что А.Г. Юр-

ченко задался вопросом — откуда взялись огромные цифры общей численности монголо-татарских войск? Такие же цифры, доходящие до 500—600 тысяч воинов, характерны и для западных источников того времени.

Реальная численность монголо-татарских армий была военной тайной Чингизидов и не подлежала разглашению под страхом смертной казни. Тем не менее внимательным наблюдателям удалось подметить важную особенность: собственно монголо-татары представляли лишь незначительную часть армии, а подавляющее число воинов составляли отряды из покоренных чужеземцев. В 1237 г. венгерский доминиканец Юлиан, вернувшийся из второго путешествия в Поволжье в самый канун Батыева нашествия, докладывал папскому легату Сальвио де Сальви о монголах, появившихся у границ Руси. Оказалось, что монголо-татары использовали пленных, посылая их в бой впереди своего войска. Он писал: «Сообщу вам о войне по правде следующее... Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь смогут оказать какое-либо сопротивление. Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой впереди себя... Воинам же, которых гонят в бой, если даже они хорошо сражаются и побеждают, благодарность невелика; если же погибают в бою, о них нет никакой заботы, но если в бою отступают, то безжалостно умерщвляются татарами. Потому, сражаясь, они предпочитают умереть в бою, чем под мечами татар, и сражаются храбрее, чтобы дольше не жить и умереть скорее».

Особый интерес представляют приводимые Юлианом цифры, позволяющие выяснить примерное соотношение монголо-татар и всего войска. Общее число воинов Батыя перед походом на Русь западными современниками оценивалось в 600 тыс. воинов. Юлиан сообщает: «Татары утверждают также... что в войске у них с собою 240 тысяч рабов не их закона и 135 тысяч отборнейших воинов их закона в строю», или, иными словами, монголо-татары составляли всего лишь треть их войска²³³. Многонациональный состав монголо-татарского войска подтверждают и русские летописцы, в частности Софийская первая летопись, указывающая, что вместе с «татарами» против половцев сражались «инехъ языкъ 7».

Подводя итог полемике историков по поводу численности русских войск, мы склонны признать правоту В.Н. Татищева, говорившего о 100 тысячах человек только русских ратей. Данный вывод опирается на хорошо известный военным историкам факт, что мобилизационный потенциал любого государства составляет примерно 10% общей численности населения.

По мнению видного статистика Б.Ц. Урланиса (1906—1981), на территории Киевской Руси в 1000 г. проживало 5,36 млн человек. При этом население юга страны, охватывающего следующие губернии XIX в.: Киевскую, Волынскую, Подольскую, Харьковскую, Полтавскую и Черниговскую (то есть территорию княжеств, принявших участие в походе 1223 г.), он оценил на эту дату в 1,92 млн человек²³⁴.

Учитывая, что за два столетия, прошедшие с 1000 г., их население значительно возросло, мобилизационный потенциал княжеств, участвовавших в битве на Калке, можно минимально оценить в 200—300 тысяч человек.

Данную цифру подтверждают и свидетельства современников событий. В частности, Генрих Латвийский (ок. 1187 — ок. 1259) писал о призыве «по всей Руссии биться с татарами» (то есть всеобщей мобилизации), а во время шестидневного бегства монголо-татары перебили «более ста тысяч человек»²³⁵. Д. Синор приводит данные о письме в 1223 г. венгерского короля римскому папе, в котором тот сообщал о монголо-татарах, что «в один день они убили 200 000 русичей и куманов»²³⁶.

Ошибкой исследователей, резко занижающих численность русских ратей, стало мнение, что они состояли в основном из кавалерии, тогда как их главную силу представляла именно пехота.

Глава 6

МАРШ К КАЛКЕ

Когда русские князья находились еще у Заруба, к ним прибыли послы монголо-татар с предложением заключить мир, утверждая, что они сражаются только с половцами, а русские земли трогать не собираются. Древнейшие сохранившиеся летописи ничего не говорят о числе послов, но начиная с конца XV в. в ряде летописных источников (Рогожский летописец, Летопись Авраамки, Новгородская четвертая, Новгородская по списку П.П. Дубровского, Новгородская Карамзинская летописи) появляется утверждение, что их было 10 человек.

Новгородская первая летопись так передает слова послов: «Се слышимъ оже идете противу насъ, послушавше Половьць; а мы вашей земли не заяхомъ, ни городъ вашихъ, ни сельъ вашихъ, ни на васъ приходомъ, нъ приходомъ богомъ пущени на холопы и на конюси свое на поганья Половче; а вы възмите с нами миръ; аже выбежать къ вамъ, а биите ихъ оттолѣ, а товары емлите себе: занеже слышахомъ, яко и вамъ много зла створиша; того же дѣля и мы биемъ». Но русские князья отвергли это предложение, а послов убили.

Среди историков идут споры о целях этого посольства — было ли оно «лживым», а послы только лишь разведчиками, целью которых был сбор данных, а также дезинформация противной стороны?²³⁷ По мнению Л.Н. Гумилева (1912—1992), «нет никаких оснований считать мирные предложения монголов дипломатическим трюком... Монголы искренне хотели мира с русскими». К нему присоединился бурятский монголовед Ш.Б. Чимитдоржиев (1927—2017), полагавший, что посольство «преследовало цель добиться отказа русских от помощи половцам»²³⁸.

В этой связи укажем интересное свидетельство Никоновской летописи, на которое обратил внимание историк-эми-

грант Г.В. Вернадский (1887—1973): «Центральным аргументом первых монгольских послов является заявление о единстве происхождения русских и татар: „все есмь человеки, и все Адамово племя, почто все и туне кровь свою проливаемъ?“ Разумеется, не этническое единство здесь могло иметься в виду, а единство другого порядка — политического, нравственного или религиозного»²³⁹. Этот аргумент очень напоминает доводы, выдвигавшиеся монголо-татарами на переговорах с половцами об отказе от союза с аланами (в передаче Ибн аль-Асира): «Мы и вы одного рода».

Неудивительно, что русские князья, которым половцы рассказали о несоблюдении монголо-татарами ранее данных им обещаний, не поверили монголо-татарам и отреагировали на их предложения исходя из союзнических обязательств перед половцами. Именно так оценил посольство монголо-татар Л.В. Черепнин: «Это была попытка вбить клин в отношения между русскими и кыпчаками, побудив первых воевать с последними и тем самым ослабить обе стороны. Аналогичная тактика была ранее применена монголо-татарами к половцам и аланам. Русские, по-видимому разгадав умысел противника, перебили монгольских послов»²⁴⁰. В этом отношении следует отметить наблюдение Р.П. Храпачевского, что у монголов не было различия в функциях посла и шпиона²⁴¹.

Л.Н. Гумилев назвал убийство послов «подлым преступлением, гостеубийством, предательством доверившегося». Такие поступки, по его утверждению, не были характерны для противоположной стороны. «Надо сказать, — завершает он свою мысль, — что закон о неприкосновенности послов монголы выполняли... последовательно». В другом месте по этому поводу Л.Н. Гумилев писал еще более образно: «Смерть во время войны — всего лишь закон природы, а убийство доверившегося — оскорбление естества, следовательно, божества. Люди, причастные к предательству, не должны жить и производить потомков, ибо монголы признавали коллективную ответственность и наличие наследственных признаков»²⁴².

Но здесь историк противоречил сам себе, когда писал, что «в те времена» «понятия дипломатической неприкосновенности не существовало во всем мире. Если посол передавал неприемлемое предложение, его убивали»²⁴³. В данном случае

достаточно вспомнить действия монголо-татар с послами дербентского ширваншаха.

Неудивительно, что русские князья действовали сообразно обычаям того времени. Можно предположить, что исполнителями убийства стали половцы, желавшие отомстить монголо-татарам за нарушенное ими соглашение об отказе половцев от союза с аланами²⁴⁴. Как бы то ни было, инцидент с убийством послов стал прямым поводом для войны.

Новгородская первая летопись, а вслед за ней Софийская первая и Тверская сообщают: «Русстии князи не послушаша, нъ послы избиша, а сами поидоша противу имъ; и не дошьдъше Ольшья, и сташа на Днѣпрѣ» (Никоновская и Типографская летописи дают несколько иной вариант названия — Отшелье). Лаврентьевская и Ипатьевская летописи Олешья не знают.

Где находилось Олешье? На этот счет историками высказывались различные мнения. Большинство сходится в том, что речь должна идти о районе современного города Алешки (в 1928—2016 гг. носившего название в честь родившегося здесь советского партийного и государственного деятеля А.Д. Цюрупы), точнее, местности Городище на Великопотемкинском острове в устье Днепра, в 12 км ниже Херсона. Возникновение Олешья связывают с той ролью, которую город играл на знаменитом «пути из варяг в греки»²⁴⁵. Однако данная локализация вызывает трудности при определении маршрута движения русских ратей в 1223 г. По мнению В.Т. Пашуто, это означает, что русские князья не воспользовались бродом у острова Хортица для перехода на левый берег Днепра, а плыли дальше и стали около Олешья, где к ним присоединились половцы²⁴⁶.

Указанное обстоятельство заставляет поднять вопрос о местонахождении Олешья. В договоре 944 г. князя Игоря с греками упоминается остров Святого Еферия (Елевферия) в устье Днепра. Первым предложил отождествить его с Олешьем славяновед З. Доленга-Ходаковский (1784—1825)²⁴⁷. И хотя позднее это предположение было отвергнуто, мнение о том, что Олешье находилось в низовьях Днепра, стало едва ли не всеобщим. Между тем Д.И. Иловайский высказал весьма обоснованное мнение, что Олешье, будучи связано с «путем из варяг в греки», располагалось в районе современ-

ного Запорожья: «На том месте, где суда, шедшие с юга, приставали не доходя порогов, находился торговый город Олешье, который и служил складочным пунктом для гречников и залозников. Первые привозили товары из Греции, а вторые из Тавриды и Приазовья; последнее называлось тогда „Залозьем“; отсюда между прочим доставлялась морская рыба и соль, добываемая в таврических озерах... Товары эти отчасти сухопутьем шли на Олешье, где переправлялись на правую сторону Днепра; здесь таким образом скрещивалось движение водное и сухопутное... Этот город, очевидно, находился под непосредственным покровительством великих киевских князей, и, вероятно, они содержали там сторожевую дружину для обороны от хищных кочевников. Некоторые летописные известия свидетельствуют о заботливости великих князей обезопасить от половцев важный для России Греческий путь. Обыкновенно они высылали военные отряды к Олешью, чтобы провожать торговцев, послов и приходившее из Греции духовенство до безопасного места» (эту же точку зрения о местонахождении «Олешья близ устья р. Хортицы» позднее повторил А.В. Эммаусский)²⁴⁸.

Все это, на наш взгляд, позволяет локализовать древнерусское Олешье в районе острова Малая Хортица, размерами примерно 560 на 160 м и площадью около 7 га, лежащего между правым берегом Днепра и островом Хортица, в русле Старого Днепра. Однако, как указывал запорожский историк А.Л. Сокульский (1938—2022), необходимы убедительные археологические факты²⁴⁹.

Около Олешья к русским князьям пришло второе монголо-татарское посольство, формально объявившее войну. Как отмечал Д.М. Тимохин, «убийство послов в эпоху Средневековья считалось одним из наиболее тяжких преступлений, после которого война между двумя государствами была неизбежной». При этом уже тогда подобные факты использовались для агитации в пользу «справедливой мести». Самым известным из них стал эпизод при завоевании монголо-татарами Средней Азии, когда по приказу хорезмшаха Мухаммада было вырезано посольство Чингисхана, что стало одним из главных поводов к войне²⁵⁰.

Летописец передает слова монголо-татарских послов: «Аще есте послушали половець, а послы наши есте избили,

а идете противу намъ, то вы поидете, а мы вас не занимаемъ ничимъ, то всѣм намъ б(о)гъ». На этот раз послов отпустили прочь. Можно предположить, что причиной этому стала находившаяся при них многочисленная стража. Судя по летописным известиям XIV—XV вв., численность вооруженных отрядов, сопровождавших ордынских послов, колебалась от 50 до 700 человек²⁵¹.

Примечательно, что Ипатьевская летопись ничего не сообщает о двух монголо-татарских посольствах. Это говорит о том, что галицко-волынские рати прибыли на место сбора уже после эпизода со вторым посольством.

Ипатьевская летопись особо отмечает, что к месту сбора русских войск пришли на тысяче ладей галицкие выгонцы: «А выгонци Галичькыя придоша по Днѣпроу и воидоша в море. Бѣ бо лодей тысяща, и воидоша во Днѣпръ и возведоша пороги и стаха оу рѣкы Хорьтиць на бродоу оу Протолчи. Бѣ бо с ними Домамѣричь Юрьги и Держикрай Володиславичь» (в приведенном отрывке первое упоминание Днепра вместо Днестра является опiskой).

Поскольку перед нами единственное летописное упоминание «галицких выгонцев», это делает необходимым выяснить вопрос — кем они были? Так как перед процитированным фрагментом летопись сообщает, что к месту сбора прибыли галичане и волынцы «киждо со своими князьми», понятно, что галицких выгонцев необходимо отличать от войск Мстислава Галицкого.

Все исследователи единодушно считают, что галицкие выгонцы жили на территории Галицкого Понизья, то есть по долинам Днестра, Прута — землям современной Молдавии. Это подтверждают и находки памятников в ее центральной части, которые археологи приписывают именно галицким выгонцам.

Исходя из этимологии названия «выгонцы» от слова «изгнание», историками было высказано мнение, что эта группа населения представляла собой изгнанников из Галицкой земли, вытолкнутых за ее пределы в ходе политической борьбы. Об этом говорит тот факт, что в составе выгонцев видим знатные боярские роды Домажиричей и Кормиличицей, изгнанных со своими сторонниками из Галича.

Вместе с тем основную массу выгонцев составляли простолюдины. Это заставило историков поставить вопрос об их

основных занятиях. В русском языке слово *выгон* имеет два значения: 1. действие по глаголу *выгнать*, 2. место, где пастется скот; пастбище²⁵². Отсюда возникла версия, что под выгонцами следует понимать не политических изгнанников, а людей, связанных с пастушеским типом хозяйства и занятых отгонным скотоводством. Тот факт, что галицкие выгонцы пришли к месту сбора русских сил на тысяче ладей, привел к появлению еще одной версии: выгонцы спускались на своих приспособленных для плавания в море ладьях для занятия рыболовством у морских берегов. Наконец, еще одна версия сближает их с бродниками — другой категорией населения степей²⁵³.

Полемику среди историков вызвало то место Ипатьевской летописи о том, что галицкие выгонцы «воидоша во Днѣпръ и возведоша пороги и стаха оу рѣкы Хорьтиць на бродоу оу Протолчи». Выражение «возведоша пороги» следует понимать как «преодолели пороги», «поднялись выше порогов». Исходя из этого В.Г. Ляскоронский предлагал перенести Протолчий брод в район выше порогов и связывал его с Протолами — реками, текущими параллельно Днепру, ниже Орели. По мнению А.А. Спицына, Протолчье следовало отнести к устьям реки Конские Воды. А.А. Астайкин полагал здесь ошибку в летописном тексте: «возведоша пороги» вместо требуемого по смыслу «возведоша къ пороги» или «возведоша до пороги»²⁵⁴.

Но летописец не ошибался. Дело в том, что Днепр в своей порожистой части до постройки Днепрогэса прорывался через скалистые гранитные гряды Украинского кристаллического щита. Эти гряды подразделялись на две категории: если гряда прорезала русло реки по всей его ширине, от берега до берега, составляя род плотины с сильным перепадом воды, то она именовалась *порогом*; если же гряда заграждала только часть русла, оставляя в нем проход, то она называлась *заборой*. «Книга Большому Чертежу» уже после основных Днепровских порогов ниже острова Хортица называет «порог Белекова Забора». Именно его имела в виду Ипатьевская летопись²⁵⁵.

Самым интересным для нас является вопрос — для чего русским князьям необходимо было такое огромное количество ладей? Их было достаточно для перевозки 35—40 тысяч

человек исходя из сообщения «Повести временных лет», что в ладьях времен киевского князя Олега во время известного похода на Константинополь в начале X в. помещалось 40 воинов («а в корабли 40 мужь»). Исследователи, обращавшие внимание на данный факт, полагали, что речь должна идти об общем числе пришедших к Хортице выгонцев, у которых они насчитали 35—40 тысяч воинов²⁵⁶. Но вряд ли столько людей могло жить в этот период в Днестровско-Прутском между-речье.

Наконец на Днепровском правобережье, близ устья речки Хортицы (она является правым притоком Днепра)²⁵⁷, собрались все русские рати, а также подошли половцы. Таким образом, все русско-половецкие силы были сконцентрированы в один кулак. При этом главный лагерь русские князья расположили на острове Хортица, тем самым обезопасив себя от внезапного нападения.

Для переправы через реку был сооружен наплавной мост из ладей, поставленных рядом друг с другом. Ипатьевская летопись явно со слов очевидца сообщает: «Вся намъ по соуху же Днѣпръ перешедшимъ». Е.Н. Тарасенко попытался определить его длину. В этом ему помог тот факт, что в 1902—1908 гг. на месте Кичкасского брода через реку был построен мост (взорванный махновцами в 1920 г.) протяженностью 336 м. Если предположить, что ширина каждой ладьи составляла 3 м, то для наплавного моста необходимо было чуть более ста ладей²⁵⁸.

После сосредоточения главных сил перед русскими князьями встала необходимость выяснить планы противника — будут ли они форсировать Днепр, чтобы наступать на Киев? Это было не случайно. Францисканский миссионер Плано Карпини, путешествовавший к хану Батью несколькими годами позже событий на Калке, отмечал хорошие навыки монголо-татарских воинов форсировать даже большие реки²⁵⁹. Подобная проблема стояла и перед монголо-татарами, пытавшимися выяснить планы русских и половцев.

Ипатьевская летопись сообщает, что вскоре на противоположном левом берегу Днепра появились воины противника, чтобы рассмотреть русские ладьи: «Пришедши же вѣсти во станы яко пришли соуть видѣть олядіи Роускихъ». Услышав об этом, молодой князь Даниил Романович, а с ним и

многие другие князья, сев на коней, бросились посмотреть вражеских конников. Те же, оглядев корабли, поспешили обратно. Мнения русских воевод относительно монголо-татар разделились: большинство из них, впервые столкнувшись с ними, высмеивали облик и оружие противника, полагая, что они уступают даже половцам. Однако опытный воевода Юрий Домажирич предупреждал, что они хорошо стреляют из луков и неплохо сражаются.

Е.Н. Тарасенко задался вопросом — каким образом еще до первого боя, да к тому же наблюдая их через реку, появилось мнение, что монголо-татары — неважные воины? Очевидно, такая оценка была дана по внешнему виду, поскольку в рядах противника не было видно тяжеловооруженной конницы, выделявшейся у половцев кольчугами и шлемами с масками для защиты лица. У монголо-татар войско состояло из легко вооруженных лучников, которые у половцев не отличались стойкостью и ратным искусством²⁶⁰.

Прошло несколько дней, но русские войска по-прежнему не двигались с места, вероятно оттого, что не было донесений разведки о движениях монголо-татар. Судя по Новгородской первой и Тверской летописям, первым от бездействия устал Мстислав Галицкий. Переправившись вброд через Днепр с тысячью воинов, он ударил по сторожевым отрядам монголо-татар.

По предположению археолога М.В. Ельникова, это столкновение произошло «у известной по легендам и рассказам Саур-могилы... на реке Конка, где находят железные наконечники стрел времени позднего Средневековья». Речь идет о каменистом холме на правом берегу Конки, в 2 км к северо-западу от современного села Юльевка, примерно в 20 км от Хортицы.

Оставшиеся в живых бежали со своим воеводой Гемябеком и спрятались в половецком кургане. Не в силах удержать его, монголо-татары, чтобы спасти своего командующего, похоронили его живым в кургане. Расчет был построен на том, что русские вместе с половцами будут преследовать отступающих, а тем временем Гемябек покинет свое укрытие. Но здесь его нашли половцы и, с согласия князя Мстислава, убили его.

Многие историки, буквально понимая летописца, писали, что монголы закопали своего начальника живьем в землю. Но

это не так. Более того, у нас имеется возможность уточнить место этого события, благодаря тому что еще со времен Древнего Рима при любых переходах тактика требовала устройства военных лагерей. Каждый вечер, невзирая на непогоду и усталость, римские легионеры должны были разбивать укрепленный лагерь (*castra aestiva*). Он мог предназначаться только для одной ночевки, либо чтобы провести в этом месте несколько дней, либо впоследствии стать постоянной базой. В любом случае схема его обустройства была одинакова. К концу дневного перехода вперед высылались группа разведчиков для выбора места ночевки. Место будущего лагеря присматривал землемер, входивший в штат каждого легиона. Оно должно было быть удобным для обороны, для чего подыскивался подходящий холм или любая возвышенность. Также обращалось внимание на наличие поблизости источников воды. Благодаря этому неукоснительно соблюдаемому обычаю римская армия получала возможность нормального отдыха в укрепленном и охраняемом месте.

Подобную тактику использовали и кочевники при своих передвижениях по степи, стараясь выбирать для ночлегов древние городища или места, где можно было укрыться от врага. В начале 1950-х гг. около села Кирово Ореховского района Запорожской области (в 2016 г. оно было переименовано в Таврическое или Таврийское), расположенного примерно в 40 км от Хортицы, были случайно найдены остатки керамического водопровода и обожженные кирпичи. Карты XVIII в. фиксируют здесь мечети, часть кирпичей с которых пошла на сооружение крепостей Новой Днепровской укрепленной линии по реке Конка в 70-х гг. XVIII в. Очевидно, именно здесь и находился монголо-татарский лагерь, в котором попытался спрятаться Гемябек.

Напротив этого памятника, на левом берегу Конки, стояла еще одна — Мечеть-могила. Начиная с 2008 г. здесь велись раскопки, выявившие остатки двух сооружений с фундаментом из известняковых и глиняных плит и кирпичными стенами, облицованными цветными камнями. Часть плит была украшена растительным орнаментом, а пол укрыт бирюзовыми, синими, желтыми стеклами. Это может свидетельствовать, что тут были мечеть и мавзолей²⁶¹. Где-то здесь хотел найти убежище Гемябек. Поскольку в русском языке слово «мавзолей» впер-

вые появляется лишь в XVIII в.²⁶², летописец предпочел описать его значение *надгробное сооружение, гробница* привычным словом «курган».

В 2017 г. вышла статья венгерского историка Стивена Поу, в том же году переведенная на русский язык, в которой тот выдвинул версию — убитый воевода Гемябек был не кем иным, как Джебе, одним из руководителей западного похода монголов. Данный вывод исследователь основывал на том, что при переводе на русский язык имя Джебе превратилось в Гемябека. Подобное предположение не нашло сторонников и вызвало вполне обоснованную критику отечественных востоковедов, доказавших на лингвистическом материале невозможность данной трансформации²⁶³.

Вполне оправданным будет предположение, что перед смертью Гемябека допрашивали «с пристрастием» и он сообщил об отходе монголо-татар. Тем самым планы противника были раскрыты.

Дальнейшие действия развивались следующим образом. Вернувшись с победой в лагерь, Мстислав Галицкий стал угрожать союзникам переправиться через Днепр и идти в Половецкое поле: «Мстислав и другой Мстислав! Не стойте, пойдем против них». Это предложение было поддержанно молодыми князьями, жаждавшими воинских подвигов, и в итоге решено было переправляться всем войском через «бродь на Протолчи». В летописях неоднократно встречается слово «протолчи», которое издатели дают то с прописной, то со строчной буквы, в зависимости от того, считают они его нарицательным или же именем собственным.

Согласно словарю И.И. Срезневского, слово «протолчи» означает «сжатое речное русло, быстрину»²⁶⁴. По мнению К.В. Кудряшова, речь идет об имени собственном: «Протолчи помещались ниже порогов, но выше острова Хортица, на том самом броду, который с незапамятных времен служил известным местом переправы через Днепр»²⁶⁵.

Ипатьевская летопись уточняет, что переправа княжеских дружин и половцев на левобережье Днепра произошла во вторник. Оценивая это решение русских князей, некоторые историки утверждают, что тем самым «монголы решили навязать свой план сражения — вынудить русских перейти на левый, более низкий берег Днепра и заманить вглубь поло-

вещких степей, ослабив тем самым их силу»²⁶⁶. Другие еще более категоричны: «Первое соприкосновение с врагом принесло успех, и окрыленные им князья решили переправиться через Днепр, чтобы настичь противника. Русские ратники в данном случае попались на обычную хитрость, которую монголо-татары применяли достаточно часто». При этом обычно ссылаются на свидетельство Плано Карпини, побывавшего в Монголии в 40-х годах XIII в., о тактике монгольских войск: «Следует знать, что, когда они видят врагов, они направляются к ним, и каждый выпускает по три или четыре стрелы в своих противников, и если они видят, что не могут тех победить, то отступают назад к своим. И это они делают для обмана, а именно чтобы противники последовали за ними к тем местам, где они устроили засаду. И если враги следуют за ними в упомянутую засаду, то они их окружают и таким образом — ранят и убивают»²⁶⁷.

Рашид ад-Дин сообщает, что монголо-татары «напали на страну урусов [Русь] и на находящихся там кипчаков. К этому времени те уже заручились помощью и собрали многочисленное войско. Когда монголы увидели их превосходство, они стали отступать»²⁶⁸. Тем самым монголо-татарское командование отказалось от планов форсирования Днепра и войны на его правобережье, где войска могли легко попасть в окружение. Выбрав тактику отхода, можно было сохранить свои силы.

Двигаться в восточном направлении монголо-татары могли по двум главным степным шляхам — Муравскому и Кальмиусскому. Тем самым перед русскими ратями встала задача перерезать эти пути, и определился маршрут их дальнейшего движения к реке Калке.

Как уже говорилось, на современных картах название реки Калки отсутствует. Ее поиски начались еще в XVIII в. Немецкий и русский ученый-энциклопедист П.С. Паллас (1741 — 1811) полагал, что под ее именем скрывалась река Берда²⁶⁹. В.Н. Татищев отождествил Калку с рекой Кальмиус, длиной 209 км, впадающей в Азовское море в районе Мариуполя: «И оттуда идоша по ним 8 дней и до реки Калки (мню, Калмиус)»²⁷⁰.

Вновь этот вопрос в начале XX в. поднял историк В.Г. Ляскоронский. Для начала он усомнился в том, что, если при-

нимать за Калку нынешний Кальмиус, русские рати углубились в степь, отойдя так далеко от границ Руси. Думать так заставило одно место из Новгородской первой летописи, рассказывающей об устройстве Мстиславом Киевским лагеря на каменистом месте «надъ рѣкою надъ Калкомъ», в котором он оборонялся три дня, тогда как «ини же Татари поидоша по русскыхъ князихъ, бьючи до Днѣпря». Это упоминание, на его взгляд, указывает на близость Калки к Днепру. Усомнился исследователь и в том, что русские рати шли от места переправы до Калки 8 или 9 дней. То обстоятельство, что в Ипатьевской летописи после цифры 8 стоит слово «дни», а в Новгородской первой после цифры 9 слово «днии» или «дний», навело В.Г. Ляскоронского на мысль, что в летописи была допущена цифровая ошибка, состоящая, по-видимому, в том, что цифра 8 была поставлена вместо цифры 2, очень схожей с предыдущей по своему буквенному начертанию. Если бы в Ипатьевской летописи стояла цифра 8 или 9, то следующее слово, в силу русской речи, должно было бы стоять в родительном падеже множественного числа, а от слова «день» по-церковнославянски будет также «день», но никак не «дни» или «дний». Последнее же возможно в том случае, если бы стояло числительное 2 или 3; например, «шли 2 дни».

Тот факт, что в походе против монголо-татар активное участие принимали князья Днепровского левобережья: черниговский, путивльский, курский, переяславский и другие князья указанной области, также свидетельствует в пользу того, что боевые действия шли близ границ указанных земель и задевали их существенные интересы.

Обратил внимание В.Г. Ляскоронский и на упоминание летописью бродников, воевода которых Плоския сыграл негативную роль в пленении Мстислава Киевского. По его мнению, бродники получили свое название от дела, которым постоянно занимались, — охраны бродов. Они были вооруженными поселенцами, защищавшими дороги, проходившие через южнорусские степи. При этом местность по течению Днепра, начиная от устья Ворсклы вплоть до порогов, может быть названа страной бродов. Район между Днепром и нижним течением Самары являлся стратегическим пунктом для обороны русских рубежей, который охраняли бродники. Взглянув на карту бассейна реки Самары, видим, что несколько

ниже Новомосковска в Самару впадает небольшая речка Кильчень, через которую близ ее устья проходил большой тракт из Екатеринослава (позднее Днепропетровск) на Новомосковск. Именно ее, протекавшую у южной границы Переяславского княжества, В.Г. Ляскоронский соотнес с летописной Калкой²⁷¹.

Весной 1910 г. во время обсуждения гипотезы В.Г. Ляскоронского в Археологическом кабинете Санкт-Петербургского университета его взгляды были признаны неприемлемыми, и исследователи вновь вернулись к прежнему мнению, отождествляя Калку с Кальмиусом или Кальчиком.

Позднее была даже сделана попытка объяснить, каким образом гидроним *Калка* превратился в *Кальмиус*. Дело в том, что в этом районе протекают две реки с похожими названиями — Кальмиус и Миус (длиной 258 км, также впадает в Азовское море). Было высказано мнение, что обе реки в древнейшие времена назывались Калкой (или Калой). Топонимическая неразбериха, когда две реки имели одинаковые названия, привела к тому, что славяне для их различения в одной из них использовали две формы: славянскую Калка (из *индоевр.* *kal — «черный, грязный») и тюркскую Миус — «угол, рог» (Калка + Миус = Кальмиус). Первичное *Калка*, таким образом, полностью соответствует гидрографической характеристике Кальмиуса — реки с грязной и очень минерализованной водой, вязким грунтом и берегами²⁷².

Относительно недавно украинским историком Б.В. Черкасом было высказано мнение, что Калку следует искать ближе к Днепру. Основанием для этого стало то, что Калка также фигурирует в связи с поражением Мамая от Тохтамыша в 1380 г. Согласно крымскому историку XVIII в. Кирими, это произошло близ реки Конские Воды. Вторым источником послужили записки францисканского монаха Бенедикта Поляка (ок. 1202 — ок. 1280), сопровождавшего в 1245 г. Иоанна де Плано Карпини, посла папы римского Иннокентия IV, в Каракорум и бывшего его секретарем. По возвращении они оба описали свое путешествие. Отчет брата Бенедикта лег в основу «Истории Тартар» анонимного автора, которого принято именовать Ц. де Бридиа (ибо он подписался только инициалом С), сохранившейся в рукописи XV в. Она впервые была издана в 1965 г. (русский перевод появился в 2002 г.)

и представляет собой переработанный и сокращенный вариант произведения Бенедикта Поляка, хотя и повторяющий во многом известный труд папского посла, но содержащий подробности, не вошедшие в него. В своем упоминании о Калке он писал, что «команы, объединившись со всеми русскими [князьями], бились с тартарами между двумя ручейками — название одного из них Калк, а другой Кониуззу, то есть „вода овец“, ведь *кони* по-татарски означает на латыни *oves* (овцы), а уззу — *aqua* (вода), и они были разгромлены тартарами. Крови с обеих сторон было пролито до самых конских уздечек, как передавали те, кто участвовал в сражении»²⁷³. Как было выяснено исследователями «Книги Большому Чертежу», в которой упоминаются Овечьи Воды²⁷⁴, этот гидроним тождествен Конским Водам (современной реке Конке, левому притоку Днепра).

Однако большинство исследователей придерживается взгляда, что под Калкой следует понимать реку Кальчик длиной 88 км, правый приток Кальмиуса, впадающий в него в 6 км от устья последнего. Именно этого мнения, впервые высказанного еще в XIX в., единодушно придерживались авторы второго и третьего изданий «Большой советской энциклопедии» и «Большой российской энциклопедии»²⁷⁵.

Но где именно на этой реке произошло сражение? Исходя из того, что битва должна была оставить вещественные следы (в первую очередь захоронения), в конце XIX в. были предприняты первые археологические раскопки с целью поисков места битвы. Их провел военный историк генерал-лейтенант Н.Е. Бранденбург (1839—1903). Будучи заведующим Артиллерийским музеем в Санкт-Петербурге, он уделял много внимания вопросам изысканий и раскопок на полях древних битв, фактически став основателем военной археологии в России. В 1888 г. им были обследованы курганы близ Мариуполя, по правому и левому берегу Кальчика близ селения Старый Крым.

При этом исследователь активно использовал информацию здешних обитателей. Ими с 1823 по 1941 г. были немцы-переселенцы из Западной Пруссии, Бадена и Гессена и их потомки.

В 1889 г. внимание Н.Е. Бранденбурга привлекло место на левом берегу Кальчика близ колонии Киршвальд (ныне —

Вишневатое), изобилующее, по словам местных жителей, человеческими костями. Там же в 3 верстах западнее Кальчика, по дороге в Грунау (ныне — Розовка) им была обследована группа из нескольких курганов, лежащих около огромной насыпи, носящей название Широкая могила. По словам колонистов, один из курганов был разрыт и в нем были найдены остов лошади и всадника, седло, стремя и сабля.

Верстах в двух от правого берега Кальчика, в его верховьях, к востоку от Киршвальда, по дороге на селение Малый Янисоль (ныне — Малоянисоль), располагалась группа курганов, среди которых выделялся огромный курган (вышиной до 4 сажень, то есть до 9 м, и около 240 шагов в окружности), называемый Чумацкой могилой. Еще одна группа курганов — из одного большого и восьми малых — была обнаружена в 12 верстах от села Темрюк (в 1948—2016 гг. и ныне Старченково) на правой стороне речки Каратыш (приток Берды). На главном кургане еще сохранялась характерная половецкая каменная баба из красноватого гранита, обращенная лицом на восток.

Особое внимание Н.Е. Бранденбурга привлекли так называемые «Каменные могилы». «Местность чрезвычайно любопытная, — писал он, — ибо среди ровной степи вдруг попадаешь точно на Кавказ! На пространстве около десятины или двух громоздятся тесно скученные высокие гранитные скалы, прозванные каменными могилами. Впечатление вполне грандиозное». По словам жителей лежащей рядом колонии Гросс-Вердер (ныне — Мариновка), на окружающих полях нередко выпаживали человеческие кости²⁷⁶.

Работы Н.Е. Бранденбурга послужили материалом для статьи И. Шмакова, по мнению которого битва происходила «на р. Кальчике, на полях немецких колоний: Киршвальд № 1, Шенбаум № 4, Розен-Гартен № 3, Беломежа № 20, Руденвица № 22 и Большая Кальчиновка № 21». Относительно лагеря Мстислава Киевского он писал: «От этой местности в 6 верстах на овраге Кара-таш (черный камень) находится скалистая и крутая возвышенность, имеющая вид природного бастиона. Немудрено, что укрепившийся здесь великий князь киевский Мстислав Романович успешно отражал татарские приступы, и только измена Плоскини заставила его выступить из этой неприступной позиции»²⁷⁷.

Летом 1904 г. в рамках подготовки к XIII археологическому съезду в Екатеринославе Е.П. Трефильевым были проведены раскопки близ Чермалыка, Корани, Ласпи, Чердаклы и Малого Янисоля, но им были вскрыты курганы исключительно со скифскими и кочевническими погребениями, то есть не относящиеся к битве на Калке²⁷⁸.

Летом 1910 г. Русским военно-историческим обществом сюда направляется новая экспедиция во главе с В.В. Саханевым (1885—1940). Его заслугой стало привлечение к определению места битвы «Книги Большому Чертежу».

Под этим названием понимают текстовое описание двух крупнейших не сохранившихся географических карт Русского государства второй половины XVI — начала XVII в. Полагают, что первая из них («старый чертеж») имела размеры около 1,3 на 1,4 м при масштабе около 1:2,7 млн, охватывая основную территорию Русского государства и сопредельных земель — от Белого до Черного моря, от побережья Финского залива до реки Обь. Считается, что ее в единственном экземпляре выполнили во второй половине XVI в. специально для царя. В дополнение к ней был выполнен «чертеж Полю», изображавший земли между левыми притоками Днепра и правыми притоками Дона — от Москвы до Черного моря, включая Крым. Именно с этого направления совершали свои набеги крымские татары.

После Смутного времени и знаменитого московского пожара 1626 г. выяснилось, что «старый чертеж всему Московскому государству по все окрестные государства», сделанный «при прежних государях», пришел в такую ветхость, что «впредь по нём урочищ смотреть не можно». В 1627 г. в Разрядном приказе подьячим А.И. Мезенцевым было составлено описание карт, содержащее около 2 тысяч топонимов и свыше 1,5 тысячи величин расстояний. Дошедшее до нашего времени в многочисленных списках это описание является ценнейшим источником по географии России XVI—XVII вв.²⁷⁹

В нем описание Кальмиусского шляха содержит такое перечисление рек: переехав Северский Донец, надо ехать на Белый Колодезь, «а от Белого Колодезя к верх речке Крымке; а от речки от Крымки к верх речке Миюсу. А от верх речки Миюса к верх речке Елкуваты; а верх речки Елкуваты курган высок, а на нем 3 человека каменных. А от речки Ел-

куваты к верху речкам к Калам. А те речки все по левой стороне тое дороги пали в море. А по правой стороне тое дороги река Тор. А от речек от Кал к речке к Каратошу и речка Каратош перелести. А от речки Коратоша к речке к Берлу. А от той речки к другой речке к Берлу»²⁸⁰. Поскольку на современной карте все речки легко узнаются, название «речек Кал» приходится на долю Кальмиуса и Кальчика — таков был вывод В.В. Саханева.

Он же определил путь русских ратей от места переправы у Хортицы к Калке. Большую помощь в этом оказала гипсометрическая карта Европейской России выдающегося русского геодезиста А.А. Тилло (1839—1899). Изданная в 1896 г. в масштабе 40 верст в дюйме, она обратила на себя всеобщее внимание тем, что впервые давала правильные представления об орографии внутренних районов России (именно А.А. Тилло дал названия Среднерусской и Приволжской возвышенностям, которые помещаются на любых физических картах Европы). Карта Тилло устанавливала, что от Хортицы до верховьев Кальчика идет удобный существующий и поныне прямой путь по водоразделу между реками с севера (Московкой, Большой Терсой и Гайчуром) и с юга (Конка и ее притоки), оставляя пересеченные ими местности по сторонам.

Выполнить намеченный план экспедиции не удалось из-за эпидемии холеры. Тем не менее в ходе работы было проверено выдвинутое еще И. Шамаковым предположение, что лагерь Мстислава Киевского располагался в скалах, местное название которых — Каменные могилы, на правом берегу речки Каратыш, недалеко от ее истока. В.В. Саханев подчеркнул выгодную позицию здешних мест для обороняющихся: «Подъем на вершины крайне тяжел, так как поверхность камней гладкая и скользкая; нога не имеет упора и срывается, так что в иных местах возможно взобраться на скалы лишь на четвереньках».

Им также была намечена дальнейшая программа исследований, в которой предполагалось обследовать треугольник, образуемый течением Кальчика выше села Малый Янисоль, не забывая указаний летописи о стоянке Мстислава Киевского²⁸¹. Однако начавшаяся Первая мировая война, революционные события поставили крест на этих планах.

К сожалению, в плане археологии здешним местам в советский период не повезло. В конце 1920-х гг. локализацией места битвы на Калке занялся сотрудник Мариупольского краеведческого музея П.М. Пиневиц. В 1927 г., приступив к работе в музее, он запланировал изучение в археологическом отношении только что образованного в апреле этого года заповедника «Каменные могилы» и местности вокруг него «радиусом 7—8 верст в поисках предполагаемого места битвы на Калке». Но все ограничилось простым обследованием во время экскурсий археологического кружка под его руководством. Тем не менее он пришел к убеждению, что «Каменные могилы» и местность в треугольнике между Розовкой, Кальчиновкой и селом Темрюк (современное Старченково) представляют возможное место сражения²⁸².

В 1954 г. к вопросу о месте битвы на Калке обратился известный специалист в области исторической географии К.В. Кудряшов (1885—1962). В журнале «Вопросы истории» он опубликовал заметку, представлявшую ответ школьным учителям А.С. Пшеничному и И.Г. Сарбаш из Сталинской (позднее Донецкой) области, просившим «осветить вопрос о месте битвы на Калке». Согласно К.В. Кудряшову, разгром Мстислава Удатного состоялся у истоков Кальчика, а лагерь Мстислава Киевского, отождествляемый с «Каменными могилами», был расположен в одном из понижений ее восточной гряды и был прикрыт с востока речкой Каратыш²⁸³. Сейчас эта местность носит другой характер. Если прежде Каратыш протекал в балке с крутыми берегами, то в конце 1960-х годов его течение перегородили 200-метровой плотиной, и образовалось искусственное озеро площадью 20 га с глубинами до 6—7 м²⁸⁴. Точка зрения К.В. Кудряшова нашла поддержку в последующей историографии²⁸⁵.

В.К. Романов попытался наметить место битвы другим путем, исходя из того, что известен пункт переправы русских ратей через Днепр — остров Хортица. По свидетельству Новгородской первой летописи, от Хортицы до реки Калки половцы и русские шли 8 дней, а на 9-й день произошла битва. По данным же Ипатьевской летописи, они шли 8 дней, включая день битвы. Но при этом последняя отсчитывала путь союзников не от Хортицы, а от места разгрома сторожевого отряда монголотатар. В движении же союзники находились примерно семь

дней. Полагая, что за день русское войско проходило по 32 км, за семь дней оно должно было пройти 224 км. Проведя от Хортицы дугу радиусом в 224 км, получаем известные пределы, до которых могло дойти войско союзников. На востоке эти пределы ограничиваются бассейном реки Миус.

Если учитывать, что движение союзников от Хортицы до места битвы шло отнюдь не по прямой, то битва должна была произойти явно западнее бассейна Миуса. По картографическим данным XIX в., расстояние от Хортицы (крепость Александровская) до верхнего течения реки Кальчик (поселок Киршвальд; ныне село Вишневатое) составляло 197 верст, или около 210 км. Последняя цифра близка теоретической цифре в 224 км. Это говорит в пользу того, что сражение происходило в районе реки Кальчик. Сопоставление соображений о месте Калкской битвы, высказанных И. Шмаковым, В.В. Саханевым, К.В. Кудряшовым и Е.С. Отиным (1932—2015), с данными картографических материалов XVIII—XIX вв. привело В.К. Романова к выводу, что наиболее вероятным местом сражения является район села Малоянисоль в среднем течении реки Кальчик²⁸⁶.

Через несколько лет данное предположение нашло археологическое подтверждение. Весной 1990 г. школьники села Кировского (с 2016 г. — Диановка) во время полевых работ обнаружили кости человека, коня и шлем с маской. Из земли также извлекли саблю, наконечник ножен, стремя, обрывки кольчуги, бронзовую пуговицу. Все находки были переданы в школьный музей.

В 2001 г. они заинтересовали местного археолога Э.Е. Кравченко. Было осмотрено место находки. Оно находилось примерно в 1,5 км к северу от соседнего села Куйбышево (так с 1956 по 1995 г. именовалось нынешнее село Малоянисоль) в верховьях небольшой балки, соединяющейся с более крупной балкой, по которой протекает ручей, представляющий собой левый приток реки Кальчик, именуемый местными жителями как Калка. Останки и сопровождавшие их предметы залегали компактно и располагались примерно на середине левого склона небольшой балки. От реки Кальчик место погребения было закрыто высоким холмом и с ее правого берега не просматривалось. На поверхности оно появилось вследствие эрозионных процессов.

Осмотр шлема с вырезом спереди под маску и самой маски, а также сабли заставил Э.Е. Кравченко предположить, что это — предметы предмонгольского периода, характерные для погребений черных клобуков (так именовались тюркские вассалы киевских князей, расселенные в Поросье начиная с конца XI в.).

Калкинское погребение близко аналогичным захоронениям, обнаруженным археологами в Поросье, но отличается от них специфическими чертами: отсутствием курганной насыпи над могилой, а также бытовых предметов, предназначенных для использования в загробной жизни. Необычен и выбор места захоронения (склон холма), свидетельствующий о том, что главной задачей устроителей могилы являлась задача спрятать его. Наличие могилы в низине, отсутствие кургана могло быть обусловлено боязнью, что над могилой могут надругаться. По всей видимости, социальный статус покойного был очень высок, чтобы его просто оставить без погребения, а обстановка не позволяла выполнить все требования погребального обряда. Все это позволило связать найденное погребение с событиями битвы на Калке²⁸⁷.

Данная находка вступала в определенное противоречие со сложившимся мнением о месте битвы в районе «Каменных могил», что заставило Е.Н. Тарасенко рассмотреть все возможные варианты, о которых когда-либо высказывались историки и краеведы. За основу он взял методику В.К. Романова, по которой следовало отсчитать километраж пути, проделанного русско-половецкими войсками с момента переправы у Хортицы. В свое время К.В. Кудряшов, используя немногочисленные летописные указания, пришел к выводу, что в домонгольский период русские полки (конница и пехота) делали обычно дневной переход в среднем около 25 верст. Конечно, в случае необходимости один или даже два перехода подряд русские войска могли совершить и на более значительное расстояние (например, Даниил Галицкий в 1245 г. вышел из Холма и дошел до Люблина, то есть сделал переход около 45—50 верст). Но подобные переходы были единичными²⁸⁸. Исходя из 9 дневных переходов по 25 км для смешанной (конной и пешей) русско-половецкой рати Е.Н. Тарасенко получил 225 км. Проведя на карте дугу радиусом 225 км, получаем, что русские рати, даже если бы они двигались строго

по прямой линии, не могли продвинуться восточнее реки Мокрый Еланчик²⁸⁹.

Другим фактором, определяющим место битвы, стало указание летописца, что Мстислав Киевский расположил свой лагерь на «месте каенистом». Проблема заключается в том, что подобных мест в этом районе много. С геологической точки зрения Северное Приазовье является крайней юго-восточной частью Украинского кристаллического щита. Около 3 млрд лет назад здесь находились горы, которые, постоянно разрушаясь, были погребены под осадочными отложениями. Тем не менее в ряде случаев остатки горных пород до сих пор выходят на дневную поверхность.

Е.Н. Тарасенко выделил три наиболее перспективных места для поиска расположения лагеря Мстислава Киевского. Первым он, вслед за предшественниками, назвал нынешний заповедник «Каменные могилы» в 6—7 км от современного поселка Розовка Запорожской области. Обширные выходы на поверхность древних скальных пород образовали здесь целую горную систему в миниатюре, отдельные вершины которой поднимаются на 50—70 м над окружающей степью²⁹⁰.

Вместе с тем, по мнению Е.Н. Тарасенко, расчет расстояний от переправы через Днепр до «Каменных могил» дает менее 7 дневных переходов. Вторым аргументом «против» стало то, что река Каратыш, над которой возвышается восточная гряда «Каменных могил», отношения к Калке не имеет — последняя (если за нее принимать Кальчик) лежит восточнее.

Вторым перспективным местом, на взгляд Е.Н. Тарасенко, является курган Могила-Серединка, в километре к югу от современного села Шевченко, на правом берегу Кальчика, долина которого заполнена одноименным водохранилищем. Здесь имеются несколько куполообразных выходов розового гранита на поверхность. Хотя это место ни по высоте, ни по площади гранитных обнажений, ни по крутизне склонов не идет ни в какое сравнение с «Каменными могилами», расчет движения русских сил от переправы дает почти 8 дневных переходов, что гораздо ближе летописным известиям. Вместе с тем склоны кургана Могила-Серединка недостаточно круты, чтобы создать препятствия для штурма.

Еще одним возможным местом сражения называли долину реки Кальмиус у села Гранитное, где также имеется «место

каменистое». Расчет расстояния от переправы через Днепр дает почти 9 дневных переходов, что точно совпадает с данными Новгородской первой летописи. Правда, это место представляет собой не гористое возвышение, а просто крутые прибрежные обрывы. Организовать круговую оборону осажденного лагеря можно, только отгородив такой мыс с крутыми берегами от степи рядом телег.

П.М. Пиневи́ч также упоминал «взгорье между р. Кальмиусом и р. Кальчиком возле г. Мариуполя». Но оценкой этого места никто не занимался, тем более что оно находится слишком близко от Азовского моря. Между тем ни в одном источнике о близости моря к месту сражения ничего не говорится²⁹¹.

Окончательный выбор в пользу «Каменных могил» как места лагеря Мстислава Киевского дает «Книга Большому Чертежу», в которой говорится о наличии на Кальмиусском шляхе брода через речку Каратош (ныне Каратыш)²⁹². Что касается двух «речек Кал», то, судя по карте, под ними следует понимать 1) реку *Кальчик* длиной 88 км, имеющую исток у села Кальчиновка (на границе Запорожской области и Донецкой народной республики) и впадающую в Кальмиус в 6 км от его устья на территории Мариуполя, и 2) расположенный восточнее его левый приток *Малый Кальчик* длиной 38 км.

Именно в этом районе развернулись главные события.

Глава 7

КАТАСТРОФА

Продвижение русских дружин после переправы через Днепр шло вполне успешно. Для воссоздания общей картины событий необходимо использовать показания как Ипатьевской, так и Новгородской первой летописей.

Как уже говорилось, войска в степи двигались, применяясь к рельефу местности, как правило, по водоразделам рек. Этому способствовало то, что от главных «татарских шляхов» отходили менее значительные дороги. В нашем случае речь должна идти о маршруте вдоль реки Конки. Затем русские рати, преследуя монголо-татар, должны были выйти к водораздельным высотам, отделяющим бассейн Берды (с юга) от верховий Гайчура, Янчура и Кобыльной (с севера). Здесь они выходили на Кальмиусский шлях, по которому двигались основные силы монголо-татар.

Ипатьевская летопись сообщает, что вскоре после форсирования Днепра русские рати нагнали монголо-татар, сопровождавших стада скота, победили их и захватили массу животных. Подобная деталь ярко характеризует особенности передвижения монголо-татар по степи. Они не имели колесных обозов, а все, что они везли с собой, было навьючено на многочисленных лошадях и верблюдов. Каждый воин имел с собой несколько запасных — «заводных» — лошадей. Также своим ходом двигались стада, дававшие войскам пищу. Такой уклад воинского быта позволял армии кочевников превосходить по скорости передвижения любую другую²⁹³.

В Новгородской первой летописи, в отличие от Ипатьевской, данный эпизод отсутствует. Но это же обстоятельство позволяет определить место захвата скота. Если новгородский летописец сообщает, что от Днепра до Калки шли девять дней, то Ипатьевская летопись говорит о восьми днях пути,

однако при этом уточняет, что это число следует отсчитывать с момента захвата скота. Таким образом, можно говорить, что к этому моменту русские рати удалились от Днепра на день пути. Взглянув на карту, видим, что здесь путь русских ратей пересекал Муравский шлях. Именно по нему монголо-татары гнали свой скот.

Через восемь или девять дней (в зависимости от начальной точки отсчета пути) русский авангард во главе с Мстиславом Галицким достиг реки Калки (нынешний Кальчик). Судя по Ипатьевской летописи (новгородский летописец в данном случае молчит), здесь его встретила монголо-татарская сторожа. Разгорелся скоротечный бой, в ходе которого погиб воевода Иван Дмитриевич и «иная два с нимъ». Успех был на стороне русских, и противник вынужден был отойти на «прочую реку Калку» (Малый Кальчик).

Что касается Мстислава Киевского, то он двигался в арьергарде. Причиной тому было то, что его рать в значительной части представляла собой пехоту, сопровождавшую возы с припасами и вооружением. Во время похода ратники шли налегке, а оружие, латы и т. п. везли на телегах. Выйдя вдоль реки Конки на Кальмиусский шлях, киевский князь подошел к речке Каратош, через которую, согласно «Книге Большому Чертежу», необходимо было переправиться вброд: «речка Каратош перелести». Но если для конницы в этом не было особой трудности, то для пехоты, в особенности для обоза, переправа представляла достаточно серьезную задачу. Поэтому Мстислав Киевский вынужден был здесь остановиться.

Заключительная часть похода русских войск и их столкновение с монголо-татарами содержит еще одну загадку. Как уже говорилось, русские княжеские дружины этого периода были смешанными: в их состав входила как пехота, так и конница, и шли со средней скоростью около 25 км в день. Основной ударной силой монголо-татарской армии являлась кавалерия, скорость которой заметно выше²⁹⁴. Исходя из того, что нормальная суточная работа лошади обычно равна 7—8 часам при средней скорости движения в 7—8 км в час, величина суточного конного перехода оценивается в 50—60 км.

При этом если русские летописи определяют преследование монголо-татар до Калки 8—9 днями, то, согласно Ибн аль-Асиру, «татары не переставали отступать, а те [русские]

гнались по следам их 12 дней». О тех же 12 днях отступления монголо-татар говорит и Рашид ад-Дин²⁹⁵. Такое же количество дней, за которые русское войско добиралось от Днепра до Калки, видим и в сочинениях польских историков Яна Длугоша (1415—1480) и Матвея Меховского (1457—1523)²⁹⁶.

Е.Н. Тарасенко, пытаясь объяснить противоречие между количеством дней, затраченных противниками до перехода к Калке, предположил, что переправа русских войск через Днепр заняла три дня (3+9=12 дней)²⁹⁷. Однако эта версия не учитывает разницы в скорости конных и смешанных ратей.

В связи с этим С.В. Цыб недоумевал: «Набор таких аморфных в хронологическом смысле сведений... невозможно использовать для реконструкции точной хронологии передвижения русских от Южной Руси до Калки». К этому добавляется непонятное сообщение Рашид-ад-Дина, что с русскими и половцами монголо-татары «сражались в течение одной недели»²⁹⁸. В результате исследователь делал неутешительный вывод: «согласование всех этих противоречивых или сомнительных относительных показаний — дело будущего»²⁹⁹.

Между тем разгадка разницы между показаниями в 8—9 и 12 дней объясняется достаточно просто: противники двигались не друг за другом, как полагает большинство исследователей, а сходящимися курсами. Монголо-татары шли из Крыма, а русские рати, чтобы перехватить их, подходили по дороге вдоль реки Конки к Кальмиусскому шляху — главному пути отступления монголо-татар. Что касается скорости их передвижения, то она была далека от максимальной. Вместе с ними двигались стада скота, обессиленного после зимовки, которые не могли быстро передвигаться.

Гораздо большую загадку содержит упоминание Яном Длугошем 17 дней, когда он пишет о том, что русские князья после форсирования Днепра «через двенадцать переходов достигли реки Калчи, где уже разбили свой лагерь татары. Татары, не дав русским и половцам времени на передышку, немедленно напали на них в семнадцатый день».

Эта же цифра фигурирует в других русских летописях XV в., сообщающих, что после убийства послов первого монголо-татарского посольства «идоша Русь противу 17 днии» (Рогожский летописец, Летопись Авраамки, Новгородская четвертая, Новгородская по списку П.П. Дубровского, Новгородская Ка-

рамзинская летописи). Что означает данное количество дней? А.А. Астайкин исходя из средней скорости русских ратей около 22—23,5 км в сутки полагает, что речь должна идти о почти 400-километровом походе из Заруба (под Каневом) вдоль Днепра к Хортице³⁰⁰. Но как это соотносится с показанием Яна Длугоша, что монголо-татары на Калке вступили в бой «в семнадцатый день», остается неясным.

Между тем находится самое простое объяснение этих цифр. Для этого необходимо вновь обратиться к календарю за 1223 г. Как мы помним, второе посольство монголо-татар означало формальное объявление войны, и именно с этого момента считался начальный срок военной кампании.

Как было показано выше, битва на Калке должна датироваться 30 мая 1323 г. Отсчитывая по календарю 17 дней, получаем воскресенье 14 мая. Именно в этот день монголо-татарские послы из второго посольства объявили войну. Но движение войск началось лишь через пять дней — в пятницу 19 мая: еще не был известен ответ русских князей на предъявленный им ультиматум, требовалось время, чтобы послы добрались от Хортицы до Крыма, где была сосредоточена монголо-татарская армия. Также нужно было обсудить направление дальнейших действий (именно с этой целью появились разведчики монголо-татар, чтобы оценить число русских ладей на Днепре).

Русские рати простояли на Хортице больше недели — из-за отсутствия сведений о планах противника. И только после взятия в плен Гемябека из его допроса выяснилось, что монголо-татары начали движение по Кальмиусскому шляху. Именно тогда был дан приказ форсировать Днепр. Ипатьевская летопись сохранила свидетельство очевидца, что переправа прошла во вторник, после чего дружины русских князей достигли Калки на девятый день. Тем самым переход через Днепр датируем вторником 23 мая. Отсчитывая от этого числа девять дней, получаем 31 мая — именно ту дату, которая указана в Новгородской первой летописи. Но точной, как было показано выше, является Лаврентьевская летопись, датирующая битву 30 мая, «на память святаго мученика Еремиа». Ссылка на память святого, празднование которого приходилось на следующий день, ясно показывает, что сражение проходило вечером во вторник 30 мая, когда по церковным правилам уже наступил следующий день.

Как признавал А.В. Эммаусский, «летописи не дают нам полных сведений о расположении русско-половецких отрядов перед битвой на Калке». Тем не менее он пытался решить эту проблему, полагая, что «расположение русско-половецких сил в битве при Калке в точности соответствовало боевому построению русских, выработанному еще в XI—XII вв. и примененному князем Игорем Святославичем Северским, героем „Слова о полку Игореве“, в битве с половцами... [он] построил свои войска в три линии»³⁰¹.

Но соответствуют ли подобные построения реалиям XIII в.? Известно, что линейная тактика боя появилась только с развитием огнестрельного оружия. Войска начали строить шеренгами, а для непрерывной стрельбы употребляли *караколь* — выстрелив, первая шеренга проходила сквозь строй, становилась сзади и начинала перезаряжать свое оружие. К моменту, когда оно оказывалось вновь заряженным, другая шеренга, сделав выстрел, пропускала первую, которая вновь оказывалась впереди. Такая тактика позволяла значительно эффективнее использовать огнестрельное оружие, одновременно ведя огонь из наибольшего количества ружей. Кроме того, построения меньшей глубины были менее уязвимы для артиллерии. Считается, что впервые подобную тактику применил Мориц Оранский (1567—1625) с организованной им голландской армией, когда войска строились в 10 шеренг. Тактика войск сводилась в основном к фронтальному столкновению. В русских войсках элементы линейной тактики впервые были применены в сражении при Добрыничах (1605).

Следующим этапом в развитии линейной тактики стали реформы Густава Адольфа II в шведской армии в период Тридцатилетней войны. Он облегчил мушкеты, убрал подшошник (подставку для стрельбы) и выстроил стрелков всего в шесть шеренг. Также он отказался от караколи. Солдаты должны были строиться плотнее и стрелять несколькими шеренгами сразу. Фланги прикрывала кавалерия.

В конце XVII в. был изобретен штык, который прилаживался к мушкету, а его скорострельность была доведена до 4—5 выстрелов в минуту. Это привело к окончательной победе линейной тактики. Вплоть до эпохи революционных войн во Франции конца XVIII в. армии строились в две-три сплошные линии, на флангах располагалась кавалерия. Число ше-

рентг в линиях постепенно сократилось с пяти-шести до трех. Артиллерия располагалась между пехотными полками.

Как видим, в построении А.В. Эммаусского отразились взгляды историков эпохи массового применения огнестрельного оружия, которого в XIII в. не существовало.

Примерно такого же уровня «объективности» карты сражения на Калке А. Гольженкова, А.А. Астайкина, Д.Г. Хрусталева³⁰², не учитывающие реалий театра сражения на Калке, растянувшегося в длину минимум на 20 км.

Поэтому приходится вновь обратиться к Новгородской первой и Ипатьевской летописям, не забывая о том, что они содержат показания двух независимых друг от друга очевидцев событий.

Новгородский источник достаточно краток: русские князья преследовали противника 9 дней и зашли за реку Калку. В дозор был послан Ярун с половцами, а сами князья встали станом. Ярун, столкнувшись с монголо-татарами, пытался сражаться с ними. Однако половцы не выдержали вражеского натиска и побежали, потоптав станы русских князей, не успевших выстроить свои полки. Те пытались сопротивляться, но все было бесполезно. Мстислав Киевский, стоя на горе над Калкой, видя это несчастье, не сдвинулся с места, а устроил укрепление и бился из него три дня.

Ипатьевская летопись гораздо подробнее и содержит непосредственные впечатления участника боя: русские полки дошли до реки Калки, где их встретила татарская разведка. Во время столкновения передовых отрядов был убит Иван Дмитриевич и еще двое воевод. Успех был на стороне русских, и монголо-татары отошли к другой реке Калке.

Мстислав Галицкий, решив развить успех, велел перейти Калку Даниилу Волынскому и другим отрядам, а затем сам перешел реку, двигаясь в сторожевом отряде. Когда на горизонте показались основные силы монголо-татар, галицкий князь срочно вернулся в лагерь и приказал вооружаться. Тем временем два других Мстислава — Киевский и Черниговский — даже не подозревали о происходящем, ибо Мстислав Галицкий даже не сообщил о своих действиях, поскольку между князьями была ссора.

Разгорелся ожесточенный бой. Даниил, а вместе с ним Семен Олюевич и Василько Гаврилович храбро сражались с

врагами. Василько был ранен, Даниил также получил рану в грудь, но не заметил ее в горячке боя. Вместе с полком Олега Курского противника удалось даже потеснить. Но подходили все новые и новые отряды монголо-татар, и под напором вражеских лучников, осыпавших русские полки тучами стрел, Даниил вынужден был обратиться в бегство.

Как видим, здесь ничего не говорится об отступлении половцев, смявших русские полки, и о действиях Мстислава Киевского, а сами процитированные летописные известия явно не дают полной картины событий.

Мало добавляют деталей источники с противоположной стороны. Ибн аль-Асир кратко сообщает: «Татары не переставали отступать, а те [русские и кипчаки] гнались по следам их 12 дней [но] потом Татары обратились на Русских и Кипчаков, которые заметили их только тогда, когда они уже наткнулись на них; [для последних это было] совершенно неожиданно, потому что они считали себя безопасными от Татар, будучи уверены в своем превосходстве над ними. Не успели они собраться к бою, как на них напали Татары со значительно превосходящими силами. Обе стороны бились с неслыханным упорством, и бой между ними длился несколько дней. Наконец Татары одолели и одержали победу».

Такая же степень подробности у Рашид ад-Дина: «Кипчаки и урусы, полагая, что они [монголы] отступали в страхе, преследовали монголов на расстоянии двенадцати дней пути. Внезапно монгольское войско обернулось назад и ударило по ним и прежде, чем они собрались вместе, успело перебить [множество] народу. Они сражались в течение одной недели, в конце концов кипчаки и урусы обратились в бегство»³⁰³.

Новгородская первая и Ипатьевская летописи рассказывают о последующем бегстве русских князей с различной степенью подробности. Новгородский летописец сообщает, что Мстислав Киевский, укрепившись на «каменистом месте» над рекой Калкой, три дня отбивал атаки противника. При этом основной удар монголо-татар был сосредоточен на преследовании бегущих, а около лагеря киевского князя они оставили двух воевод: Чегирхана и Тешухана. Мстислав Киевский со своим зятем Андреем и князем Александром Дубровецким, понимая безвыходность положения, решили вступить в переговоры посредством воеводы бродников Плоскини. Но тот, по-

клявшийся на кресте, что князей отпустят, обманул их и предал в руки монголо-татарам. Те, захватив лагерь, воинов убили, а пленных князей задавили, положив их под доски, на которых сели обедать. Во время отступления было убито шесть князей. Что касается Мстислава Галицкого, первым из бегущих добравшись до Днепра, где стояли ладьи, он велел уничтожить переправу из них. Самому ему удалось добраться до Галича, а из прочих воинов домой вернулся только каждый десятый.

Ипатьевская летопись о всех этих перипетиях умалчивает, сообщая лишь о том, что монголо-татары добрались до Новгорода-Святополча, где местные жители вышли им навстречу и были убиты.

Общим местом сочинений историков, посвященных битве на Калке, стали упреки Мстиславу Киевскому. По словам М.С. Грушевского, Мстислав «не отличался ни выдающимися талантами, ни энергией, по крайней мере ни в чем особенном не обнаружил их, но пользовался доброй славой: суздальский летописец называет его „старым добрым князем“»³⁰⁴. Нередки упреки и в том, что он не принял участия в битве. В этом плане характерна цитата Л.В. Черепнина: «Мстислав галицкий и Даниил волынский двинули свои рати в бой, а Мстислав киевский к ним не присоединился и отсиживался со своим войском в укрепленном лагере на горе над Калкой. Это не только губительно повлияло на общее дело, но и трагически окончилось для него самого»³⁰⁵.

Но данный взгляд является ошибочным. Основную часть сил киевского князя составляла пехота, в обязанности которой входило обеспечение воинов провизией (напомним, что военные действия разворачивались в незаселенной местности), вследствие чего ее необходимо было везти с собой на возах. Именно поэтому Мстислав, увидев разгром союзников, быстро окружил возвышенность, на которой стоял его лагерь, рядами возов и телег, из-за которых удобно было вести бой. Монголо-татары не рискнули с налета ворваться в лагерь.

Было ли положение Мстислава Киевского безвыходным? Выше уже неоднократно отмечалось, что монголо-татарское войско было в основном конным, тогда как у киевского князя значительную долю воинов составляла пехота.

Разумеется, во время отступления вражеской коннице не представляло особого труда нарушить движение русских пе-

хотных колонн. Впрочем, и пехота могла успешно противостоять коннице, построившись в каре (от *фр.* *carre* — квадрат). При приближении вражеской кавалерии ратники по команде выстраивались в каре, образуя пустотелый прямоугольник. В центре для восполнения потерь и подкрепления на ослабевшем участке располагался командир с резервным отрядом.

Поскольку в полевых сражениях того времени огнестрельное оружие еще не использовалось, пехота применяла оружие ближнего боя. С началом атаки кавалерии пехотинцы уходили под защиту длинных пик. Тем самым они были защищены со всех сторон, при этом сохраняя относительную подвижность. Подобный тип построения войск использовался еще в Древнем Риме.

Прорвать строй каре конники могли лишь в редких случаях при очень благоприятном стечении обстоятельств, например когда пехота дрогнула при атаке на угол каре. При этом если в строй каре удавалось ворваться значительной группе всадников, это пехотное построение было практически всегда обречено. Крайним средством для пехоты являлась возможность лечь на землю и пропустить атаку над собой. Лошадь невозможно без особых усилий заставить наступить на человека. Еще сложнее достать с коня саблей лежащего на земле пехотинца. Примеры успешных подобных отступлений известны в военной истории, но все они были рассчитаны на относительно короткие расстояния. В нашем случае дорога до безопасных мест насчитывала несколько дней.

Поэтому Мстислав Киевский выбрал путь переговоров. Посредником выступил воевода бродников Плоскиня. Относительно того, кем являлись бродники, у исследователей нет единства. По мнению С.А. Плетневой, бродники представляли группу людей, живших на пограничье русских земель, которых условия хозяйствования выбрасывали в степь, в результате чего они перешли на полукочевой образ жизни³⁰⁶. На взгляд Л.Н. Гумилева и его последователей, бродники были народом русско-хазарского происхождения, наследниками древних хазар, которые с XVI в. стали называться тюркским словом «казаки»³⁰⁷. Действительно, В.И. Даль в своем словаре определяет слово *казак* как происходящее «вероятно, от среднеазиатского *казмак* — скитаться, бродить». На основании этого Ф.Ф. Мухаметов предположил, что бродники

являлись предшественниками донских казаков³⁰⁸. Поскольку, согласно летописи, воевода бродников Пლოსкия целовал крест во время клятвы, исследователи признают бродников христианами. Также полагают, что Пლოსкия — восточно-славянское мужское имя³⁰⁹. Особняком стоит точка зрения украинского историка О.Б. Бубенка, что бродники были ясами (предками современных осетин), а сам этот термин является переводом самоназвания восточноевропейских аланов — *f.rd-as*, то есть «буртас», что в первоначальном значении означало «ясы, обслуживающие переправы»³¹⁰.

Но возможно и иное объяснение того, кем являлись бродники. Спустя полтора столетия после событий на Калке московский великий князь Дмитрий Донской выступил в поход против ордынского темника Мамаю, взяв с собою десять гостей-сурожан³¹¹. Это были купцы, занимавшиеся торговлей с городом Сурожем (ныне Судак) в Крыму.

До второй половины XII в. основной торговый обмен Западной Европы со странами Востока сосредотачивался в портах Сирии и Палестины, где еще с конца XI в. утвердились крестоносцы. Но в середине XII в. начинается наступление мусульман на владения крестоносцев. После падения Эдессы в 1144 г. и особенно Иерусалима в 1187 г. торговые пути переместились на Черное море. Из Западной Европы через Венецию и Геную купцы по Средиземному морю шли в Константинополь и далее к устью Дона. Отсюда начинался сухопутный путь в Китай через Среднюю Азию. Дорога была настолько наезженной, что в сочинении флорентийца Пеголотти, относящемся к первой половине XIV в., даже указывались путевые издержки: требовалось 300—350 золотых флоринов, чтобы добраться до Пекина.

Главным транзитным пунктом на этом пути в XIII в. становится Сурож, превратившийся в перекресток торговых дорог между Европой, Востоком и Русью. Его возвышению способствовали географические условия. Азовское море является настолько мелким, что еще со времен Античности именовалось Меотийским болотом. Поэтому большие морские суда вынуждены были переваливать свои грузы в Крыму.

С давних времен Сурож был связан с Русью. В составленной в первой половине XV в. русской редакции «Жития Стефана Сурожского» имеется предание о нападении на Сурож

в IX в. русов под предводительством новгородского князя Бравлина, принявшего здесь крещение под впечатлением чудес, исходивших от гробницы этого местного святого. Заметное место в русском былинном эпосе занимает богатырь Чурила Пленкович, сын Пленка Сорожанина (сурожанина), дарящий князю Владимиру из своих подвалов «золоту казну, сорок сороков черных соболей, другую сорок печерских лисиц, камку белохрущету (шелковую ткань. — *Авт.*)». В данном случае привлекает внимание точное описание перечня товаров сурожан. Главным предметом их торговли являлись шелковые ткани. Как память об этом в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля остались выражения «суровской (сурожской) товар», «суровской (сурожской) ряд»³¹². Еще одним былинным богатырем, выходцем из Сурожа, был «Суровец-богатырь Суздалец, Богатова гостя, заморенин, сын». Уже в XI—XIII вв. в портовой части Сурожа сформировался русский квартал, следы которого обнаруживаются при раскопках³¹³.

Фламандский путешественник Гильом де Рубрук, проезжавший через город в мае 1253 г., описывая Сурож, замечал, что «...туда пристают все купцы, как едущие из Турции (он имел в виду Иконийский султанат. — *Авт.*) и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из Руси и северных стран и желающие переправиться в Турцию». Он же называет и важнейшие предметы здешней торговли: «Одни привозят горностаев, белок и другие драгоценные меха; другие привозят ткани из хлопчатой бумаги, бумазено (*gambasio*), шелковые материи и душистые корни»³¹⁴.

Неудивительно, что, будучи людьми опытными, повидавшими мир, знавшими языки, сурожане прекрасно были осведомлены о дорогах не только в Северном Причерноморье, но и по всей Восточной Европе. Именно поэтому Дмитрий Донской взял сурожан в поход на Куликово поле, причем не только как проводников, прекрасно знающих степные дороги, но и как информаторов, переводчиков (свою роль сыграло их знание татарского или, как тогда говорили, «половецкого» языка) и дипломатов — на случай переговоров: «Поют же тогда князь велики с собою десять мужей сурожан гостей видения ради: аще что бог случит, имут поведати в далних землях, яко сходницы суть з земли на землю и знаеми всеми —

и в ордах, и в фрязах. И другая вещь: аще что прилучится, да сии сътворяют по обычаю их»³¹⁵.

В.Н. Татищев приводит более полный текст второй части вышеприведенной цитаты: «и другая вещь: аще прилучится недостаток в коей потребе, и си куплю сотворяют по обычаю их»³¹⁶.

Отсюда выясняется, что сурожане были ответственны за снабжение войск. Это отмечал еще военный историк Д.Ф. Масловский (1848—1894): «Свидетельство, что 10 купцов имели также обязанностью способствовать продовольствию войск, весьма существенно, как указывающее на некоторого рода компанию, которая заведывала подвозом продовольствия или покупкою его на месте»³¹⁷.

Кем были сурожане по этническому происхождению? В литературе высказывалась мысль, что они являлись в основном греками и итальянцами, которые, желая приблизиться к русскому рынку, перебрались на постоянное жительство в Москву и впоследствии обрусели. Делалось также предположение, что сурожанами называли русских купцов, постоянно проживавших в Сураже³¹⁸.

Однако в Сураже обитали не только греки и итальянцы и бывали русские купцы. Из заметок на полях упоминавшегося нами синаксаря известно, что в середине XIII в. численность населения города достигала 8300 человек. Российский византист академик В.Г. Васильевский (1838—1899) полагал, что под этой цифрой нужно разуметь численность только взрослого мужского населения. Этнический состав Суража был пестрым, здесь жили и другие народы. Это подтверждает свидетельство арабского писателя Ибн Саида, скончавшегося в 1274 г., который писал: «Население Судака представляет смесь всех народов и всех вер, но христианство есть господствующая религия»³¹⁹.

Имеющиеся источники позволяют сделать выводы об этническом составе населения Суража в середине XIII столетия. Согласно синаксарю, в Сураже проживали и татары, некоторые из которых приняли христианство. В заметке под 1275 г. сообщается о кончине «рабы божьей Параскевы, татарки». В заметке под 1276 г. говорится о смерти «Иоанна христианина, татарина»³²⁰.

Думается, что монголо-татары не случайно захватили Сурож в начале 1223 г. Им были нужны люди, знавшие здешние

дороги и местные языки. Очевидно, именно таковым был Пლოსкия, волею судьбы оказавшийся в 1223 г. вместе с монголо-татарами на Калке.

Когда произошла гибель Мстислава Киевского? Учитывая, что битва происходила вечером 30 мая, а киевский князь оборонялся три дня, можно полагать, что сдача его лагеря произошла 2 июня 1223 г.

В последнее время появилась другая версия гибели Мстислава Киевского. Связано это было с введением Р.П. Храпачевским в научный оборот китайской хроники «Юань ши». В ней в жизнеописании Субедея после известия о разгроме половцев сообщается: «Также [монголы] дошли до реки Калки (*А-ли-цзи хэ*), встретились и имели одно сражение со старшим и младшим Мстиславами (*Ми-чи-сы-лао*), относящихся к русским. Пленили их. Усмирили народ асов и вернулись». По мнению публикатора, «А-ли-цзи хэ» — это «река Алки», то есть Калка. Что касается *Ми-чи-сы-лао*, это Мстиславы — киевский Мстислав Романович и черниговский Мстислав³²¹.

В составе «Юань ши» также сохранилось жизнеописание Исмаила, ставшего впоследствии известным военачальником. Он участвовал в рейде Джебе через Кавказ, и ему было поручено ответственное дело — доставка высокопоставленных военнопленных: «[Монголы] напали на русских в Железных горах (*Те-эр-шань*), покорили их, захватили владетеля их государства Мстислава (*Ми-чжи-сы-ла*). Чжэбэ приказал Исмаилу представить его перед царевичем Джучи, и [потом] его казнили». В своих комментариях публикатор отмечает: «*Те-эр-шань*, буквально „Железные горы“. Видимо, имеется в виду Кавказ. Почему он связан с битвой на Калке, не ясно, возможно, в тексте первоисточника, которым пользовались сводчики „Юань ши“, был пропуск — так, в описании Субедея этой битве предшествует описание прохода через Кавказ, отсутствующее в данной цзюани»³²².

Чуть позже данную версию развил Д.Г. Хрусталеv, по мнению которого «то, что семейное предание потомков Субедея верно сохранило как название реки, так и имена противников, должно говорить о его высокой достоверности». Из жизнеописания Исмаила выясняется, что «Джучи не только знал о передвижениях Джебе и Субедея, но и выступал их руководителем, которому они отсылали „отчеты“ о своих действиях. ...Из по-

казаний Джувейни нам известно, что после прохода через Кавказ они соединились с Джучи, который „находился в Дешт-и-Кипчак и в тех краях“ и вернулись домой». Далее следует вывод, «что ставка Чингизида [Джучи] находилась не так далеко от Приазовских степей. Исмаил отвез пленного Мстислава к Джучи и вернулся»³²³.

Но насколько правдоподобна данная версия о гибели Мстислава Киевского в ставке Джучи? Не отрицая достоверности предания потомков Субедея о сражении «со старшим и младшим Мстиславами», следует усомниться в том, что здесь речь идет именно о киевском и черниговском князьях. Как уже говорилось выше, русские летописи именуют их (вместе с Мстиславом Галицким) «старейшими в Русской земле», а далее перечисляют «младых князей». Тем самым видим, что киевский и черниговский князья по своему статусу были равны между собой.

Объяснить появление в предании потомков Субедея «старшего и младшего» Мстиславов можно тем, что главный удар Субедея пришелся на черниговскую рать, а «Повесть о битве на Калке» сообщает о гибели «Мьстислава Черниговского съ сыномъ», нигде не называя последнего по имени. Видимо, именно о них и говорится в хронике «Юань ши».

Решающим же доводом в пользу того, что Мстислав Киевский принял мучительную смерть именно в сражении на Калке, является тот факт, что в отечественной истории известны случаи гибели великих князей в ставках монголо-татарских ханов. Но при этом новый князь возводился на княжеский стол только после получения достоверных сведений о кончине своего предшественника, поскольку была вероятность того, что он вернется обратно после получения выкупа и т. п.

Между тем новым киевским князем уже 16 июня был провозглашен Владимир Рюрикович. С момента гибели Мстислава Киевского к этому моменту прошел слишком малый срок, чтобы допустить возможность его пленения, доставки в ставку Джучи и получения информации об этом в Киеве.

Исследователи «Повести о битве на Калке» долгое время не могли разъяснить поступок жителей Новгорода-Святополча, которые, согласно Ипатьевской летописи, вышли с крестами навстречу монголо-татарам и были ими все перебиты. Он объясняется весьма просто. Вести о потрясениях, вызван-

ных вторжением монголо-татар в Среднюю Азию и тяжелом положении здешних мусульман, скоро достигли крестоносцев и пробудили большие надежды. В их умах монголо-татары ассоциировались с мифическим народом пресвитера Иоанна или его сына Давида и, таким образом, воспринимались как христиане, потенциальные союзники участников крестовых походов. Так, в 1221 г. участникам Пятого крестового похода, собравшимся вокруг Дамииетты в Египте, публично проповедовали, «что Давид, король двух Индий, торопится на помощь христианам, ведя с собой свирепейшие народы, которые подобно диким зверям будут пожирать безбожных сарацинов»³²⁴. Эти слухи быстро распространились по всему христианскому миру. Часть христиан стала видеть в монголо-татарах чуть ли не своих освободителей, выходя навстречу им. О том, что подобные поступки были характерны не только для Руси, свидетельствует армянский историк Киракос Гандзакеци. Говоря о монголо-татарах в своей стране, он писал: «И распространилась о них ложная молва, будто они — *маги* и христиане по вере, [будто] творят чудеса и пришли отомстить мусульманам за притеснение христиан; говорили, будто есть у них церковь походная и крест чудотворный; и, принеся меру ячменя, они бросают ее перед крестом, [затем] оттуда все войско берет [корм] для лошадей своих, и [ячмень] не убавляется; а когда все кончают брать, там остается ровно столько же. Точно так же и с продовольствием для людей. И эта ложная молва заполнила страну. Поэтому население страны не стало укрепляться, а какой-то светский иерей, собрав прихожан своих, с крестами и хоругвями даже вышел навстречу им. И они предали их мечу — всех перебили»³²⁵.

Говоря об изложении событий, связанных с битвой на Калке, в древнейших сохранившихся русских летописях, нельзя не отметить отрывочность их известий. Лаврентьевская летопись вообще ничего не говорит о сражении, Новгородская первая летопись кратко сообщает лишь основной его ход, а Ипатьевская летопись, хотя и дает описание отдельных эпизодов боя, умалчивает сюжеты, которые могли бы хоть как-то задеть личность Мстислава Галицкого.

Однако в нашем распоряжении имеется подробное и детальное описание битвы В.Н. Татищевым: «Потом шли князи за ними [монголо-татарами] чрез степи и в осьмый день

пришли к реке Калке. Тут нашли великую стражу татарскую, с которыми передовые русские учинили бой, где убили воеводу Ивана Дмитриевича и других двух. Но татар, не долго бився, пошли прочь, а князь великий, перешед реку оную, стал. Мстислав же Мстиславич со своим передовым полком пошел за татары и, послав разъезд Яруна с половцы, сам шел помалу. Оные вскоре, увидя великое множество татар, возвратясь, сказали, что татары идут за ними недалеко. Мстислав, хотя ему советовали отступить к полкам великаго князя, но он, надеясь на свою храбрость, а паче несогласия ради с великим князем, не дав ему знать о приближении татар, устроил полки своя, а татары шли за передовыми рускими к полкам прямо. Мстислав, видя такое великое множество покрывших все поля татар, которых око не могло обозреть, познал свою погрешность, но отступить уже было невозможно, послал к великому князю с ведомостью, чтоб шел со всем войском. Великий князь вельми тем оскорбился, что Мстислав без воли его и согласия так далеко ушел, и прислал сказать, как уже видел, что ему отступить, ни помочи подать не успеть, однако ж, как скоро мог, полки устроил. Но молодые князи, не спросясь старших, с малыми их людьми туда побежали. Мстислав Мстиславич, увидя татар уже около заходящих, устроился сколько мог. И начали татары сильно наступать. Тогда Данил Романович владимирский, князь Семен Ольгович и князь Василий Гаврилович крепко бились. Сперва смяли татары и погналы, ибо князи половецкие со всем их войском подоспели и многих татар, побивая, гнали. Тут князя Василька Гавриловича прокололи копием, Данила Романовича в грудь копьем прокололи. Он же хотя и млад был, 18-ти лет, но мужествен вельми, презрев свою рану, бился есче крепко. И тако побил татар множество. Мстислав Ярославич луцкий, Немый называемый, видя Данила кровава, котораго он крепко любил и ему по себе наследие дать хотел, возопил своим, чтоб отмстили кровь юноши сего и, жестоко на татары наступая, бился. Також Олег, князь курский, князь половецкий Ярун и другие половцы так жестоко на татары наступали, что уже чаяли вскоре всех татар победить. Сие так долго было, как татары ни с коего боку заехать русских не могли. Но как половцы миновали болота, не осмотрясь в запальчивости, идучи за татары, тогда тотчас татары великим

множеством половцов объехав, сбили. И половцы пришли на полки великого князя, оные так смяли, что князь великий не успел в порядок привести, а татара сильно на него и протчих князей наступили. И был бой пружестокий, с обе стороны храбро надолге бились. Князь Мстислав Мстиславич, поворотясь, отступал, бияся с татараы. И, видя полки великого князя, не мог к оным присовокупиться и сожалел о своем упрямстве, да позд[н]о. Князь великий, видя татар великое множество и своих изнеможение, стал отступать к реке Калку, токмо татара весьма препятствовали и уже многих побили. Тогда князь великий, с ним князь Андрей, зять его, князь Александр дубровицкой, видя зло то, стали на реке Калке. И как место оное было каменисто, тотчас чрез ночь ту сделали городок из камня и леса, в которой бегусчих людей собрали несколько тысяч, а протчия побежали. Татара поставили около онаго дву воевод, Черкана и Тешкана, которые, оступя городок, в осаде содержали, а протчие до трех дней гнались за рускими князи к Днепру. Князь великий бился из городка три дни и, видя свое изнеможение, послал к татарским князем для договора и особливо бывшим с татараы бродницам, у которых был воевода Пლოსкия. Оный окаянный дал великому князю роту с крепким обнадеживанием, что никого не убьют, но всех на окуп отпустят. Оному поверя, князь великий отдался. Он же окаянный, привел их пред князей татарских, советовал им всех побить и никого жива не пустить. Татара, взяв крепость ту, людей русских всех побили, а князей поклали на землю и, покрыв их досками, сами сели на них обедать. И так их всех подавили и ни единого из взятых тут не оставили. Гнавшие же за рускими до Днепра многих побили, но много и своих потеряли, ибо бегусчие русские где могли, в лесах и тростниках западая, многих татар, малыми собрании гнавших, нападая побивали и сами спаслись, особливо где князи или воеводы храбрые были»³²⁶.

В данной книге неоднократно обращалось внимание на сведения, приводимые В.Н. Татищевым, которые оказывались точнее и подробнее информации, содержащейся в известных нам летописях. Данный факт был замечен исследователями достаточно давно, в результате чего возникло мнение, что историк использовал летописи, не сохранившиеся до нашего времени. Но попытки найти хотя бы их следы закончились безрезультатно.

Осторожно можно предположить, что в распоряжении историка имелась не дошедшая до нас редакция Никоновской летописи, гораздо более полная по сравнению с известным нам текстом. Однако вопрос соотношения текстов В.Н. Татищева и Никоновской летописи требует специального исследования.

Для нас гораздо важнее другой факт. Ранее нами было выяснено, что находящийся в составе Ипатьевского свода «Летописец Даниила Галицкого» возник много позже событий на Калке и первоначально создавался как биография князя и только позднее, при присоединении к основному тексту Ипатьевской летописи, получил разбивку на годовые статьи. Естественно, что в ходе этой работы не могли не возникнуть ошибки. Так, в рассказе о приходе «галицких выгонцев» первое упоминание Днепра вместо Днестра является опiskeй.

Но если на эту ошибку обратили внимание все исследователи, то другие остались незамеченными. Ипатьевская летопись конечным пунктом преследования русских монголо-татарами называет Новгород-Святополч. Считается, что Святополч или Новгород-Святополч был основан в 1095 г. князем Святополком Изяславичем (1093—1113) на Витичевском холме на правом берегу Днепра в 56 верстах южнее Киева и отождествляется с городищем около села Витахов³²⁷. Исходя из того, что Новгород-Святополч находится на правом берегу Днепра, а Ипатьевская летопись добавляет уточнение, что его жители вышли навстречу монголо-татарам из города с крестами, но были уничтожены, украинский историк А.Б. Головкин утверждает, что монголо-татары форсировали Днепр и, подойдя совсем близко к Киеву, планировали даже захватить столицу Древней Руси³²⁸.

Однако тем самым они ставили свои войска под удар с тыла со стороны подошедшего к Чернигову Василька Ростовского. К тому же такая серьезная водная преграда, как Днепр, резко ограничивала бы коммуникации монголо-татар. Неудивительно, что В.Г. Ляскоронский сомневался, что они могли так близко подойти к Киеву, и предлагал видеть в Новгороде-Святополче «один из тех городков, которые были воздвигаемы Русью на степном пограничьи»³²⁹.

Между тем Никоновская летопись, а также В.Н. Татищев вместо Новгорода-Святополча называют Новгород-Северский, лежащий на Левобережной Украине. Именно он явил-

ся крайним пунктом, до которого дошли монголо-татары. Опасаясь подхода сил Василька Ростовского, они решили покинуть русскую территорию, направившись на восток, в район Волго-Уральского междуречья.

Вслед за Никоновской летописью В.Н. Татищев называет князьями Василька Гавриловича и Семена Ольевича (последнего он называет Семеном Ольговичем), так же как и половецкого князя Яруна, тогда как Новгородская первая и Ипатьевская летописи упоминают их без княжеских титулов.

Что касается Яруна, то ряд исследователей признают его половецким князем, с чем не согласен А.А. Астайкин, именующий его русским. Благодаря тому что его имя несколько раз встречается в летописи, можно составить представление о его служебной карьере, связанной с Мстиславом Галицким. Впервые он упоминается Ипатьевской летописью под 6721 (1213) г. как тысяцкий в Перемышле. В феврале 1215 г. он руководил обороной Ржевы Володимировой на верхней Волге, затем отличился в стычке со сторожевым отрядом Ярослава Всеволодовича под Тверью, участвовал в Липицкой битве. Указанные факты говорят о доверии к нему Мстислава Галицкого. В качестве версии можно выдвинуть предположение, что он появился на службе у него в результате брака с дочерью половецкого хана Котяна, когда сопровождал ее к супругу и остался вместе с ней³³⁰.

Что касается Семена Ольевича (или Ольговича) и Василько Гавриловича, то они, видимо, принадлежали к числу молодых князей.

Часть показаний В.Н. Татищева подтверждается другими источниками. Это, в частности, касается упоминания им болот на месте битвы. Конечно, настоящих низменных или верховых болот, столь характерных для Русского Севера, на территории Донбасса нет. Но есть много заболоченных участков в долинах местных рек, когда-то широко распространенных, но со временем исчезнувших. Примером подобных болот, сохранившихся до сих пор в почти нетронутом состоянии, является орнитологический заказник «Болото Мартыненково» в Краснолиманском районе, в пойме левого берега Северского Донца.

Описание В.Н. Татищевым бегства русских воинов совпадает с показаниями Яна Длугоша: «Бежавшим угрожала другая — не менее страшная опасность — со стороны союзных

половцев, через земли которых они устремляли свое бегство; не щадя ни возраста, ни положения, половецкие селяне убивали русских: всадников — ради коней, пеших — ради одежды». Мстислав Галицкий, переплыв Днепр первым, приказал жечь и рубить лады, чтобы не дать монголам возможность догнать его. Ян Длугош сообщает о печальной участи русских воинов, все-таки добравшихся ценой невероятных усилий до Днепра: «Когда же все остальное множество русских, спасаясь бегством, прибыло к кораблям и обнаружило, что они разбиты, они, охваченные горем, что не смогут переплыть волн, ослабленные голодом, погибли там за исключением князей и некоторых их воинов, которые переправились через реки на лодках».

Выше мы приводили данные В.Н. Татищева о числе русских воинов. Эти сведения с разбивкой по отдельным полкам были взяты им, очевидно, из описания военного смотра. Подобная практика была широко распространена. Судя по различным редакциям «Сказания о Мамаевом побоище», Дмитрий Донской в походе на Куликово поле из-за постоянного подхода подкреплений провел три подобных смотра с подсчетом числа воинов: в Коломне, при переправе через Оку, незадолго до битвы. В.Н. Татищев сообщает о 42 500 воинах под началом Мстислава Киевского. Эти цифры очень близки к показаниям Генриха Латвийского, что в непосредственном распоряжении великого князя имелось 40 тысяч человек.

Отдельно следует затронуть вопрос о величине потерь. Новгородская первая летопись говорит общо: «погибе много бещисла люди», но при этом уточняет, что вернулся лишь каждый десятый воин. Лаврентьевская летопись, а вслед за ней Троицкая и Воскресенская передают слухи о потерях в ней: «глаголю бо тако яко Кыянь одинѣх изгыбло на полку том 10 тысячъ». Ипатьевская летопись обходит число погибших молчанием. Издатели Типографской летописи резко уменьшили число потерь киевлян, исправив стоящую в рукописи л , означающую 30 000, на а , соответствующую 1000. Степенная книга указывает две цифры: 1) «Глаголаху же, яко единѣхъ князеи погибе тогда 1000, кроме Мстислава Галичскаго, и Михаила Черниговскаго, и Владимира Рюриковича Киевскаго, сии князи токмо убѣжаша» и 2) «Всего же русьскаго воинства токмо десятая часть придоша въ свояси».

Никоновская летопись увеличивает число потерь в шесть раз: «Глаголаху же сице, яко единехъ Кіанъ избито тогда шестьдесятъ тысящъ, о инѣхъ же невозможно и глаголати, сколко их избито, точію единъ Богъ вѣсть число безчисленное».

Исследователи запутались в спорах, пытаясь свести указанные цифры к общему знаменателю. Между тем разница между ними объясняется тем, что отдельно были указаны потери киевлян непосредственно в сражении (10 тысяч) и во время бегства (30 тысяч). Что касается цифры в 1 тысячу, то ее следует отнести к хорошо известной древнерусской традиции, когда тела погибших наиболее знатных и видных воинов укладывались в гробы и хоронились по месту их проживания. Прочих же ратников погребали непосредственно на поле сражения. Сведения Никоновской летописи (60 тысяч), видимо, дают общий подсчет русских потерь. Они близки к оценке числа погибших В.Н. Татищевым (до 70 тысяч)³³¹.

Обратившись к нашему календарю, видим, что источник, использованный В.Н. Татищевым, не ошибался, когда говорил, что «сия так тяжкая и неслыханная на Рускую землю победа случилась... в день пятнишный»³³². Нами было установлено, что битва на Калке проходила (как и указывает Лаврентьевская летопись) во вторник 30 мая 1223 г. Мстислав Киевский продолжал сопротивление еще три дня вплоть до 2 июня, когда пал его лагерь. Эта дата выпала на пятницу. Ошибкой исследователей, включая самого В.Н. Татищева, стало то, что они попытались привязать этот день недели либо к 31 мая 1224 г., либо к 16 июня 1223 г.

Одновременная гибель Мстислава Киевского и Мстислава Черниговского поставила перед киевлянами вопрос о том, кто будет следующим киевским великим князем, на которого будет возложена задача обороны города в случае возможной атаки монголо-татар. Выбор был не особо большим — вряд ли киевляне рассматривали фигуру бежавшего впереди всех Мстислава Галицкого. Решено было остановиться на Владимире Рюриковиче Смоленском.

Подробности сообщает только В.Н. Татищев: «Владимир Рюрикович смоленский по разбитии полков их ночью отлучился от Мстислава и, собрав бегущих своих и других князей войск до 5000, отшел к Донцу. На котораго гнавшие татара неоднова нападение чинили, но он мужественно их 2 раза по-

бедил, много коней и ружья отнял, и был паче безопасен, и коней и писчу войску довольно имел, даже дошел во область Черниговскую и шел к Смоленску, не ведая о великом князе Мстиславе Романовиче. Но киевляне, уздав о убиении великаго князя, тотчас на вече избрали по старейшинству Владимира Рюриковича и послали за ним наскоро. Котораго, догнав у Стародуба, прилежно просили, чтоб неумедля пришел в Киев и принял престол отца своего и оборонил землю Рускую от поганых. Он же хотя тяжко ранен был, но, не преслушав моления их, возвратился в Киев и прибыл иулиа 8-го дня, где принят был с радостию и плачем великим всего народа»³³³.

Исходя из данного сообщения В.Н. Татищева можно предположить, что 16 июня, по прибытии в Киев остатков войск и получении известий о гибели Мстислава Киевского, киевским вече было принято формальное решение о провозглашении Владимира Рюриковича великим князем, а сам он прибыл в Киев только 8 июля 1223 г. В качестве аналогии укажем на события 1613 г., когда Земский собор избрал царем Михаила Федоровича 21 февраля, а сам он торжественно был встречен в Москве только 2 мая.

Гибель русских воинов на берегах Калки была не напрасной. Монголо-татарам был нанесен значительный урон. По словам В.Н. Татищева, «татара хотя так великое войско руское победили, но своих весьма много потеряли. И сами сказывают, что их на оном бою более 100 000 побито»³³⁴. Они отправились в сторону Волжской Булгарии.

Одной из причин данного решения стали тяжелые потери монголо-татар в битве на Калке. Как указывал Р.П. Храпачевский, основываясь на китайской хронике «Юань ши», после появления монголо-татар на Северном Кавказе к ним примкнула часть кипчаков, живших между Волгой и Уралом. С ними они проделали весь путь до Калки и далее³³⁵. Именно сюда направился Субедей, чтобы восполнить людские потери.

Согласно Ибн аль-Асиру, «сделав с русскими то, что мы рассказали, и опустошив земли их, Татары вернулись оттуда и направились в Булгар в конце 620 года [хиджры: 4 февраля 1223 — 23 января 1224 г.]. Когда жители Булгара слышали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них [татар], встретились с ними и, заманив их до тех пор, пока они зашли за место засад, напали

на них с тыла, так что они [татары] остались в середине: поля их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их было до 4000 человек». Разумеется, здесь учтены только коренные монголо-татарские воины. Но если в начале похода исходя из номинальной численности туменов их было 20 000 воинов, легко посчитать, что потери монголо-татар составили 80%.

Казанский историк И.Л. Измайлов предположил, что сражение произошло у Золотаревского городища близ Пензы, где были обнаружены следы крупного столкновения в виде многочисленных предметов вооружения. Но Г.Н. Белорыбкин, активно изучавший этот памятник, связывал их с монголо-татарскими походами 1237 г. В пользу подобного вывода говорит то, что маршрут по правобережью Волги, который обычно рисуется на исторических картах при описании похода 1223 г., должен быть категорически исключен. Здесь монголо-татары встретили бы серьезный барьер на своем пути — Приволжскую возвышенность — ступенчатое плато, глубоко расчлененное густой речной сетью и поросшее лесами, которые и сегодня занимают около 80% территории Западного Поволжья.

На взгляд Ф.Т. Фарукшина, монголо-татары переправились через Волгу где-то в районе современного Волгограда и двинулись вдоль левого берега Волги в сторону Волжской Булгарии, где в районе Самарской луки располагался Муромский городок — крупная пограничная крепость, контролирующая Волжский путь. Здесь и разыгралось сражение, в результате которого монголо-татары вынуждены были окончательно повернуть назад и вернуться к Чингисхану³³⁶.

По словам калмыцкого историка Э. Хара-Давана, «в 1223 г. состоялся на берегах Сырдарьи созванный Чингисханом большой курултай. На этом собрании Чингисхан восседал на Мухаммадовом золотом троне, доставленном из Самарканда. На курултай прибыл и Субедей, возвратившийся из южнорусских степей со своим отрядом. Летописец рассказывает, что Чингисхан был так заинтересован его докладом о совершенном набеге, что выслушивал его ежедневно в течение нескольких часов, решив тогда же завещать своим наследникам задачу покорения Европы»³³⁷. Но к ее осуществлению монголо-татары смогли приступить только через 14 лет, уже после смерти Чингисхана. Во многом эта передышка стала следствием битвы на Калке.

Заключение

Результаты поражения на Калке были плачевны. Огромные людские потери подорвали мощь русских княжеств, и в первую очередь Киева. Кто был виноват в случившемся?

На взгляд В.Н. Татищева, причиной поражения стал конфликт между князьями. Согласно его описанию битвы, Мстислав Галицкий шел с передовыми ратями, когда показались главные силы монголо-татар. Несмотря на то что ему посоветовали отступить к полкам великого князя, он, надеясь на свою храбрость, а больше из несогласия с Мстиславом Киевским, не дав ему знать о приближении противника, решил дать бой самостоятельно. Но когда Мстислав увидел великое множество врагов, он направил гонца к великому князю, призывая его идти на помощь. «Великий князь вельми тем оскорбился, что Мстислав без воли его и согласия так далеко ушел», и прислал сказать, что на помощь прийти не успеет³³⁸.

По словам Н.М. Карамзина, одной из причин поражения в битве стало то, что Мстислав Галицкий возжелал «один воспользоваться честью победы» и напал на врага, не поставив в известность других князей. «Сие излишнее славолюбие Героя столь знаменитого погубило наше войско»³³⁹.

В.П. Бузескул (1858—1931), еще один биограф галицкого князя, выразился более образно: «На берегах Калки Мстислав потерял не только свою дружину, но и славу победителя, веру в себя и в свое счастье»³⁴⁰. Через пять лет, в 1228 г., по пути в Киев он скончался, перед смертью, по обычаю тех времен, постригшись в монахи и приняв схиму.

Но разгром русских ратей не прошел бесследно. Князьям стало понятно, что появился новый опасный противник, за

действиями которого необходимо внимательно следить. Не случайно во владимирском летописании появляются записи от 1229 г. о победе монголо-татар над саксинами и восточными половцами, жившими у реки Яика (современного Урала), от 1232 г. о их зимовке близ восточных границ Волжской Булгарии, наконец, о захвате в 1236 г. самого государства волжских болгар³⁴¹.

Сохранилось свидетельство венгерского монаха Юлиана, побывавшего в Северо-Восточной Руси в самый канун Батыева нашествия, о том, что русские князья внимательно следили за действиями монголо-татар. Он писал, что «князь суздальский [великий владимирский князь Юрий Всеволодович] передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днем и ночью совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего. Поэтому он (хан) отправил послов к королю венгерскому. Проезжая через землю Суздальскую, они были захвачены князем суздальским, а письмо, посланное королю венгерскому, он у них взял; самих послов даже я видел со спутниками, мне данными»³⁴².

Тяжелым положением Руси постарались воспользоваться ее соседи в Прибалтике. Если до сих пор русские князья противостояли здесь напору немецких рыцарей сообща, то после битвы на Калке смоленский и полоцкий князья вынуждены были подтвердить мир с Орденом меченосцев, тем самым выйдя из противостояния с ним. Свои позиции в этом регионе продолжали отстаивать только Новгород и князья Северо-Восточной Руси. Но они не могли только своими силами сохранять прежний статус-кво в Прибалтике в условиях все более расширяющейся европейской экспансии.

В конце 1223 г., урегулировав разногласия с датчанами и размежевав владения в Эстляндии, войска Ордена меченосцев внезапно осадили Юрьев, оборонявшийся князем Вячко. Город был взят, его защитники, в том числе двести русских воинов, перебиты. Оставленный в живых лишь один «вассал великого короля Суздальского» должен был известить русских о падении Юрьева. Новгородское войско, шедшее на выручку князю Вячко, узнав о захвате города, вынуждено было повернуть назад. Утрата позиций в Юрьеве была зафиксирована договором Пскова и Новгорода с Орденом 1224 г.³⁴³

Наши современники довольно часто вспоминают крылатую фразу выдающегося русского историка В.О. Ключевского (1841—1911), что история ничему не учит. Правда, при этом забывают привести ее в полном виде: «История не учительница, а надзирательница: она ничему не учит, но только наказывает за незнание уроков».

Следует помнить эти слова и сохранять память о событиях 800-летней давности. Многие в этом отношении было сделано на поле битвы. В 1990-х годах усилиями директора заповедника «Каменные могилы» В.А. Сиренко и других местных энтузиастов-краеведов, при поддержке районных организаций, были предприняты усилия по увековечению памяти о сражении на Калке. В 1999 г. здесь установили поклонный крест из темного камня, заменивший поставленный годом ранее деревянный крест. К 777-й годовщине битвы близ усадьбы заповедника появилась часовня в честь покровителя казачества Ильи Муромца, открытая 27 мая 2000 г. и построенная местными казаками из Союза казаков Юго-Восточной Украины «Войско Запорожское» и Союза казаков Донбасса «Вольность».

Ежегодно стали устраиваться торжества, посвященные битве на Калке, ставшие с годами местной традицией. В 2010 г. здесь возникает «Поле славянского мужества», призванное напомнить уроки давней трагедии на Калке, главный из которых заключается в том, что сила славян — в их духовном единстве и братстве, а гордыня и разобщенность всегда вели к поражению. Спустя два года, в мае 2012 г., состоялось торжественное открытие историко-культурного комплекса. Силами казаков рядом с поклонным крестом в память воинов-русичей была поставлена 9-метровая сторожевая деревянная башня-сруб, высажена березовая аллея памяти древнерусских князей. Выстроили площадку-помост для проведения фестивалей, а территорию обнесли валом. Архиепископ Запорожский и Мелитопольский Лука освятил каменный знак, надпись на котором гласит: «Витязям Руси Киевской, богатырям Земли Русской, дружине Алеши Поповича». На очереди были и другие планы. Предполагалось каждое лето проводить международный молодежный казацкий лагерь, где ежегодно тренировались бы украинские, российские и белорусские казаки. Инициаторы надеялись, что комплекс на Калке станет

одним из главных объектов не только Запорожского края, но и всей Украины, своего рода духовный центр, значимый для всего обширного русского мира.

В 2014 г. после государственного переворота в Киеве все мероприятия были запрещены украинскими властями. И только в 2022 г. впервые за восемь лет здесь вновь почтили память русских воинов, павших в битве на Калке. Это вызвало ответную реакцию в Киеве. В июле 2022 г. бывший министр инфраструктуры Украины Владимир Омелян заявил, что Украина воюет с Россией 800 лет, с той поры, как состоялась битва на Калке. «Параллели или повторы, — вещал киевский чиновник, — иногда они просто поражают, что в XXI столетии может повторяться то же самое, что происходило столетия или много столетий назад».

Битва на Калке стала прологом почти 300-летнего ордынского ига. Но волей судьбы именно в этих местах, на Калке, спустя полтора столетия потерпел окончательное поражение всесильный темник Мамай, бежавший сюда после Куликовской битвы в надежде собрать новое войско для похода на Русь. Действительно, история повторяется. И об этом не стоит забывать в Киеве.

Приложения

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О БИТВЕ НА КАЛКЕ

Полное собрание русских летописей. Т. III.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 61—63. (Синодальный список)

[С. 61] «В лѣто 6732 [...] Том же лѣтъ, по грѣхомъ нашимъ, придоша языци незнаеми, ихъ же добръ никто же не вѣсть, кто суть и отколе изидоша, и что за языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ; а зовуть я Татары, а инии глаголють Таурмены, а друзии Печенѣзи; инии же глаголють, яко се суть, о них же Мефодии, Патомьскыи епископъ, съвѣдѣтельствуетъ, яко си суть ишли ис пустыня Етриевьская, суще межи вѣстокомъ и сѣверомъ. Тако бо Мефодии глаголетъ, яко скончанию врѣмень явится тѣмъ, яже загна Гедеонъ, и поплѣнять всю землю от вѣстокъ до Ефранта и от Тигръ до Поньскаго моря, кроме Ефиопия. Богъ единъ [С. 62] вѣсть, кто суть и отколѣ изидоша; прѣмудрии мужи вѣдять я добръ, кто книги разумѣть; мы же ихъ не вѣмы, кто суть; нѣ сде вѣписахомъ о нихъ памяти ради рускыхъ князь и бѣды, яже бысть от нихъ имъ. Слышахомъ бо, яко многы страны поплѣниша, Ясы, Обезы, Касогы и Половьчъ безбожныхъ множество избиша, а инѣхъ загнаша, и тако измроша убиваеми гнѣвомъ божиемъ и пречистыя его матере; много бо зла створиша ти оканьнии Половчи Русьской земли, того ради всемилостивыи богъ хотя погубити безбожныхъ сыны Измаиловы Куманы, яко да отмѣстятъ крѣвь крестьянску, еже и бысть над ними безаконными. Проидоша бо ти Таурмени всю страну Куманьску и придоша близъ Руси, идеже зоветься валъ Половьчьскы. И прибегоша оканьнии Половчи, избьеныхъ избытъкъ, Котянь с ынѣми князи, а Даниль Кобяковиць и Гюрги убьена быста, с нимъ множество Половьчъ; съ же Котянь бѣтьсть Мьстиславу Галицьскому. И приде съ поклономъ съ князи

Половьцьскими къ зяти въ Галичь къ Мьстиславу и къ всемъ княземъ русьскимъ, и дары принесе многы: кони и вельблуды и буволы и дѣвки, и одариша князь русьскихъ, а рекуче тако: „нашу землю днесь отъяли, а ваша заутро възята будетъ“; и възмолися Котянь зяти своему. Мьстислав же поця молитися княземъ русьскимъ, братьи своеи, река тако: „оже мы, братье, симъ не поможемъ, ть си имуть придатися к нимъ, ть онѣмъ больши будетъ сила“. И тако думавъше много о собе, яшася по путь, и поклоне дѣля и молбы князь половьцьскихъ. И начаша вое пристраивати, кождо свою власть; и поидоша, съвъкупивъше землю всю Рускую противу Татаромъ, и быша на Днѣпрѣ на Зарубе. Тьгда же увѣдавше Татари, оже идуть русстии князи противу имъ, и прислаша послы, къ русьскимъ княземъ: „се слышимъ оже идете противу насъ, послушавше Половьць; а мы вашей земли не заяхомъ, ни городъ вашихъ, ни селъ вашихъ, ни на васъ приходомъ, нъ приходомъ богомъ пущени на холопы и на конюси свое на поганья Половче; а вы възмите с нами миръ; аже выбежать къ вамъ, а биите ихъ оттолѣ, а товары емлите к собе: занеже слышахомъ, яко и вамъ много зла створиша; того же дѣля и мы биемъ“. Того же русстии князи не послушаша, нъ послы избиша, а сами поидоша противу имъ; и не дошьдъше Ольшья, и сташа на Днѣпрѣ. И прислаша к нимъ второе послы Татари, рекуче так: „а есте послушали Половьць, а послы наша есте избили, а идете противу нас, ть вы поидите; а мы васъ не заяли, да всеѣмъ богъ“; и отпустиша прочь послы ихъ. Тьгда же [С. 63] Мьстислав перебродяся Днѣпръ, прѣиде в 1000 вои на сторожи татарьския, и победи я, а прокъ ихъ въбѣже съ воеводою своимъ Гемябѣгомъ въ курганъ Половьцьскый, и ту имъ не бы мочи, и погрѣбоша воеводу своего Гемябега жива въ земли, хотяще животь его ублюсти; и ту и налезоша, испросивъше Половци у Мьстислава, и убиша и. Слышавъше же то князи русстии, поидоша за Днѣпръ и поидоша вси въкупѣ, по нихъ же идоша 9 днии, и заидоша за Калакъ рѣку, и послаша въ сторожихъ Яруна с Половци, а сами станомъ сташа ту. Тьгда же Ярунъ съступиися с ними, хотя битися, и побегоша не успѣвъше ничтоже Половци назадъ, и потыпташа бежаще станы русьскихъ князь, не успѣша бо исполчитися противу имъ; и съмятошася вся, и бысть сѣця зла и люта. Мьстиславъ же, Кыевьскый князь, видя се зло, не движесе съ мѣста никамо же; сталь бо бѣ на горѣ надъ рѣкою надъ Калкомъ, бѣ бо мѣсто то камянисто, и ту угоши

городъ около себе въ колехъ, и бися с ними из города того по 3 дни. Ини же Татари поидоша по рускыхъ князихъ, бьуче до Днѣпря; а у города того оста 2 воеводѣ Цыгirkanъ и Тешюканъ на Мьстислава и на зяти его на Андрѣя и на Ольксандра Дубровьцьскаго: беста бо 2 князя съ Мьстиславом. Ту же и бродници съ Татари быша, и воевода Плоскына, и тѣ оканьнии воевода цѣловавъ крестъ честьнии къ Мьстиславу и къ обѣма князема, око ихъ не избити, нѣ пустити ихъ на искупъ, и сълга оканьнии: прѣда ихъ, извязавъ, Татаромъ; а городъ възяшь, и люди исѣкоша, и ту костью падоша; а князи имъше, издавиша, подъкладъше подъ дѣски, а сами вѣрху сѣдоша обѣдати, и тако животь ихъ концяша. А иныхъ князь до Днѣпрѣ гоняче, убиша 6: Святослава Яневьскаго, Изяслава Ингворовица, Святослава Шюмьскаго, Мьстислава Церниговьскаго съ сыномъ, Гюргя Невѣжьскаго. Тѣгда же Мьстислав Мьстисланицъ преже перебежъ Днѣпръ, отрѣя от берега лодье, да не идутъ Татари по нихъ, а самъ одва убежа; а прочии вои десятыи приде кождо въ свояси; а иныхъ Половци побиша ис коня, а иного ис порта. И тако за грѣхы наша богъ вѣложи недоумение въ нас, и погыбе много бещисла людии; и бысть вѣплъ и плачь и печаль по городомъ и по селомъ. Си же злоба сътворися мѣсяця мая въ 31, на святого Ерѣмья. Татари же възвратишася от рѣкы Днѣпря; и не съвѣдаемъ, откуда суть пришли и кдѣ ся дѣша опять: богъ вѣсть, отколе приде на нас за грѣхы наша».

Список второй половины XIII в.

Полное собрание русских летописей. Т. I.

Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 445—447*

[Стб. 445] «В лѣто 6731 [...] Того же лѣта. Явишася языци . ихже никтоже добръ ясно не вѣсть кто суть и отколѣ

* При изучении летописей чаще всего пользуются не оригиналом, а уже переложенным в печатный вариант древнерусским текстом с разбивкой предложений, слов по смыслу и установкой знаков препинания согласно современным правилам. В этом случае печатный вариант отличается от оригинала летописи. Поэтому наиболее ранние из сохранившихся — Лаврентьевскую и Ипатьевскую летописи — публикуют в соответствии с принятой тогда грамматикой, то есть без знаков препинания и разделительных промежутков между словами и предложениями. В некоторых случаях для выделения смыслового значения отдельного отрезка текста использовались точка или три точки, проставленные по центру между буквами.

изидоша . и что языкъ ихъ . и которого племени суть . и что вѣра ихъ . и зовуть я Татары . а инии глаголють Таумены . а друзии Печенѣзи . инии глаголють яко [Стб. 446] се суть о нихже Мефодии Патомьскыи епископъ свѣдѣтельствуетъ . яко си суть ишли ис пустыня Етриевьскыи суще межю востоком и сѣвером . тако бо Мефодии рече . яко къ скончанью времянь явится тѣмъ . яже загна Гедеонъ . и поплѣнять всю землю . от востока до Ефранта . и от Тигръ до Понетьскаго моря . кромѣ Ефиопыя . Бог же един вѣсть ихъ кто суть и отколѣ изидоша . премудрии мужи вѣдятъ я . добръ кто книги разумно умѣеть . мы же их не вѣмы кто суть . но сдѣ вписахом о них памати ради . Русскыи князии бѣды . яже бысть от них . и мы слышахом яко многы страны поплѣниша . Ясы . Обезы . Касоги . и Половецъ безбожныхъ множество избиша . а инѣхъ загнаша . и тако измроша оубиваеми гнѣвомъ Божьимъ . и пречистыя его Матере . много бо зла створиша ти оканнии Половци Руской земли . того ради всемилостивыи Бог хотя погубити . и наказати безбожныя сыны Измаиловы Куманы . яко да отмъстятъ кровь хрыстьянску . еже и бысть над ними безаконными . придоша бо ти Таурмению всю страну Куманьску . и придоша близь Руси . идеже зовется валъ Половечьскыи . и слышавше я Русстии князи . Мстиславъ Киевьскыи . и Мстиславъ Торопичскыи . и Черниговьскыи и прочии князи . здумаша итии на ня . мняще яко ти поидуть к ним . и послашася в Володимерь к великому князю Юргю . сыну Всеволожу . прося помочи у него он же посла к ним благочестиваго князя Василька сыновца своего . Костянтиновича с Ростовци . и не оутяну Василко прити к ним в Русь . А князи Русстии идоша и бишася с ними . и побѣдени быша от них . и мало ихъ избы от смерти . ихже остави судъ жити . то ти оубѣжаша . а прочии избьени быша . Мьстиславъ старыи добрыи князь ту оубьен бысть . и другыи Мстиславъ . и инѣхъ князии 7 избьено бысть . а боляръ и прочихъ вои много множество . глаголю бо тако яко Кьянъ [Стб. 447] одинѣхъ изгыбло на полку томъ 10 тысячъ . и бысть плачь и туга в Руси . и по всей земли . слышавшимъ сию бѣду . се же ся зло склучи . месяца . мая . вѣ . 30 . на память святаго мученика Еремиа . Се же слышавъ Василко приключышееся в Руси възвратися от Чернигова сохраненъ Богомъ и силою креста честнаго и молитвою

отца своего Костянтина и стрья своего Георгия и вниде в свои Ростовъ славя Бога и святую Богородицу».

Список 1377 г.

***Полное собрание русских летописей. Т. II.
Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 740—745***

[Стб. 740] «Въ лѣто 6732. Приде неслыханая рать . безбожнии Моавитяне . рекомыи Татаръве . придоша на землю Половецкую . Половцемъ же ставшимъ . Юргии Кончакович бѣ болиише всихъ Половецъ . не може стати . противу лицу ихъ бѣгаючи же емоу . и мнози избъени быша . до рѣкы Днепра Татаромъ же возвратившися идоша в вежа своя . прибѣгшимъ же Половцемъ в Роускою землю . глаголющимъ же имъ . Роускимъ княземъ . аще не поможе[Стб. 741] та намъ . мы ныне исѣчени быхомъ . а вы наоутрѣ исѣчени боудете . бывшую же свѣтоу . всихъ князѣи . во градъ Киевѣ . створиша свѣтъ сице . лоуче ны бы есть прияти на чюжеи землѣ . нежели на своей . Тогда бо бѣахоуть . Мъстиславъ Романовичъ в Киевѣ . а Мъстиславъ в Козельскѣ и в Черниговѣ . а Мъстиславъ Мъстиславичъ . в Галичѣ . то бо бѣахоу старѣишины в Роуской земли . Юрья же князя великого Соуждальского . не бы в томъ свѣтѣ . се же паки млади князи . Даниль Романовичъ . Михаилъ Всеволодичъ Всеволодъ Мъстиславичъ . Киевьскыи . инии мнозии князи . тогда же великыи князь Половецкыи крестися Басты . Василка же не бѣ . бѣ бо в Володимерѣ млад . оттоудоу же придоша месяца априля . и придоша к рѣцѣ Днѣпроу . ко острову Варяжскомуу . и приѣха тоу к нимъ . вся земля Половецкая . и Черньиговцемъ приѣхавшимъ . и Кияномъ и Смолняномъ . инѣмъ странамъ . вся намъ по соуху же Днѣпръ перешедшимъ . яко же покрыти водѣ быти . от множества людии . а Галичане и Волынци . киждо со своими князми . а Коуряне и Труб[Стб. 742]чане и Поутивлицы . и киждо со своими князми . придоша коньми а выгонци Галичкыя придоша по Днѣпроу . и воидоша в море . бѣ бо лодей тысяща . и воидоша во Днѣпръ . и возведоша пороги и сташа оу рѣкы Хорьтицѣ . на бродоу оу Протолчи . бѣ бо с ними Домамѣричь Юргии и Держикраи . Володиславичъ при-

шедши же вѣсти во станы . яко пришли соуть видѣть олядїи Роускыхъ . слышавъ же Даниль Романовичъ . и гна всѣдъ на конь . видѣти невиданьноя рати . и соущии с ними коньници . и инии мнозии князи с нимъ гнаша . видити невидѣное рати онем же отшедшимъ Юрьги же имъ сказываше . яко стрѣлци соуть . инии же молвяхоуть . яко простили людье соуть поущени Половецъ . Юрьги же Домамиричъ . молвяшеть ратници соуть . и добрая вои . приѣхавъше же сказаша Мьстиславоу Юрьги же все сказа . и рекшимъ молодымъ княземъ . Мьстиславе . И другии Мьстиславе не стоита . поидемъ противоу имъ . переидоша же вси князи . Мьстиславъ и другии Мьстиславъ . Черниговьскыи рѣкоу Днѣпръ . инии князи прїдоша . и поидоша в поле Половецкое . пе[Стб. 743]реидоша же Днѣпръ во день во вторникъ . и оусрѣтоша Татареве . полкы Роускыя . стрѣлци же Роускыи побѣдиша и . и гнаша в поле далеце секоуще . и взяша скоты ихъ . а со стады оутекоша . яко всимъ воемъ наполнитися скота . оттоудоу же идоша . 8 . дни до рѣкы Калкы . стрѣтоша и сторожьеве Татарьскыи сторожемъ же бившимъся с ними . и оубьен бысть Иванъ Дмитрѣевичъ . иная два с нимъ . Татаром же отѣхавшимъ . на прочьне рѣце Калкъ . оусрѣтоша и Тотарове Половецкыя полкы Роускыя Мьстиславъ же Мьстиславличъ . повелѣ впередъ переити . рѣкоу Калкоу Данилови с полкы инѣмъ полкомъ с нимъ . а самъ по немъ переиде еха же самъ во сторожѣ . видившоу же емоу полкъ Татарьскыя . приѣхавъ рече вороужитесь . Мьстиславоу же и друугомоу Мьстиславоу сѣдѣша во стану не вѣдоущема . Мьстиславъ же не повѣда има зависти ради . бѣ бо котора велика межю има . съразившимся полкомъ на мѣсто . Даниль же выѣха на передъ . и Семьюнъ . Олюевичъ . и Василко Гавриловичъ . поткоша . в полкы Тотарьскыя . Василкови же сбоденоу бывшоу . [Стб. 744] а самомоу Данилоу боденоу бывшоу в перси младѣства ради и боуести . не чюяше ранѣ бывшихъ на телеси его . бѣ бо возрастомъ . 18 . лѣтъ бѣ бо силенъ . Данилови же крѣпко борющися . избивающи Тотары . видивъ то Мьстиславъ . Нѣмыи мнѣвъ яко Даниль сбоденъ бысть потче и сам в нѣ бѣ бо моужь и тѣ крѣпокъ . понеже оужика сын Роману . от племени Володимера прирокомъ . Маномаха . бѣ бо великоу любовь имѣя ко отцю его . Емоу же пороучивше по смерти свою волость . дая князю Данилови . Татаром же бѣгающимъ .

Данилови же избивающе их своимъ полкомъ . и Олгови Коурьскомоу крѣпко бившимся . инѣмъ плкомъ . сразившимся с ними грѣхъ ради нашихъ . Роускимъ полкомъ побѣженнымъ бывшимъ . Даниль видивъ яко крѣпциши брань належить . в ратныхъ . стрѣльцѣмъ ихъ стрѣляющимъ крѣпци обрати конь свои на бѣгъ . оустрѣмления ради противныхъ бѣжащю же емоу . и вжада воды . пивъ почюти раню на телеси своемъ . во брани не позна ея . крѣпости ради мужьства возраста своего . бѣ бо дерзъ и храборъ . от главы и до ногу его . не бѣ на немъ по[Стб. 745]рока . бысть побѣда на всі князи Роуския . тако же не бывало никогда же . Татаром же побѣдившимъ Роусьския князя . за прегрешение крестьяньское пришедшимъ . и дошедшимъ до Новагорода . Святополчьского . не вѣдающимъ же Роуси лъсти ихъ . исходяхоу противоу имъ со кресты . они же избиша ихъ всехъ . Ожидая Богъ покаяния крестьяньскаго и обрати и воспать на землю восточную и воеваша землю Таногуустьскоу и на ины страны . тогда же и Чаногизъ кано ихъ Таногууты оубьень бысть . ихъ же прельстивше и послѣди же лъстию погоубиша . иные же страны ратми . наипаче лъстью погоубиша».

Список конца 10-х — начала 20-х гг. XV в.

***Не сохранившийся летописный свод начала XV в.
Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция
текста. 2-е изд. СПб., 2002. С. 306—307***

[С. 306] «В лета 6732... Того же лѣта явишася языци, ихже [С. 307] никто же добръ ясно и вѣсть, кто суть и отколѣ изидоша, и что языкъ ихъ и которого племени суть, и что вѣра ихъ; и зовуть я Татары, а инии глаголють Таумены, а друзии Печенѣзи, ини глаголють, яко се суть, о нихъ же Мефодий Патомьскый епископъ свѣдѣтельствуеть, яко си суть ишли ис пустыня Етриевьскы, суще межю востокомъ и сѣверомъ. Тако бо Мефодии рече, яко къ скончанью временъ явитися тѣмъ, яже загна Гедеонъ и поплѣнилъ всю землю от востока до Ефранта и от Тигръ до Понетьскаго моря, кромѣ Ефиопья. Богъ же единъ вѣсть ихъ, кто суть и отколѣ изидоша. Премудрии мужи бѣдятъ я добръ, кто книги разумно умѣеть;

мы же ихъ не вѣмы, кто суть, но сдѣ вписахомъ о нихъ пама-ти ради русскихъ князии бѣды, яже бысть отъ нихъ. И мы слышахомъ, яко многы страны поплѣниша: Ясы, Обезы, Касоги и Половецъ безбожныхъ множество избиша, а инѣхъ загнаша, и тако измроша, оубиваеми гнѣвомъ божьимъ и пречистыя его матере; много бо зла створиша ти оканнии Половци Руской земли, того ради всемилостивый богъ хотя погубити и наказати безбожныя сыны Измаиловы, Куманы, яко да отмстятъ кровь хрестьянскую, еже и бысть надъ ними безаконными. Придоша бо ти Таурмению всю страну Куманьску, и придоша близъ Руси, идеже зовется валъ Половечьскый. И слышавше я русстии князи: Мстиславъ Киевскый и Мстиславъ Торопичскый и Черниговскый и прочии князи — здумаша ити и на ня, мняще, яко ти пойдуть къ нимъ. И послашася в Володимеръ къ великому князю Юргю, сыну Всеволожю, прося помочи у него. Онъ же посла къ нимъ благочестиваго князя Василька, сыновца своего, Костянтиновича с Ростовци, и не утяну Василко прити къ нимъ в Русь. А князи русстии идоша и бишася съ ними, и побѣжени быша отъ нихъ, и мало ихъ избы отъ смерти; ихъ же остави судъ жити, то ти убѣжаша, а прочии избѣени быша. Мстиславъ, старый добрый князь ту убьенъ бысть, и другый Мстиславъ, и инѣхъ князѣи 7 избѣено бысть, а боляръ и прочихъ вои много множество. Глаголють бо тако, яко Кьянъ одинѣхъ изгыбло на полку томъ 10 тысячъ. И бысть плачь и туга в Руси и по всеи земли слышавшимъ сию бѣду. Се же ся зло склучи месяца ... Еремѣ. То же слышавъ Василко приключившееся въ Руси, възвратися отъ Чернигова, съхраненъ бысть богомъ и силою креста честнаго и молитвою отца своего Костянтина и стрья своего Юрья и вниде в свои Ростовъ, славя бога и святую богородицу».

Полное собрание русских летописей. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 335—343 (второй пагинации). (Тверской сборник)

[Стб. 335] «Повѣсть о Калкацкомъ побоищѣ, и о князехъ русскихъ, и о храбрыхъ 70. Вѣльто 6732. По грѣхомъ нашимъ, придоша языци незнаеми,

безбожніи Моявитяне, их же никто же добръ не вѣсть ясно, кто суть, и отколѣ изыидоша, и что языкъ ихъ, и которого племени суть, и что вѣра ихъ; и [Стб. 336] зовуть я Татари, а инии глаголють Таурмени, а друзии Печенѣзи. Инии же глаголють, яко сіи суть, о нихъ же Мефодій, епископъ Патормскій, свѣдѣтельствуеть, яко сіи суть вышли ис пустыня Ефровскіа, суци межи вѣстока и сѣвера. Тако бо глаголетъ Мефодій: „яко въ скончаніе времени явитися имъ, ихже загна тамо Гедеонъ, и изшедше оттуду, поплѣняютъ всю землю отъ востока до Ефранта, и отъ Тигра до Понетскаго моря, кромѣ Ефіопіа“. Богъ же вѣсть единъ, кто суть и отколѣ изыидоша, премудріи мужи вѣдятъ я добръ кто книги разумѣеть; мы же ихъ не вѣмы, кто суть, но и здѣ написахомъ о нихъ памяти ради Рускихъ князь и бѣды, яже бысть отъ нихъ; но не сихъ же ради сіе случися, но гордости ради и величанія Рускихъ князь попусти Богъ сему быти. Бѣша бо князи храбры мнози, и високоумны, и мнящеса своею храбростію сѣдѣловающе; имѣяхуть же и дружину многу и храбру, и тою величающеся, от нихже о единомъ въспоманемъ здѣ, описанія налѣзше. Бѣ нѣкто отъ ростовскихъ житель Александръ, глаголемый Поповичъ, и слуга бѣ у него именовъ Торопъ; служаше бо той Александръ великому князю Всеволоду Юріевичу, повнегда же дасть князь великій Всеволодъ градъ Ростовъ сыну своему князю Костантину, тогда и Александръ начать служити Костантину. Егда же преставися великій князь Всеволодъ, Костантину не восхотѣвшу быти въ Володимери, но у пречистія Ростовскіа и чудотворцевъ излюбы жити, тѣмъ и прошаше Вѣлодимера къ Ростову, а не Ростова къ Володимерю, ту бо омышляше столу быти великому княженію; но не въсхотѣ сего пречистая Богородица. И дасть князь великій Всеволодъ столъ свой меншему отъ Костантина сыну своему Юрію; тѣмъ Костантинъ гнѣвашеса на брата о княженіи, а князь великій Юрій многы браны на Костантина въздвиже, хотя съ Ростова съгнати его; и не попусти ему Господь. Пришедшу бо ему [Стб. 337] на нь ратію, Костантинъ отъиде къ Костромѣ и тоа съжже; князь великій Юрій стоаше подъ Ростовомъ, въ Пужбалѣ, а войско стояше за двѣ версты отъ Ростова, по рѣцѣ Ишнѣ, біахуть бо ся вмѣсто острога обрѣку Ишню. Александръ же выходя многы люди великаго князя Юрія избиваше, ихже костей накладены могыли вели-

кы и донынѣ на рѣцѣ Ишнѣ, а иніи по ону страну рѣки Устіи, много бо людей бяше съ великымъ княземъ Юріемъ; а иніи побіени отъ Александра же подъ Угодичами, на Узѣ, тѣ бо храбріи выскочивше на кою либо страну обороняху градъ Ростовъ молитвами Пречистыа. Многажды бо князь великій Юрій на братне достоаніе прихождаше, но съ срамомъ възвращашеся. Единоу выиде на него изъ Ростова Костантинъ, и бысть имъ бой за Юріевымъ на рѣцѣ Гзѣ, и тамо побѣди Костантинъ, молитвами Пречистыа, своею правдою и тѣми же храбрыми Александромъ съ слугою Торопомъ; ту же бѣ и Тимоня Золотой поясъ. И ту убиша у великого князя храбраго Юряту, о семъ велми опечалися князь великій Юрій; побѣжденъ же смирился съ братомъ. Потомъ прииде на Ярослава Переяславського Мъстиславъ Мъстиславичъ, тестъ его, и иніи князи, съ собою же и Костантина подвигоша, а за Ярослава сталъ князь великій Юрій за брата. И бысть имъ бой на Липицахъ и на Юріевѣ горѣ, и ту всѣ полки великого князя Юрія избыти, въ нихже убіенъ бысть храбрый и безумный бояринъ Ратиборъ, иже похвалися сѣдлы наметати супротивныхъ. Князя же Юрія побѣдивше, и на столѣ въ Володимерѣ Костантина посадиша; два же лѣта Костантинъ бывъ князь великій, паки столѣ дасть брату Георгію, а дѣтемъ Ростовъ и Ярославль, а самъ къ Господу отходитъ. Видѣвъ же Александръ князя своего умръша, а Юрія сѣдша на столѣ, раз[Стб. 338]мышляше о животѣ, еда како отдасть мьщеніе князь великій, Юряты ради, и Ратибора, и инѣхъ мнозѣхъ отъ дружины его, ихже изби Александръ; вскорѣ смысливъ посылаетъ своего слугу, ихже знаше храбрыхъ, прилучившихся въ то время, и съзываетъ ихъ къ собѣ въ городѣ, обрять подъ Гремячимъ колодеземъ на рѣцѣ Гдѣ, иже и нынѣ той сопъ стоитъ пустъ. Ту бо събравшеся съвѣтъ сѣтвориша, аще служити начнутъ княземъ по разнымъ княженіямъ, то и не хотя имуть перебитися, понеже княземъ въ Руси велико неустроеніе и части боеве; тогда же рядъ положивше, яко служити имъ единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ. Бѣ же тогда въ Кіевѣ князь великій Мъстиславъ храбрый Романовичъ Смоленского и Володимеръ Руриковичъ Ростиславича, въ то же время Мъстиславъ Мъстиславичъ въ Галичи, и быша челомъ вси тыи храбрыи великому князю Мъстиславу Романовичу, о них же князь великій велми гордящеся и хваляше-

ся, донележе сіа злоба съключися, о ней же повѣсть предлежить. Начать бо слухъ проходити, яко сіи безбожніи многы страны поплѣниша: Ясы, Обезы, Касогы, и Половецъ безбожныхъ множество избыша, и придоша на землю Половеческую. Половци же не могуще противися бѣжаша, и многихъ избыша, а иныхъ погнаша по Дону въ лукоморя, и тамо избиваеми гнѣвомъ Божиимъ и пречистыа его Матери; много бо зла сътвориша тѣ окааніи Половци Руской земли, того ради всемилостивый Богъ хотя погубити безбожныа сына Измаиловы, Куманы, яко да отъмстятъ кровь христіанскую; еже и бысть надъ ними. Придоша бо ти Таурмени на всю страну Куманскую и гониша ихъ до рѣки Днѣпра близъ Руси; и прибѣгоша окаянніи половци, идеже зовется валъ Половеческій, оста[Стб. 339]токъ избытыхъ: Котягъ, князь половеческій, съ инѣми князи, а Данило Кобяковичъ съ нимъ и Юрий Кончаковичъ убьена быста. Сей же Котянъ тестъ бѣ князю Мъстиславу Мъстиславичу Галичскому, и приде съ поклономъ съ князи Половеческими къ зятю Мъстиславу въ Галичь и къ всѣмъ княземъ Рускимъ, и принесе дары многы, кони, и велбуди, и буйволы, и дѣвки, и одариша всѣхъ князей рускихъ, кланяся, ркуще: „дньсъ нашу землю отъяли суть, а вашу пришедше заутра възмутъ, то помозѣте намъ“. И възмолися Котянъ зятю своему Мъстиславу; князь же Мъстиславъ посла къ братіи своей, княземъ Рускимъ, съ молбою рекъ: „поможемъ симъ; аще ли же мы симъ не поможемъ, то сіи имуть предатися къ нимъ, то онимъ болши будетъ сила, а намъ тяготнѣе будетъ отъ нихъ“. И тако думавше много о себѣ, и поклона для и молбы князей Половеческихъ яшася Котягу помагати, начаша вои пристраивати, кождо свою власть: князь великій Мъстиславъ Романовичъ Ростиславича Кіевскій, и Мъстиславъ Святославичъ Черниговскій Всеволодича Козельскій, и Мстиславъ Мъстиславичъ Галичскій, сии бо старѣйшіи земли Руской; съ ними же и младіи князи: Данило Романовичъ Мъстиславича, и князь Михайло Всеволодичъ Черниговскій, и князь Всеволодъ Мъстиславичъ Кіевського сынъ, и иніи князи мнози. Бывшу же съвѣту ихъ въ Кіевѣ всѣхъ князей, послаша къ Володимеру къ великому князю Юрію Всеволодичу по помочь; онъ же посла имъ Василка Ростовскаго. Съвѣщаша же князи, яко срѣсти ихъ на чужой земли, тогда же Половецкій

князь крестыся Бастый, и съвѣкупивше всю землю Рускую, поидоша противу татаромъ. Пришедши же имъ къ Днѣпру на Зарубѣ, къ острову Варяжскому, тоже слышавше татарове, оже идуть князи Русіи [Стб. 340] противу имъ, послаша къ нимъ послы своа, глаголюще: „се слышахомъ, оже идете противъ насъ, послушающе Половецъ, а мы ваша земля не заяхомъ, ни городовъ вашихъ, ни селъ вашихъ, ни на васъ придохомъ; но придохомъ, Богомъ пущони, на конюхи и на холопы свои, на поганья Половци, а вы възмѣте съ нами миръ; а Половци, аще прибѣжатъ къ вамъ, то не приимайте ихъ, и бійте ихъ отъ себе, а товаръ ихъ възмите къ собѣ, занеже слышахомъ, яко и вамъ много зла творять, того ради и мы біемъ“. Князи же Русіи того не послушаша, по послы ихъ избыша, а сами поидоша противу имъ, и не дошедше Олѣшіа, и сташа на Днѣпрѣ; и прислаша къ нимъ Татарове второе послы, ркуще тако: „аще есте послушали Половецъ, а послы наши избыли, а идѣте противу насъ, то вы поидите; а мы васъ ничимъ не занимали, а всѣмъ намъ Богъ“; они же отпустиша послы ихъ. Ту прииде къ нимъ вся земля Половецкаа и съ князи своими. Тогда же Мъстиславъ Мъстиславичъ Галичскій, въ тысячи войска, перебродися рѣку Днѣпръ на сторожи Татарскія, и побѣди ихъ; а останокъ ихъ възбѣже въ курганъ Половецкій съ своимъ воеводою Гемябѣкомъ, и ту имъ не бысть помочи; и погребоша воеводу своего Гемябѣка живого въ землю, хотяще его ублюсти, и ту его налѣзоша, испросивше его Половци у Мстислава, и убиша его. То же слышавше князи Русіи, поидоша за Днѣпръ на множествомъ людей: Мъстиславъ князь великій Романовичъ съ Кіаны, Володимерь Руриковичъ съ Смолняны, Черниговьстіи князи, Галичане, и Волинцы, и Куряне, и Трубочане, и Путивльци, и вся страны Рускія, и вси князи и множество вой. Придоша же выгонцы Галичскіе въ лодіахъ по Днѣстру въ море, бѣ же тысяща людей, изъ моря выидоша въ Днѣпръ, и възведше пороги, сташа у рѣки Хортици, на [Стб. 341] бродѣ у протолчіи; воевода же у нихъ Юрій Домарѣвичъ, а другой Держикрай Водиславича. Придоша же имъ вѣсти, яко Татарове придоша къ нимъ посмотрити Рускихъ полковъ; Данило же Романовичъ и иніи князи, всѣдше на коня, погнаша видѣти рати Татарскія, и видѣвше послаша къ великому князю ко Мстиславу Романовичу, рекуще: „Мъстиславе и Мстиславъ! Не

стойте, поидемъ противу имъ“. И поидоша въ поле, и срѣтоша ихъ Татарове, и ту стрѣлци Русстіи погнаша ихъ въ поле далече, ихъ сѣкуще; и взяша скоты ихъ, и съ стады утекоша. И оттуду идоша по нихъ осмь дний до рѣки Калка, и послаша въ сторожехъ Яруна съ Половци, а сами станомъ сташа ту, и ту срѣтошася съ сторожи, и убиша Ивана Дмитріевича и ина два съ нимъ; а Татарове възвратишася. Князь же Мъстиславъ Мъстиславичъ Галицкій повелѣ Данилу Романовичу перейти рѣку Калку съ полкы, а самъ по нихъ приде; перешедъ сташа станомъ. Поиха же и самъ на сторожи Мъстиславъ, и видѣвъ полки Татарьскіе, прииха и повелѣ въоружатися во емъ своимъ. А два Мъстислава въ стану бяху, того не вѣдающе: не повѣда бо имъ зависти ради, бѣ бо межи ихъ прѣвелика. Тако съступишася полкы, и напередъ иха на Татарове и Данило Романовичъ, и Семень Олюевичъ, и Василко Гавриловичъ; ту Василка събодоша, а Данилу убодену бывшу въ перси, но не чюяше, буести ради и мужества; бѣ бо младъ, осминадесѣти лѣтъ, но крѣпокъ бѣше на брань, избиваше Татаръ мужественѣ полкомъ своимъ. Тако же и Мъстиславъ Нѣмый потече на нихъ, и той бѣ крѣпокъ, и видѣвъ яко събодоша Данила, бѣ бо ужика отцу его, любовь имѣа къ нему, ему же и власть по себѣ обѣща. Тако же и Олгу Курскому крѣпко биющюся; тако же и Ярунь съ Половци приде, съступыся съ Татараы, хотя съ ними бы[Стб. 342]тися. Но пакы Половци въскорѣ побѣгоша назадъ, не успѣвше ничтоже, и потопташа бѣжучи станы Рускыхъ князей. А князи не успѣша исполчитися противу имъ; и тако смятошася полци Русстіи, и бысть сѣча зла, грѣхъ ради нашихъ. И бысть побѣда на князи Рускіа, яко же не бывала отъ начала Рускіе земли. Князь великій же Мъстиславъ Романовичъ Кіевскій, внукъ Ростиславль Мъстиславича, сына Владимерова Манамахова, и князь Андрѣй, зять его, и Александръ Дубровскій, видѣвше се зло, не двигошася никаможе съ мѣста; стали бо на горѣ надъ рѣкою Калкою, бѣ бо мѣсто то каменно, и учиниша себѣ городъ коліемъ, и бишася съ ними изъ города того по 3 дни. Татарове же поидоша по Рускыхъ князехъ, гониша ихъ біюще до Днѣпра, а у города того осташася два воеводи, Чегырканы и Тешуканы, на Мъстислава Романовича, и на зятя его Андрея, и на Александра на Дубровского; тѣи бо два князя съ Мъстиславомъ. Быша же съ Татараы и Бродницы, а воевода

у нихъ Плоскиня; и той окаянный воевода цѣлова крестъ къ великому князю Мъстиславу, и къ обѣма князема, и къ всѣмъ сущимъ съ нимъ, яко не избыти ихъ, но окупъ взяти на нихъ, и солгавъ окаянный, предасть ихъ Татаромъ связавъ; а городъ возьмъ людей изсѣкоша, и ту костію падоша, а князей издавиша, подкладше подъ доски, а сами на верху сѣдоша обѣдати, и тако издохошася и животъ свой скончаша. А иныхъ князей, опроче того, до Днѣпра гоняще, избыша б: князя Святослава Каневского, Изяслава Ингваревича, Святослава Шумского, Мъстислава Черниговского съ сыномъ, Юрія Несвѣжского, а вой толко десятый приде; и Александръ Поповичъ ту убіенъ бысть съ инѣми седмидесятію храбрыхъ. Князь же Мъстиславъ Мъстиславичъ Галичскій переже всѣхъ пребѣгъ за Днѣпръ, по[Стб. 343]велѣ лодіи пережечь, а иныя отъ берега отрѣа, боячися погони; а самъ едва убѣже въ Галичь; а Володимеръ Руриковичъ, братаничь Романовъ, внукъ Ростиславль Мъстиславича, сѣде в Кіевѣ, мѣсяца июня 16 день. А злоба случилася мѣсяца маа 30, на память святаго мученика Еремеа. Войска же остатокъ, десятый, приде кождо во своа, а иныхъ Половци избыша ис коня, а иныхъ ис порта. И тако за грѣхы наша Богъ вложи недоумѣніе въ насъ, и погыбе множество бес числа людій. Татарове же гнашася по Руси до Новагорода Святополчого, христіане же, не вѣдуще лести Татарскыя, выидоша противу ихъ съ кресты, и тако избыша ихъ; глаголаху же, яко единѣхъ же Кіань изгыбе тогда 30 тысячъ, и бысть плачь и вопль по всѣмъ градомъ и по селомъ. Татарове же възвратишася отъ рѣки Днѣпра, и не свѣдаемъ откуда были пришли, и камо ся дѣли; единъ Богъ вѣсть, откуда приведе за грѣхы наша и за похвалу и гордость великого князя Мъстислава Романовича. Глаголють бо, яко приде слухъ про сихъ Татаръ, яко многы земли плѣнують, а приближаются Рускимъ странамъ, и сповѣдаша ему о нихъ; онъ же отрече: „Дондеже есмь на Кіевѣ, то по Яико, и по Понтійское море, и по рѣку Дунай саблѣ не махивати“. Василка же Костантиновича тогда Богъ съблюде, приде бо съ полки ко Чернигову въ помочъ; слышавъ се зло, случившеся въ Руси, възвратися въ свой Ростовъ, съхранень Богомъ».

Список второй четверти XVII в.

*Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 1.
Софийская первая летопись старшего извода. М.,
2000. Стб. 275—282*

[Стб. 275] «В лѣт(о) 6732. По грѣхомъ нашимъ [Стб. 276] приидоша языци незнаеми при Мстиславѣ князѣ Раманович(е), в десятое лѣто княжения его въ Киевѣ. И прииде неслыханая безбожнии моавитене, рекомии татарове, их же добръ ясно никто ж(е) свѣсть, кто сут(ь) и отколѣ приидоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ. И зовуть ихъ татары, а инии г(лаго)лють таурмени, а друзии печенѣзи. Инии же г(лаго)лють, яко се суть, о них же Мофедии, еп(и)с(ко)пъ Патормьскыи, свидѣтельствуеть, яко сии суть вышли ис пустыня Етривьскыя, суще межи вѣстокомъ и сѣвером. Къ скончанью времени явитися имъ, яже загна Гедеонъ, и поплѣнять всю землю от вѣстока и до Ефранта и от Тигръ до Понтиискаго моря кромѣ Ефиопия. Б(о)гъ же единъ вѣсть ихъ, но мы здѣ вписахъмъ о нихъ памяти ради рускыхъ князеи и бѣды, яже от нихъ быс(ть) имъ. Слышахомъ бо, яко многы страны поплениша: ясы, обезы, касогы, приидоша на землю Половетьскую. Половцемъ же ставшимъ, а Юрьи Кончаковичъ бѣ бо лише всѣхъ половецъ, не може стати противу лицу имъ, бѣгаючи же ему, половци же не могоша противитися имъ, побѣгоша до реки Днѣпра безбожнии половци. А иныхъ загна по Дону и в Луку моря, и тамо изомроша, убиваеми гнѣвомъ б(о)жиимъ и пр(е)ч(и)стыя его м(а)т(е)ре. Мног(о) бот и половци зла створиша Русѣи земли. Того ради всем(и)л(о)ст(и)выи б(о)гъ, хотя погубити безбожныя с(ы)ны Измаиловы, куманы, яко да отмстит кровь христианьскую, и еже быс(ть) над ними, безбожными, побѣдиша и татары инѣхъ языкъ 7 и приидоша всю [Стб. 277] страну Куманьску. И приидоша близъ Руси, а Котянъ съ иными князьми и съ останкомъ половецъ прибѣгоша, идеж(е) зовется Валъ Половетьскыи. А Данилъ Кобяковичъ и Урии убьена быста, а инии половци мнози разбѣгошася в Рускую землю. Сеи же Котянъ бѣ тестъ Мьстиславу Мьстиславичъ галитьскому. И прииде с поколономъ съ князи половецьскими в Галичъ къ князю Мьстиславу, къ зятю, и къ всѣмъ княземъ рускымъ, и дары принесе многы, кони, вельблуды, буболы и дѣвки, и одари князеи рускыхъ, а ркучи тако: «Нашу землю дн(е)сь от(ъ)яли, а вашу заутра възмутъ. Пришед, по-

бороните нас. Аще не поможете намъ, мы н(ы)нѣ иссѣчени будемъ, а вы на утрении иссѣчени будете». И помолися Котянъ зятю своему о пособии. Мъстиславъ же нача молитися княземъ рускимъ, братьи своеи, и реч(е): „Аже мы, братие, симъ не поможемъ, то си имуть предатися имъ, то ихъ болшии будетъ сила“. И тако думавше много, и яшася пособити Котяню, моления слушающа князь половечскихъ. Бывшу же съвѣту всѣхъ князей въ градѣ в Киевѣ, створиша совѣтъ сице: „Луче бы ны естъ приять я на чужеи земли, нежели на своеи“. И начаша вои строити, которыйждо свою власть. Тогда бо бѣ Мъстиславъ в Киевѣ, а Мъстиславъ козельскый в Черниговѣ, а Мъстиславъ в Галичѣ. То бо бѣяху стареишины в Руской земли. Князя же великаго Юрья суздальскаго нѣту в томъ съвѣтѣ. Се же паки младии князи: князь Данило Романовичъ, князь Михаило Всеволодичъ, князь Всеволодъ Мъстиславичъ киевскый и инии мнози князи. Тогда же князь половецкый кр(е)стися Басты. [Стб. 278] Василка же не бѣ в Володимерѣ, млад. И совокупивше землю Рускую всю противу татаромъ, и приидоша къ рецѣ Днѣпру на зарубъ къ острову Варежескому. Тогда увѣдавше татарове, что идуть князи рустии противу имъ, и прислаша послы къ княземъ рускимъ: „Се слышимъ, оже противу намъ идете, послушавше половець. А мы вашей земли не заяхомъ, ни городовъ ваших, ни селъ, ни на вас приидохомъ, но приидохомъ, б(о)гомъ попущени, на холопы наши и на конюси свои, на поганья половци. А възмите с нами миръ, а намъ с вами рати нѣту. Оже бѣжать к вамъ половци, а вы беити оттоле, а товаръ емлите себѣ, занеже слышахомъ, яко и вамъ много зла творять. Того же ради мы ихъ отселе бьемъ“. Князи ж(е) рустии того не послушааше и послы татарскыя избиша, а сами поидоша противу имъ, и не дошедше Олешья, и сташа на Днѣпрѣ. И прислаша татарове второе послы, гл(аголю)ще: „Аще есте послушали половець, а послы наши есте избили, а идете противу намъ, то вы поидете, а мы вас не заимаемъ ничимъ, то всѣмъ намъ б(о)гъ“. И отпустиша послы ихъ. И прииде ту вся земля Половецкая и вси ихъ князи, а ис Киева князь Мъстиславъ съ всею силою, а из Галича князь Мстиславъ съ всею силою, Володимеръ Рюриковичъ с черниговци, и вси князи рустии, и вси князи черниговскыи, а из Смоленска нарубъ 400 муж и инѣмъ странамъ. Тогда же князь Мъстиславъ галицкый перебродися Днѣпръ в 1000 мужъ на сторожи та-

тарьскыя и побѣди я, а останокъ ихъ побѣже с воеводою с Гемябѣком. И ту имъ не бѣ помощи, и погребоша воеводу своего Семябѣга жива в [Ст. 279] землю, хотяще жива ублюсти. И ту наидоша его, и испросиша и половци, и убиша и его. Слышавше же се князи рустии, поидоша вси за Днѣпръ на множествѣ людеи, а галичане и волынци кииждо съ своими князьми, а куряне и трубчане, и путивлицы кииждо съ своими князьми. И приидоша кънми, а выгоньци галическыи приѣхаша в лодыяхъ по Днѣпру и поидоша в море, бѣ бо лодии 1000. И поидоша в рѣку Днѣпръ, и възведоша пороги, и сташа у реки Хортицы на бродѣ, на протолъчии. Бѣ бо с ними Домамеричъ Юрьи, Дръжикраи Володиславичъ. Пришедше вѣсти въ станы, яко пришли суть предъвидѣти, оляди рускыя. Слышав же Д(а)в(ы)дъ Романовичъ и гнавъ, всѣд на кони, и сущии с нимъ коньници, и инии мнозии князи с нимъ гнаша видѣти рати. Онѣмъ же отшедшемъ, Юрьи же имъ сказавше, яко стрѣлцы суть. Инии же молвяху, яко простии люди суть, пуще и половець. Юрьи же Домамеричъ молвяхше: „Ратници суть и добрая вои“. Приѣхавше, сказаша Мъстиславу, Юрьи же все сказа. И рекшимъ молодымъ княземъ: „Мъстиславе, и другыи Мъстиславе! Не стоита, поидемъ противу имъ“. Преидоша ж(е) вси люди, князи вси и Мъстиславъ Черниговскыи рѣку Днѣпръ, и поидоша на конехъ въ поле половецкое. И устрѣтоша татарове полки рускыя, и стрѣлцы же рускыя побѣдиша ихъ, и гнаша в поле далече, сѣкущи я, и взяша скоты ихъ, а съ стады утекоша, яко всим воемъ наполнитися скотом. И оттуда же идоша по нихъ 8 дни [Стб. 280] до рѣки Калки, и ту устрѣтоша сторожеве татарове, и удариша на полци рускыя. Сторожемъ же бившимся с полки рускыи, и убиенъ быс(тъ) ту Иоан Дмитриевич и иная 2 с нимъ. Тат(а)ромъ же от(ъ)ехавшимъ на прочнѣ рѣцѣ Калецѣ, устрѣтоша татарове половецкыя полки и рускыи. Князь же Мъстиславъ Мъстиславич повелѣ предии переити рѣку Калку Данилови с полкы и инѣмъ полкомъ с нимъ, а самъ по нихъ переиде. И заидоша за рѣку за Калку, и послаша въ сторожехъ Яруна с полци, с половци, и сами станомъ сташа ту, а князь Мъстиславъ сам ѣха въборзѣ послѣ. Видѣвши же ему полки татарскыя, приехавъ, реч(е): „Въружитися!“ Повелѣ вборзѣ, а князю Мъстиславу и другому Мъстиславу, сѣдьящамъ има въ стану, невѣдущима. Мъстиславъ же не повѣда има завѣсти ради, бѣ бо котора между ихъ велика. Сразившим-

ся полкомъ на мѣсто, Данилъ же выѣха напередъ и Семьюнъ Олюевичъ, и Василко Гавриловичъ, и разишася в полкъ татарскыя. Василкови же сбодену бывшу, а Данилу бодену бывшу в перси и младеньству ради и буести не чюяше раны, бывши на телеси его, бѣ бо възрастомъ 18 лет, бѣ бо силенъ, Данилови же крѣпко избивающе татары. Видѣвъ то Мъстиславъ Нѣмыи, мнѣвъ, яко Данилъ збоден быс(тъ), и потече и самъ вне. Бѣ бо мужъ той крѣпокъ, понеже ужика сы Роману от племени Володимеря, прирокомъ Манамаха. Бѣ бо велику любовь имѣя къ о(т)цю его, ему ж(е) поручивши по см(е)рти свою [Стб. 281] волость, дая князю Данилови. Татаром же бѣгающимъ, Данилови же избивающи я своимъ полком, и Олгови Курьскому крѣпко быющеся, тогда же Ярунъ и инии полци половецьстии ступишася с ними, хотяще битися. И полоци побѣгоша, и потопташа, бѣжаща, станы рускых князь, а князи не успѣша ополчитися противу имъ, и смятошася вси полци рустии, и быс(тъ) сѣча зла и люта. Грѣх ради нашихъ рускымъ полком побѣженнымъ бывшимъ, Данил же видѣвъ, яко крѣпчая брань татарская належить, и обрати конь свои, бѣжа от устремления противных. И вжада воды, и пию, и почюти рану на телеси своемъ. Въ брани не позна ея крѣпости ради мужества възрастаѣ своего, бѣ бо дрѣзь и храбръ, от главы и до ногу его не бѣ на немъ порока. И быс(тъ) побѣда на вси князи рустии, ака же не бывала от начала Руской земли никогда же. Сам бо великий князь Мъстиславъ киевскыи, видя се зло, не движесе никако же с мѣста, стал бо бѣ на горѣ надъ рѣкою Калкою, бѣ бо мѣсто каменисто, и туто учиниша городъ с кольемъ, и бися с ними из града по 3 дни, а ини же татарове поидоша послѣ рускыхъ князеи, бьюще ихъ и до Днѣпра, а у города остались два воеводы, Чегирканъ и Тешуканъ, на князя Мъстислава и на зятя его Андрѣя и Александра дубравьскаго. Бѣста бо ту два князя съ Мъстиславомъ, ту ж(е) и бродницы быша старые, и воевода ихъ Плоскина. И тѣи окааннии, целовавъ кр(е)сть къ князю Мъстиславу и обѣма князема, како ихъ не избити и пустити ихъ на искупъ, и солгавъ окааннии, предасть ихъ, связавъ, татаромъ, а городъ взяша, а люди посѣкоша, а князеи има и зда[Стб. 282]виша, и подкладше под дѣски, а сами верху сѣдоша обѣдати, и тако князи животь свои скончаша, и много убиство бесчисленное створися. А иных князеи, гонячи до Днѣпра, 6 убиша: князя Мъстислава яневьскаго,

Изяслава инговорьскаго, С(вя)тослава шумьскаго, Мьстислава черниговьскаго съ с(ы)номъ, Юрья несвѣжскаго. А иноговя кождо десятии прииде. И Александръ Поповичъ ту убиенъ быс(ть) с инѣми 70 храбровъ. И тогда же князь Мьстиславъ Мьстиславичъ преди перебѣже Днѣпръ, и прииде к лодиямъ, повелѣ жещи я, а иныя сѣщи и отринути от берега, бояся по себѣ погони от татаръ, а самъ едва убѣжа в Галичь. А молодые князи прибѣжали в малѣх людии, а князь Володимеръ Рюриковичъ прибѣже в Киевъ и сѣде на столѣ. Сии же злоба створися от татаръ м(е)с(я)ца июня въ 16 д(е)нь. Татаромъ же побѣдившимъ руския князи за прегрѣшение хр(и)стьянское. И дошедшимъ татаромъ до Новагорода С(вя)тополчьскаго, не вѣдущимъ же Руси лъсти татарьскыя, исходяху противу имъ съ кр(е)сты, они же избиша вся. И ожидааше б(о)гъ покаяния хр(и)стиянскаго, и обрати татаръ въспять от рѣкы Днѣпра на землю вѣсточную, и повоеваша землю Тагоньскую и ины страны. Тогда же и Чагонизъ канъ ихъ убьенъ быс(ть). Се же быс(ть) намъ за грѣвы наша, б(о)гъ вложи недоумѣние в нас, и погыбе бес числа много люди, и быс(ть) вопль, и въздыхание, и печаль по всѣмъ градомъ и по волостемъ. Сих же злых татаръ таурмень не свѣдаемъ, откуда были пришли на нас и гдѣся дѣли опять, толко б(о)гъ вѣсть».

Список второй половины 70-х — начала 80-х гг. XV в.

Полное собрание русских летописей. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М., 2000. С. 89—92

«Въ лѣто 6733... [С. 89]

* О Кальскомъ побоищи. Того же лѣта по грѣхомъ по нашимъ придоша языци незнаеми безбожнии Амовитеня, рекомии Татари, ихже извѣстно никтоже вѣсть кто суть, и откуда придоша, и что языкъ ихъ, вѣра же ихъ, и Таурмены зовутся, а друзии

** О Калкахъ, избіеніи Русскихъ князей. Того же лѣта по грѣхомъ нашимъ придоша языци незнаеми, при великомъ князи Кіевскомъ Мстиславѣ Романовичѣ, внуцѣ Ростиславлѣ Мстиславича, придоша бо неслыханнии

Печеньзи, иніи же глаголють, яко сіи суть, о нихъ же Мефодій, епископъ Патарскій, свидѣтельствуєть, яко вышли суть изъ пустыни Евтрійскія, суцци межъ востока и сѣвера, идѣже Геонъ; а явитися имъ въ скончаніи лѣтъ и времянъ, и поплѣнять всю землю отъ востока до Ефрата и отъ Тигра до Понтъскаго моря, кроме Ефіопіи. Слышахомъ же о сихъ, яко многи страны поплѣниша: Ясы, Оязы, Касаги,

безбожніи Моавитяне, рекоміи Татарове, ихъ же добръ ясно никто же свѣсть, кто суть, и откуда придоша, и что языкъ ихъ, и которого племени суть, и что вѣра ихъ, зовуть же я Татары, а иніи глаголють Таурмены, а друзіи Печеньзи, иніи же глаголють яко си суть, о нихъ же Мефодій, епископъ Патаромскій, свидѣтельствуєть, яко сіи суть вышли ис пустыня Етривскыя, суцци между вѣстокомъ и сѣверомъ, къ скончанію времени явитися имъ, ихъ же загна Гедеонъ, и поплѣнять всю землю отъ востока и до Ефрата и отъ Тигръ до Понтъскаго моря, кроме Ефіопіа. Про сихъ же слышахомъ, яко мнози страны поплѣниша: Ясы, Обезы и Касоги,

* В списках: Акад. XIV, Обол., Акад. XV, Арх. II, Пуб. (Строг.) и Троицк. III.

** В списке Пуб. VI (Лаптев.).

и придоша на землю Половецкую; Половци же не могоша противитися, бѣжаша, а иніи избієни быша, а иніи загнани быша по Дону въ луку моря, и тамо изомроша, а иныхъ гониша до рѣки Днѣпра; а Котякъ князь Половецкій со инѣми князи прибѣже, идѣже зовется валъ Половецкій, а Данило Кобяковичъ и Юрьи Кончяковичъ убієни быша. И иде Котякъ къ зятю своему ко князю Мстиславу Мстиславичю Галичскому, и принесе дары многи: кони, и верблуды, буволы и прочаа, и одари всѣхъ князеи Русскихъ, кланяяся имъ, глаголя: „днесъ землю нашу отняли Татари, а вашу завтра пришедь возмутъ, и мы сіа возвѣстихомъ вамъ, и вы сицевая разумѣше помозите намъ“. Мстиславъ же Мстиславичъ Галичскій посла къ братьи своей, глаголя: „поможемъ симъ; аще ли сіи со онѣми сложатся, то намъ будетъ тяготнѣе“. [С. 80]

* И яшася помогати Котяку. Бывшу же совѣту ихъ въ Кіевѣ всѣхъ князей, и послаша въ Володимеръ къ великому князю Юрью Всеволодичю по помощь; онъ же въ помощь посла къ нимъ братанича своего князя Василка Константиновича Ростовскаго, яко срѣсти ихъ на чужой земли, неже на своей.

* В списках: Акад. XIV, Обол., Акад. XV, Арх. II, Пуб. (Строг.) и Троицк. III.

** В списке Пуб. VI (Лаптев.).

** Князи же думавше како бы имъ мощно помощи Котяку и стати на бой противу безбожныхъ Моавитянь, и яшася помогати Котяку. Бывшу же совѣту всѣхъ князій во градѣ Кіевѣ, створиша сице совѣтъ: лучши бы намъ срѣсти ихъ на чужей земли, нежели на своей, и послаша въ Володимеръ къ великому князю въ Володимеръ ко князю Юрью Всеволодичю по помощь. Онъ же въ помощь посла къ нимъ братанича своего князя Василка Константиновича Ростовскаго.

И начаша вси князи воинства безъ числа собирати: князь велики Мстиславъ Романовичъ Кіевскій, Ростиславль внукъ, и Черниговстїи, князь Мстиславъ Мстиславичъ Галичскій, сїи же старѣйшии бяху земли Русской, съ ними же младїи князи: Данило Романовичъ Мстиславича, и князь Михайло сынъ Всеволода Чръмнаго Черниговскій, и князь Всеволодъ Мстиславичъ Романовича, правнукъ Ростиславль, и инїи князи мнози. Тогда же крестися Половецкїй князь Батый. Князи же Русстїи мнози, совокупльшесе со всею землею Русскою, поидоша противу Татаромъ. Пришедшимъ же имъ къ Днѣпру на Зарубъ ко острову Варежскому, слышавши же Татари, послаша къ нимъ послы своя, глаголюще сице: „вси есмя челоувѣци, и вси Адамово племя, почто всеу и туне кровь свою проливаемъ, которающесе и біющесе; мы убо не на васъ прїидохомъ, а вашего не заяхомъ ничто же, но прїидохомъ на рабы своя Половци, понеже Половци истаринные наши конюхи, да по что идете на насъ съ ратью и с кровопролитїемъ; аще хотите въ благихъ быти, имѣйте съ нами миръ, а Половцевъ отъ себе отжените и не прїимайте ихъ“. Князи же Русстїи того

не послушаша, но и послы ихъ избиша, а сами поидоша противу ихъ. И не дошедше Отшелъя, и сташа отъ Днѣпрѣ, и ту послаша къ нимъ иныя послы Татарове, глаголющее сице: „аще естя послушали Половцевъ, и послы наши избили, и противу насъ идете съ ратью и съ кровопролитіемъ, а мы васъ не обидѣхомъ ничимъ же, то судить Богъ межи нами и вами, понеже Богъ есть всѣмъ творецъ и питатель“. И ту приде къ нимъ вся земля Половецкая со князи своими; князь же Мстиславъ Мстиславичъ Галичскій въ двадесятихъ тысящахъ преиде Днѣпръ на сторожи Татарскія, и побѣди ихъ, а останокъ ихъ побѣже съ воеводою Гонябѣкомъ, егоже погребоша жива въ землю, хотяще ублюсти, и нашедше его убиша. И то слышавше вси князи Русстїи поидоша за Днѣпръ рѣку зъ безчисленнымъ воинствомъ: князь велики Кїевскій Мстиславъ Романовичъ, Ростиславль внукъ, съ Кїаны, князь велики Смоленскій Володимерь Рюриковичъ, внукъ Ростиславль, и Черниговстїи князи, и Галичскія, и Волынскія, и Курскія, и Трубческія, и Путимскія и всѣхъ [С. 91] странъ всѣ князи со множества безъ числа воинствы. Придоша же и Бауты, и Гаигалы, и Выгалци, и Галичяне въ лодїахъ по Днѣпру въ море: бѣ же ихъ вящше двою тысящъ лодей, паки же изъ моря выидоша въ Днѣпръ, и возставиша пороги, и придоша къ рѣкѣ Хортицѣ на бродъ на Протолчи; воевода же у нихъ Юрьи Доморѣчичъ и Дръжикрай Владиславичъ. Приде же имъ тамо вѣсть, яко Татари придоша подсмотрити Русскихъ вой. Князь же Данило Романовичъ Мстиславича, и иныя князи мнози и юннїи княжици великихъ князей, всѣдше на кони погнаша видѣти рати, и видѣвше послаша ко Мстиславу, глаголюще: „не стойте, поидите противъ ихъ“. И идоша въ поле, и срѣтоша ихъ, и ту стрѣлци Русстїи погнаша ихъ въ поле далече сѣкуще, и взяша скоты ихъ, а съ прочими стады утекоша, и оттуда идоша по нихъ осмь дней до рѣки до Калки, и тамо срѣтошася съ сторожи, и убиша тамо Ивана Дмитреевича и иныхъ два съ нимъ, и возвратишася Татарове. Князь же Мстиславъ Мстиславичъ повелѣ князю Данилу Романовичю преити рѣку Калку съ полки своими, а самъ по нихъ поиде, и пришедъ посла сторожи Яруна съ Половцы, а сами сташа. Поиде и самъ князь Мстиславъ Мстиславичъ Галичскій за сторожи, и видѣв полки Татарскія, и повелѣ вооружатися воемъ своимъ, а два князя Мстислава въ станѣхъ бяше, того не вѣдяше: не повѣдаше бо

имъ зависти ради. Бѣ же межъ ихъ брань, и сѣступишася полки, и ѣха напередъ князь Данило Романовичъ Мстиславичя, и князь Семень Олюевичъ, и князь Василко Гавриловичъ, и ту князя Василка прободоша, а князя Данила Романовичя Мстиславичя прободоша въ перси, и кровь ліашася; онъ же скакаша не чюаше буести ради, бѣ бо мужественъ зѣло и крѣпокъ на брани, еще же младъ яко осминадесять лѣтъ точію, и избиваше Татаръ мужественѣ полкомъ своимъ. Князь же Мстиславъ Ярославичъ Нѣмый видѣ кровава князя Данила Романовичя Мстиславичя, яко збодоша его и кровь ліашася, онъ же скакаше, и возплакавъ, и возопивъ гласомъ велимъ; бѣ бо и той крѣпокъ зѣло, и бѣ сродникъ отцу его, и любовь имяше къ нему велию, ему же и княженіе свое по себѣ обѣща. Тако же и князю Олгу Курскому крѣпко біюшася, такоже и Половецкому князю Яруну съ Половци крѣпко біюшася съ Татарами, но паки Половци скоро побѣжаша, и станы Русскихъ князей потопташа, а князи не поспѣша ополчитися, а Татарове придоша съ силою многою, и тако смятошася полци Русіи, и бысть сѣча зла грѣхъ ради нашихъ, всюду мертвіи лежаху, и кровь яко вода ліашася, и бысть побѣда на князи Рускіа земли. Князь велики же Кіевскій Мстиславъ Романовичъ, Ростиславль внукъ, и князь Андрѣй, зять его, и князь Александръ Дубровскій видѣвше сіе зло, и не подвигошася никамо же; стоаху бо надъ рѣкою Калкою, бѣ бо мѣсто камено. И учиниша городъ себѣ съ коліемъ, и бишася съ него по три дни, и сташа ту два воеводы Татарскіа, Черканъ и Текшакъ, а прочіи Татарскіа князи и Татарове погнаша за князи Рускими, и гониша ихъ, біюще, до Днѣпра. Быша же съ Татарами Бронницы, а воевода у нихъ Пლოსкиня, и той окаянный целова крестъ къ великому князю Мстиславу Романовичю Кіевскому и [С. 92] сущимъ съ нимъ, яко не избити ихъ, но окупъ взяти съ нихъ, и тако предашася ему. Онъ же окаянный предаде ихъ Татаромъ, а городъ вземъ изсѣкоша люди вся, а князей подкладаша подъ доски, и сѣдоша верху ихъ обѣдати, и тако князи издохнушася. А иныхъ князей избиша гоняще до Днѣпра 6: князя Святослава Каневскаго, князя Изяслава Ингваревичя, князя Святослава Шумскаго, князя Мстислава Черниговскаго съ сыномъ, князя Юрья Неверскаго, и тысячцкихъ, и воеводъ и бояръ множество; а воинственныхъ людей только бысть побіено, яко ни десятый отъ нихъ возможе избѣжати; убиша же на томъ бою: и Александра

Поповича, и слугу его Торопа, и Добрыню Рязанича Златаго пояса, и седьмдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей, всѣ побіени быша гнѣвомъ Божіимъ за грѣхи наша отъ Татаръ. Князь велики же Мстиславъ Мстиславичъ Галичскій преже всѣхъ пребѣже за Днѣпръ, а князь велики Смоленскій Володимерь Рюриковичъ Ростиславича прибѣже въ Кіевъ, и сяде на великомъ княженіи, понеже князь велики Кіевскій Мстиславъ Романовичъ и з дѣтми и з зятемъ убіенъ бысть отъ Татаръ. Сіа же великая бѣда случися Русской землѣ великимъ княземъ Русскимъ, Кіевскому и прочимъ всѣмъ княземъ, и всѣмъ странамъ Русскимъ, мѣсяца Іюня въ 16 день. Татарове же гнашася за христіаны до Новаграда Сѣверскаго; христіане же, не вѣдуще лсти Татарскіа, изыдоша противу ихъ со кресты, они же злѣ изсѣкоша и дома ихъ пожгоша, а имѣніе огню предаша. Такожже и по инымъ градомъ ходиша, и власти и села вся поплѣниша и пожгоша, и никого же бѣ възбраняющаго, яко вездѣ вся земля пуста бѣ, и ходиша Татарове воююще не боащася, глаголаху же сице, яко единехъ Кіанъ избито тогда шестьдесятъ тысящъ, о инѣхъ же невозможно и глаголати, сколько ихъ избито, точію единъ Богъ вѣсть число безчисленное. Князя же Василка Константиновича Ростовскаго, братанича великаго князя Юрья Всеволодича Владимерскаго, тогда соблюде Богъ и съ его воинствомъ, понеже не успѣ пріити, точію къ Чернигову пріиде, и слышавъ бѣду сію велію, и спѣшно возвратися въ Ростовъ съхраненъ Богомъ и пречистою Богородицею. Сихъ же Татаръ никто же вѣсть откуда пріидоша и камо ся дѣша. Сіе первое прихоженіе Татарское на Русь; бѣже скоры на бой, такожже и на бѣганіе, легци же суща, не обременяющеся ничимъ же тяготнѣе, бѣгають же и паки возвращается, и злодѣйствени суть аки дѣмони».

Список второй половины 50-х гг. XVI в.

Полное собрание русских летописей. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 129—132

[С. 129] «В лѣто 6731. По грѣхомъ по нашимъ, пріидоша языци незнаеміи, при великомъ князи Кіевскомъ Мстиславѣ Романовичѣ, внуцѣ Ростиславлѣ Мстиславича. Придоша бо

неслыханіи, безбожніи Моавитяне, рекоміи Татарове, ихъ же добръ ясно никто же совѣсть, кто суть и откуда придоша, и что языкъ ихъ, и которого племени суть, и что вѣра ихъ; зовут же я Татары, а иніи глаголють Таурмены, а друзіи Печенѣзи, иніи же глаголють, яко сіи суть, о нихъ же Меѳодей, епископъ Патаромскій, свѣдѣтельствуєть яко сіи суть вышли изъ пустыня Етривьскія, суціи межи востокомъ и сѣверомъ, ко скончанію времени явитися имъ, ихъ же загна Гедеонъ, и поплѣнять всю землю отъ востока и до Ефранта и отъ Тигрь до Понтъского моря, кроме Еѳіопія. Богъ единъ вѣсть ихъ; но здѣ вписахомъ о нихъ памяти ради князей Рускихъ и бѣды, яже суть имъ отъ нихъ. Про сихъ же слышахомъ, яко многы страны поплѣниша: Ясы, Обезы и Касогы; придоша же на землю Половетскую, и Половцемъ ставшимъ, а Юрьи Кочаковичъ бѣ болій всѣхъ Половецъ, и не може стати противу лицу ихъ, но бѣгающе ему; а Половци не возмогше противитися имъ, побѣгоша, и мнози избіени быша, и гониша ихъ до рѣки Днѣпра, а иныхъ загнаша по Дону и въ лукоморя, и тамо изомроша и убиваемы гнѣвомъ Божиимъ и пречистыа его Матери. Много бо ти Половци зла створиша Руской земли; Богъ же отмщеніе створи надъ безбожными Куманы, сынами Измаиловыми, побѣдиша ихъ Татари и инѣхъ языкъ 7. Придоша всю страну Куманьску, и придоша близъ Руси, а Котякъ Половецкій князь со инѣми князи и со останкомъ Половецъ прибѣгоша, идѣже зовется валъ Половецкій, а Даниль Кобяковичъ, Юрьи Кочаковичъ убіена быста, а иніи мнози Половци прибѣгоша въ Рускую землю. Сей же Котякъ бысть тестъ князю Мстиславу Мстиславичю Галичскому, и прииде съ поклономъ съ князи Половецкими къ зятю Мстиславу, въ Галичь, и ко всѣмъ княземъ Рускимъ, дары принесе многы: кони, и вельбуды, буйволы, дѣвки, и одари всѣ князи Рускіа, глаголаша же къ нимъ сице: „нашу землю днесъ одолѣли Татари, а ваша заутра возмуть пришедь, то побороните насъ; аще ли не поможете намъ, то мы нынѣ иссѣчени будемъ, а вы наутреи иссѣчени будете“. И нача молитися Котякъ зятю своему о пособіи, а Мстиславъ нача мо[С. 130]литися братіи своей, княземъ Рускимъ, река: „аще мы, братіе, симъ не поможемъ, то предатся имъ же, да болши будетъ сила ихъ“; и тако думавше много, и яшася пособити Котяню, слушающе моленія Половецкихъ князей. Бывшу же

совѣту всѣхъ князей во граде Кіевѣ, сотвориша сице совѣтъ: „лучше бы намъ срѣсти ихъ на чужей земли, нежели на своей“; и начаша вой строити, кійждо свою власть. Тогда бѣ въ Кіевѣ князь Мстиславъ, сынъ Романовъ Ростиславича, а въ Чръниговѣ Мстиславъ Святославичъ Козельскій, а въ Галичѣ Мстиславъ Мстиславичъ, ти бо бяху старѣйшии въ Руской земли, князя же великого Юрья Всеволодича Суздальскаго въ томъ совѣтѣ не было; съ ними же князи молодіи: князь Данило Романовичъ сынъ Мстиславича, князь Михайло Всеволодичъ Чръниговскій внукъ Святослава Олговича, князь Всеволодъ сынъ Мстислава Кіевскаго, и иніи князи мнози; тогда князь великій Половецкій крестися Басты, а Василка же не бѣ, въ Володимери младъ. И съвокупиша землю Рускую всю противу Татаромъ, и придоша къ рѣцѣ Днѣпру на Зарубъ ко острову Варяжьскому. Увѣдаша же Татарове, яко идуть князи Рустіи противу имъ, и послаша послы ко княземъ Рускымъ, ркуше: „се слышимъ, оже противу насъ идете, послушавше Половецъ, а мы вашей земли не заяхомъ, ни городовъ вашихъ, ни сельъ, ни на васъ придохомъ; но придохомъ, Богомъ попущени, на холопы наша и на конюси своя, на поганыя Половци, а вы возьмите съ нами миръ, зане рати съ вами намъ нѣтъ; а еще побѣжать къ вамъ Половци, а вы ихъ бейте отъ себе, а товаръ емлите себѣ, слышахомъ бо яко много зла и вамъ творять, того деля мы ихъ отъ себе бьемъ“. Князи же Рустіи того не послушаше, но и послы Татарскія избиша, а сами поидоша противу; и не дошедше Ошелья, сташа на Днѣпрѣ. И послаша Татарове другія послы, глаголюще: „еще есте послушали Половецъ и послы есте наши избили, а идете противу намъ, то вы поидите; а мы васъ не замали ничемъ, а всѣмъ намъ Богъ“; и отпустиша послы ихъ. И приде же ту вся земля Половецкаа и вси князи, а изъ Кіева князь Мстиславъ со всею силою, а Володимеръ Рюриковичъ со Смолняны, и вси князи Рустіи, и вси князи Чръниговскіи, и Смолняне и иніи страны. Тогда же князь Мстиславъ Галичскій перебродися Днѣпръ въ тысящи вой на сторожи Татарскіи, и побѣди а, а останокъ ихъ побѣже съ воеводою съ Гемебякомъ, и ту имъ не бѣ помощи; погребоша же воеводу своего Гемебяка живаго въ землю, хотяще живаго ублюсти, и ту наидоша его; испросивше же Половци, убиша его. Слышавше же то князи Рустіи, поидоша вси вкупѣ

за Днѣпръ на множество лодій, а Галичане и Волынци кїждо со своими князи, а Куряне, и Трупчане и Путивльцы прїдоша кїждо со своими князи; прїдоша же и выгонцы Галичьскїе въ лодьяхъ по Днѣстру, и выидоша въ море, бѣ бо лодій 1000, и войдоша въ рѣку Днѣпръ, и возведоша пороги, и стаха у рѣки Хортици на бродѣ на протолчьи; бѣ же с ними Домарѣвичь Юрьи и Дрѣжикрай Володиславичь. Пришедши же вѣсти во станы, яко пришли суть подсмотрити олядіи Рускія, слышавше Даниль Романовичь, и всѣдъ на конь гна, и сущїи конници и инїи мнози князи съ нимъ гнаша, видѣти рати; онѣмъ же шедшимъ, Юрьи же имъ сказаха, яко стрѣлци суть, пуща и Половецъ; [С. 131] инїи же мльвяху, яко прости людіе суть; Юрьи же Домарѣвичь мльвяхе: „ратници суть и добра воя“. И прїѣхавше сказаха Мстиславу, Юрьи же все сказа, и рекшимъ молодымъ княземъ: „Мстиславе и другїй Мстиславе! Не стоите, поидемъ противу имъ“. Преидоша же вси князи рѣку Днѣпръ, и поидоша на конихъ въ поле Половецкое, и усретоша Татарове полкы Рускія; стрѣлци же Рускія побѣдиша ихъ и гнаша въ поле далече, сѣкуще ихъ, и взяша скоты ихъ, а со стады утекоша, яко всѣмъ воємъ наплѣнитися скота. Оттуду же идоша по нихъ 8 днїй до рѣки Калкы, и ту срѣтоша сторожеве Татарьстїи, и удариша на пѣлци Рустїи, сторожеве же бишася съ полкы Рускіими, и убіенъ бысть ту Іоанъ Дмитреевичь и ина два съ нимъ; Татаромъ же отѣхавшимъ, и на прежереченней рѣцѣ Калцѣ усрѣтоша Татарове Половецкія полки и Рускія. Князь же Мстиславъ Мстиславичь повелѣ преди переити рѣку Калку Данилови съ полкы и инѣмъ полкомъ съ нимъ, а самъ по нихъ переиде; и зашедше за рѣку за Калку, и послаха во сторожехъ Яруна съ полки и съ Половци, а сами станомъ стаха ту, а князь Мстиславъ ѣха вборзе послѣ. Видѣвшу же ему полки Татарьскїа, и прїѣхавъ вооружитися повелѣ вборзѣ; а княземъ Мстиславу и другому Мстиславу, сѣдящимъ во стану, а не вѣдущимъ того, не повѣда бо има Мстиславъ Мстиславичь зависти ради, бѣ котора межи има велика. Сшедшимъ же ся полкомъ въ мѣсто, Даниль же выѣха напередъ, и Семень Олюевичь и Василко Гавриловичь, и разыдошася въ полкы Татарьскїа. Василкови же сбодену бывшу, а Данилу бодену бывшу въ перси, не чюяше же раны младенчества ради и буети, бывшей на тѣлеси его; бѣ бо лѣтъ 18, но крѣпокъ бѣ

на брань. Избивающу же ему Татары мужественѣ, видѣвъ же то Мстиславъ Нѣмый, мнѣвъ яко Данило прободенъ бысть, и потече тѣмъ на нихъ; бѣ бо той мужъ крѣпокъ, понеже ужика сы Роману, отъ племени Володимеря Манамаша: бѣ бо велику любовь имѣя ко отцю его, яко по смерти своей власть свою дая князю Данилови. Татаромъ же бѣгающимъ, Данилови же избивающу ихъ своимъ полкомъ, и Олгови Курьскому крѣпко бьющуся съ ними, тогда же Ярунъ и иніи полци Половечстїи съступишася съ ними, хотяще битися; паки же воскорѣ побѣгоша Половци, и потопташа бѣжаще станы Рускихъ князь, а князи не успѣша оплѣчитися противу ихъ, и смятошася вси полци Рустїи, и бысть сѣча зла и люта, грѣхъ ради нашихъ Рускимъ полкомъ побѣжденомъ бывшимъ. Данилъ же видевъ, яко крѣпчае брань Татарьскаа належить, обрати конь свой и побѣже от устремленїа противныхъ, и вжада воды и пїи, и почюти рану на тѣлеси своемъ, во брани же не позна ея крѣпости ради мужества возраста своего; бѣ бо дрзъ и храборъ, и не бѣ ни въ чемъ же ему зарока. И бысть побѣда на вси князи Рускіе, ака же не бывала отъ начала Руской земли никогда же. Видевъ же се великій князь Кїевскїй бывшее зло, и не движесе никамо же съ мѣста; сталь бѣ на горѣ надъ рѣкою Калкою, бѣ бо мѣсто каменисто, и ту учиниша городокъ с кольемъ, и бися съ ними изъ города по 3 дни. А иніи Татарове поидоша послѣ Рускихъ князей, бьющее ихъ и до Днѣпра, а у города осташася два воеводы, Чегырканъ и Тешуканъ, на князя Мстислава, и на зятя его на Андреа, на Александра Дубровьского; бѣста [С. 132] бо ту 2 князя со княземъ Мстиславомъ. Ту же и Бродници быша старыи, и воевода ихъ Плоскиня, и ту окаанній даша роту ко князю Мстиславу и обѣма князема, яко не избити ихъ, но пустити ихъ на искупъ, и солгалъ окаанній предасть ихъ, связавъ, Татаромъ, а городъ взяша, людей же изсѣкоша, а князей подкладоша подъ дски, и сѣдоша врѣху ихъ обѣдати, и тако ту скончаша князи животь свой. А инѣхъ князей гонячи до Днѣпра 6 убиша: князя Святослава Каневьского, Изяслава Инговорьского, Святослава Шумьскаго, Мстислава Чръниговьского со сыномъ, Юрья Несвѣжьскаго, а вой только 10-й прїиде; и Александръ Поповичъ ту убиенъ бысть со инѣми 70-ю храбрыхъ. Князь же Мстиславъ Мстиславичъ тогда преже всѣхъ пребѣже Днѣпръ и перевезся за нь, повелѣ ладїи

жещи, а иные сѣщи и отринуты отъ берега, бояся по себѣ погони отъ Татарь, а самъ едва убѣже отъ Татарь въ Галичь; а молодіи князи прибѣжали въ малѣлюдіи, а князь Володимерь Рюриковичъ прибѣгъ въ Кіевъ, всѣдъ на столъ. Си же сключися отъ Татарь мѣсяца іюня 16. Татаромъ же побѣдившимъ Рускіа князи, за прегрѣшеніе христіанское, и дошедшимъ имъ до Новагорода Святоплѣчскаго, Русь же, не вѣдяху злобы и лъсти Татарьскіе и ненависти на христіанъ, исхождаху противу имъ со кресты, они же избиваху всѣхъ. Милостивый человѣколюбець Богъ, ожидая покаянiа христіанскаго, обрати Татарь воспять отъ рѣкы Днѣпра на землю восточную, и повоеваша землю Таногутскую и ины страны; тогда же и Чаногизъ канъ убіенъ бысть. Се же бысть намъ за грѣхы наша, Богъ вложи недоумѣніе въ насъ, и погибе множество людій, и бысть вопль и воздыханіе и печаль по всѣмъ градомъ и по волостемъ; и глаголаху же сице, яко единѣхъ Кіанъ изгибе тогда 10 000. Егда же почаша князи съвокупляти полкы своя противу безбожныхъ Татарь, тогда же и въ Володимерь послашася ко князю Юрью Всеволодичю помощи просяще; онъ же посла къ нимъ сыновца своего Василька Костянтиновича съ Ростовци и съ прочими вои. Василко же поиде воскорѣ, но не успѣ пріити къ нимъ, но бывшу ему у Чрънигова и слыша зло, створившееся надъ Рускыми князи, и возвратися воспять, сохраненъ Богомъ и силою креста честнаго, и пріиде во свой Ростовъ, славя Бога и святую Богородицю. Сихъ же злыхъ Татарь Таурмень не свѣдаемъ откуда быша пришли на насъ и камо ся дели опять».

Список 50-х — 60-х гг. XVI в.

***Полное собрание русских летописей. Т. XXIV.
Типографская летопись. М., 2000. С. 87—91***

[С. 87] «**О побоищи иже на Калкахъ.** В лѣто 6731, по грѣхомъ нашимъ, пріидоша языци незнаемии, при великомъ князи Мстиславѣ Романовиче, внуце Ростиславлѣ Мстиславича, пріидоша бо неслыханіи безбожніи Моавитяне, рекоміи Татарове, ихже добръ ясно никтоже свѣсть, кто суть и откоудоу пріидоша и что языкъ ихъ и которого племene соуть и

что вѣра ихъ. Зовуть же ся Татарове, а ины глаголють Таоурмены, а друзіи Печенѣзи, инии же глаголють, яко си суть, о нихже Мефодій, епископъ Патормскій, свидѣтельствуеть, яко си суть вышли ис пустыня Етровскія, сущии межи востокомъ и сѣвромъ, къ скончанію времени явитися имъ, ихже загна Гедеонъ, и поплѣняютъ всю землю отъ востока и до Ефрата и отъ Тигръ до Понтъскаго моря, кроме Ефеопіа. Про сихъ же слышахомъ, яко многи страны поплѣниша: Ясы, Обезы и Косагы, придоша же на землю Половецъскоую, [С. 88] и Половцемъ ставшемъ, а Юрьи Кончаковичъ бѣ болій всѣхъ Половецъ, не може стати противу лицу ихъ, но бѣгающу ему, а Половцы, не возмогше же противися имъ, побѣгоша, и мнози избѣени быша. И гониша ихъ до рѣкы Днѣпра, а иныхъ загнаша по Дону и в лоукоу моря, и тамо измроша, оубиваеміи гнѣвомъ Божиимъ и пречистыа его Матере. Много бо ти Половци зла сѣтвориша Роуской земли. Богъ же отмщеніе сѣтвори надъ безможными Куманы, сынъми Измаиловы: победиша ихъ Татари и инѣхъ языкъ 7, придоша всю страну Коуманскую и придоша близъ Руси. А Котякъ, Половецкій князь, съ инѣми князми и съ останкомъ Половецъ прибѣгоша, идеже зовется валъ Половецкій, а Данилъ Кобяковичъ и Юрьи Кончаковичъ оубиена быста, а ини Половци мнози прибѣгоша в Рускою землю. Сей же Котякъ бысть тестъ князю Мстиславу Мстиславичю Галичъскому. И приде с поклономъ съ князи Половецкими к зятю князю Мстиславу в Галичъ и къ всемъ княземъ Роускимъ и дары принесе многы: кони и вельблуды, боуволы и дѣвки и одари все князи Роускіа, глаголаша к нимъ сице: „Нашю землю днесъ отъяли Татарове, а вашу заоутра возмутъ, пришедъ, то побороните насъ; аще ли не поможете намъ, то мы нынѣ иссечени будемъ, а вы на оутрее иссечени будете“. И нача молитися Котякъ зятю своему о пособи. А Мстиславъ нача молитися братии своей, княземъ Русскимъ, река: „Аще мы, братіе, симъ не поможемъ, то предадутся им же, боудеть то болши сила ихъ“. И тако думавше много и яшася пособи Котяню, слушающе же моленія Половецкихъ князей. Бывшу же сѣвѣту всѣхъ князей въ градъ Киевѣ, створиша сиць совѣтъ: „Лоучшіи бо намъ стрѣтити ихъ на чужой земли, не жели на своей“. И начаша вои строити, кыйждо свою власть. Тогда бѣ в Киевѣ князь Мстиславъ, сынъ Романовъ Ростис-

лавича, а в Черниговѣ Мстиславъ Святославичъ Козельскій, а в Галиче Мстиславъ Мстиславичъ. Тии бо бѣяху старѣйшии в Роуской земли, с ними же князи млади: князь Данило, Романовъ сынъ, Мстиславича, князь Михайло Всеволодичъ Черниговскій, внуокъ Святославль Олговича, князь Всеволодъ, сынъ Мстислава Киевскаго, и ини князи мнози. Тогда князь великий Половечскій крестися, Басты. И совокоупиша землю Роускоюю всю противу Татаромъ и придоша к рецѣ Днѣпру на Зарубѣ, ко острову Варяжьскому. Оувѣдаша же Татарове, яко идоуть князи Роустіи противу имъ, и послаша послы ко княземъ Рускымъ, ркоуще: „Се слышимъ, оже противу насъ идете, послоушавше Половецъ, а мы вашей земли не заяхомъ, ни городовъ вашихъ, ни селъ, ни на васъ придохомъ, но придохомъ Богомъ попоущени на холопи наши и на конюси своа, на поганыа Половцы, а вы възмите с нами миръ, зане рати с вами намъ нетъ. А аще побезать к вам Половци, а вы ихъ бейте отъ себе, а товаръ емлите себе, слышахомъ бо, яко много зла и вамъ творять, того же дѣля мы ихъ отселе бьемъ“. Князи же Роустіи того не послушаша, но и послы Татарскіа избиша, а сами поидоша противу имъ и, не дошедше Отшелиа, сташа на Днѣпрѣ. И прислаша Татарове другыа послы, глаголюще: „Аще есте послоушали Половецъ и послы есте наши избили, а идете противу намъ, то вы поидете, а мы [С. 89] васъ не замали ничимъ, а всѣмъ намъ Богъ“. И отпустиша послы ихъ. Приде же тоу вся земля Половецская и вси [и]хъ князи, а ис Киева князь Мстиславъ со всею силою, а Володимеръ Рюриковичъ со Смолняны и вси князи Роустіи и вси князи Черниговстии и Смолняне и иніи страны. Тогда же князь Мстиславъ Галичскій перебродися Днѣпръ въ тысящи вой на сторож[и] Татарскіа и победіа, а останокъ ихъ побеже с воеводою с Гемябѣкомъ. И тоу имъ не бѣ помощи. Погребоша же воеводу своего Гемябѣка живого в землю, хотяще живаго оублюсти, и ту наидоша его; испросивше же Половци, оубиша его. Слышавше то князи Рустіи, поидоша вси вкупе за Днѣпръ на множество лодій, а Галичанѣ и Волынци кыйждо съ своими князми, а Коуряне и Трубчяне и Поутивълцы придоша кыйждо съ своими князи. Придоша же и выгонцы Галичскіе в лодіахъ по Днѣпру и выидоша в море, бѣ бо лодій 1000, и воидоша в рѣкоу Днѣпръ и возвѣдоша пороги и сташа оу реки Хортици на бродѣ, на

протолчы; бѣ же с ними Домарѣвичь Юрьи и Держикрай Володиславичь. Пришедше вѣсти в станы, яко пришли соуть подсмотри олядии Русскія. Слышав же Даниль Романовичь и всѣдъ на конь гна, и соущи с нимъ конници и ини мнози князи с нимъ гнаша видѣти рати. Онѣм же шедшемъ, Юрьи же имъ сказаша, яко стрѣлцы соуть, инии же молвяху, яко прости людие соуть, пуще и Половецъ. Юрьи же Домарѣвичь молвяхе: „Ратници соуть и добраа воа“. И приехавше, сказаша Мстиславу. Юрьи же все сказа. И рекшимъ молодымъ княземъ: „Мстиславе и другий Мстиславѣ, не стойте, поидемъ противу имъ“! Придоша же вси князи рѣкоу Днѣпръ и поидоша на конихъ в поле Половецкое. И оустрѣтоша Татарове полкы Роускія, стрѣлцы же Роустии победиша ихъ и гнаша в поле далече, сѣкуще ихъ, и взяша скоты ихъ, а стады оутѣкоша, яко всѣмъ воемъ наполнися скота. Оттоудоу же идоша по нихъ 8 дний до рѣкы Калкы. И тоу сретоша сторожеве Татарѣстии, и оудариша на Половцы Русстии. Сторожеве же бишяся с полкы Роусскими, и оубьень бысть тоу Юань Дмитреевичь и ина два с нимъ. Татаром же отѣхавшемъ и на прочнѣ рѣце Калцѣ оусретоша Татарове Половецкые полки и Роусские. Князь же Мстиславъ Мстиславичь повелѣ переити реку Калку Данилови с полкы и инѣмъ полкомъ с нимъ, а самъ по нихъ переиде. И зашедше за рѣкоу за Калку и послаше въ сторожехъ Яроуна с полкы и с Половцы, а сами станомъ сташа ту, а князь Мстиславъ самъ ѣха вборзѣ после. Видѣвше же ему полкы Татарскія и приехавъ, вооружитися повелѣ вборзѣ, а князь Мстиславу и другому Мстиславоу сѣдяхемъ въ стану, а и не вѣдущимъ того, не повѣда бо имъ Мстиславъ Мстиславичь зависти ради, бѣ бо котора межъ има велика. Сшедшимся полкомъ вмѣсто, Данил же выѣха напередъ и Семень Олюевичь и Василко Гавриловичь, и разишяся в полкы Татарскія. Василкови же сбодену бывшую, а Данилоу боудену бывшу въ перси, не чюаше же раны, младеньства ради и боусте, бывши на телеси его, бѣ бо лѣтъ 18, но крѣпокъ бѣ на брань. Избивающю же ему Татары мужественѣ, видѣв же то Мстиславъ нѣмый, мнѣвъ, яко Даниль сбоденъ бысть, и потче и тѣй на нихъ, бѣ бо и [С. 90] тѣй мужъ крѣпокъ, понеже оужика сый Роману, отъ племени Володимеря Манамаша, бѣ бо великоу любовь имѣа къ отцоу его, яко по смерти своей власть всю даа князю Данилови.

Татаром же бѣгающимъ, Данилови же избивающую ихъ своимъ полкомъ и Олгови Коурскому крѣпко бьющуюся с ними, тогда Яроунъ и ини полцы Половедстїи сстоупишася с ними, хотяще битися. Паки же вскоре побегоша Половци и потопташа, бѣжаще, станы Роусскихъ князей, а князи не оуспѣвше ополчитися противу ихъ и смятошася вси полцы Роусстїи, и бысть сѣча зла и люта, грѣхъ ради нашихъ. Роусскимъ полкомъ побѣжденомъ бывшимъ, Данил же, видѣвъ, яко крѣпчае брань Татарская належитъ, обрати конь свой и побеже отъ оустремленїе противныхъ. И вжада воды, пий и почюти рану на телеси своемъ, въ брани же не позна еа, крѣпости ради мужества возраста его, бѣ бо дрзъ и храбръ, и не бѣ ни в чем же емоу зарока. И бысть побѣда на всѣ князи Роускіа, ака же не бывала отъ нача[ла] Роуской земли никогда же. Видѣ же се великій князь Мстиславъ Кыевскїй бывшее зло, и не движесе никакоже с мѣста, сталъ бо бѣ на горѣ надъ рѣкою Калкою. Бѣ бо мѣсто каменисто, и тоу оучиниша городъ с колиемъ, и бїся с ними изъ города по 3 дни. А ини Татарове поидоша послѣ Роусскихъ князей, бьюще ихъ и до Днѣпра, а оу города осташа два воеводы, Чегирканъ и Тешоуканъ, на князя Мстислава и на зятя его на Андрѣа і Александра Дубровскаго. Бѣста бо ту два князя со княземъ Мстиславомъ, ту же и Бродници быша старыи и воевода ихъ Плоския, и той окаанный цѣлова крестъ ко князю Мстиславу и обѣма князема, яко не избити ихъ, но поустити ихъ на искоупъ, и сългавъ окаанный, предасть ихъ, связавъ, Татаромъ, а городъ взяша, людей же исѣкоша, а князей подклаша под [д]ски и сѣдоша врѣху ихъ обѣдати, и тако ту скончаша князи животь свой. А инѣхъ князей, гонячи до Днѣпра, б оубиша: князя Святослава Каневскаго, Изяслава Иговорскаго, Святослава Шюмскаго, Мстислава Черниговскаго съ сыномъ, Юрѣа Несвѣжскаго, а вои толико десятый прииде. І Александръ Поповичъ тоу убьенъ бысть съ инѣми седмьюдесятъ храбрыхъ. Князь же Мѣстиславъ Мстиславичъ тогда преже всѣхъ перебеже Днѣпръ и перевезся зань, повелѣ ладии сжещи, а иные сѣщи и отринуты отъ берега, бояся по себѣ погони отъ Татаръ, а самъ едва оубежа в Галичь, а молодїи князи прибежали вмале людей, а князь Володимеръ Рюриковичъ прибѣгъ в Кїевъ, сѣде на столѣ. Сїи же злоба скончїся отъ татаръ мѣсяца іюня³⁴⁴ въ 16 день. Татаромъ же

победившимъ Роускіа князи, за прегрѣшеніе хрестыянское, и дошедшимъ имъ до Новагорода Святополчскаго, Русь же не вѣдяху злобы и лсти Татарскія и ненависти на хрестыанъ и схожаху противу имъ съ кресты, они же избиваху всѣхъ. Милостивый же человеклоубецъ Богъ, ожидаа покаанія хрестыанскаго, обрати Татары вспять отъ рѣкы Днѣпра на землю восточную и повоеваша землю Таноготскую и ины страны. Тогда же и Чаногыз, канъ ихъ, оубьень бысть. Се же бысть намъ за грѣхы наша, Богъ вложи недооумѣніе в насъ, и погубе множество людей. И бысть вопль и воздаханіе и печаль по всемъ градомъ и по волостемъ; гла[С. 91]голаху же сиче, яко единѣхъ Кианъ изгибе тогда 1000³⁴⁵. Егда же почаша князи Роусстіи совокоупляти полкы своя противу безбожныхъ Татаръ, тогда и въ Володимеръ послаша къ князю Юрью Всеволодичю, помощи просяще. Он же посла к нимъ сыновца своего Василка Костянтиновича с Ростовцы и прочими вои. Василко же поиде вскорѣ, но не оуспѣ пріити к нимъ. Но бывшую ему оу Чернигова и слыша зло, сътворшееся над Рускими князьми, и възвратися вспять, съхраненъ Богомъ и силою Креста честнаго. И пріиде въ свой Ростовъ, славя Бога и святую Богородицю. Сихъ же злыхъ Татаръ — Таормень не свѣдаемъ, откоудоу быша прішли на насъ и камо ся дѣли опять».

Список первой половины XVI в.

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. I. М., 2007. С. 493—495

[Степень VII] [С. 493] «Глава 5. О знамениихъ на небеси и о брани, иже на Калке рѣцѣ.

И паки Богъ по мѣрѣ гнѣвъ свои и съ безмѣрною милостию по малу наводя на ны многообразными наказанми, овогда убо гладомъ, овогда же смрътоно[С. 494]сиемъ, овогда же пожаромъ, иногда же плѣнениемъ отъ поганыхъ. Прежде же проявляя Богъ хотящии гнѣвъ Его быти на ны грѣхъ ради нашихъ многими знаменми небесными.

Знамение. В самыи бо праздникъ Благовѣщення Пресвятыя Богородица в поль утра явися над солнцемъ мѣсяць малъ

и наплънися вскорѣ, и не достиже наплънення своего яко триехъ дни, и наиде на нь облакъ чернь. Постоявъ же на немъ мало и съступи, и паки бысть малъ мѣсяць и нача на-полняться въскорѣ, и паки наступи тои же черныи облакъ, и сице бысть четверицею. Предваряше же тогда гладь велии.

Всѣми же сими знаменми и скорбьми преблагии Богъ хотя насъ свободити отъ работы грѣховныя, мы же не наказахомся. И попусти на ны приити языкомъ незнаемымъ, иже суть безбожнии моавитяне, рекомии татарове, их же добрѣ ясно никто же не вѣсть, кто суть, и откуда приидоша, и что языкъ ихъ и вѣра. Нѣции же зовуть ихъ таумены, а друзии — печенѣзи, инии же глаголють, яко суть о них же свидѣтельствуеть писание Мефодиа, епископа Патаромскаго, яко вышли суть ис пустыни Евтирииска, сущи межю вѣстока и сѣвера, идѣже загна ихъ Гедеонъ, и явитися имъ къ скончанию времени, и поплѣнять всю землю отъ вѣстока до Ефрата и отъ Тигръ до Понтиискаго моря кромѣ Ефиопиа. О сихъ слышахомъ, яко многиа страны поплѣниша: Ясы, Обезы и Касоги. Приидоша же на землю Половецкую, и многи половци изъбиени быша. Прочии же бѣжаша, гоними до рѣки Днѣпра, инии же по Дону разгнани быша в луку моря и тамо изомроша, убиваеми гнѣвомъ Божиимъ и Пречистыя Его Матери, понеже много зла сътвориша половци в Русьстѣи земли, его же ради всемилостивый Богъ хотя погубити безбожныя сыны Измаиловы куманы, отмщая кровь христьянскую.

Князь же половецкий именемъ Конъстантинъ и с прочими князьми прибѣжа на Русь к зятю своему князю Мстиславу Мстиславичю, тестю великаго князя Ярослава Всеволодича, и къ всѣмъ русьскимъ княземъ съ многими дарми и съ многимъ молениемъ, помощи прося. Мстислав же Мстиславичъ Галичский, и Мстиславъ Романовичъ Киевський, и Михаилъ Черниговський и инии младии князи Божиимъ попущениемъ идоша на помощь половцемъ за Днѣпръ рѣку, инии же выидоша Днѣпромъ в море и внидоша в ту же рѣку Днѣпръ, и възведоша пороги, и сташа у рѣки Хортици на бродѣ. И вкупѣ русь и половци доидоша татаръ и побиваху ихъ крѣпко, осмь дни гоняще ихъ за [С. 495] рѣку Калку; преидоша за ними мѣсяца июня 16. И тамо грѣхъ ради нашихъ бысть сѣча зла и побѣда губительна на князи русьския, иже не бысть такова отъ начала Русьския земли, идѣже и Александръ Поповичъ убиенъ бысть, с

ним же и инѣхъ 70 храбрыхъ. Глаголаху же, яко единѣхъ князеи погипе тогда 1000, кроме Мстислава Галичскаго, и Михаила Черниговскаго, и Владимира Рюриковича Киевскаго, сии князи токмо убѣжаша. Сию же злобу попусти на нас Богъ и недоумѣние вложи в насъ за грѣхи наша. Ожидаше же покаяния нашего, и възврати ихъ вспять от рѣки Днѣпра на землю вѣсточную; и повоеваша ю. Сихъ же злыхъ татаръ таурмень никто же вѣсть, откуда придоша и паки камо ся дѣли. Всего же русьскаго воинства токмо десятая часть придоша въ свояси.

Велиции же князи Георгии и Ярославъ Всеволодичи не быша на брани тои, но каждо въ своей дръжавѣ».

Список первой половины 1560-х гг.

Полное собрание русских летописей. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 27—28 (первой пагинации). (Рогожский летописец)

[Стб. 27] «**На Калцѣ побоище.** Въ лѣто 6734 прїдоша Татарове на землю Половечьскую и на вежи ихъ, а Котянъ князь Половечьскый бѣ тесть Мьстиславу князю Черниговскому и посла Котянъ къ зятю своему Мьстиславу съ поклономъ и дары многы злато, кони, паволокы и рыкыи (sic) сице: „шли дары по Русскимъ княземъ, днесъ насъ не будетъ, а вас завтра“. И съвокупишася князи Роусстїи съ силою многою и се слышавше Татарове прислаша 10 мужъ съ поклономъ: „мы васъ не занимаемъ, ни градовъ вашихъ, нъ идемъ на свои конюси, на Половци“. И не послушаша ихъ князи Роусстїи, а ту 10 мужъ оубиша. И поидоша Русь противу съ силою своею 17 днїи и се оувѣдавше Татарове прислаша къ кня[земъ] роусскимъ глаголюще: „мы на васъ не посягли ни чимже [а вы] на насъ идете, да судить Богъ между вами и нами“ и по[идоша] Татарове противу имъ и съступившимся [Стб. 28] [имъ обомимъ] и бысть побоище страшно на рецѣ Калцѣ и [побѣени б]ыша Половци отъ Татаръ и потомъ Русь и [князей па]де множество, а людїи бес числа, а иныхъ [...изы]маша. Тогда оубиша Александра Попо[в]ича. Сїе зло бысть] и юнїа 16».

Список второй четверти XV в.

***Полное собрание русских летописей. Т. XVI.
Летописный сборник, именуемый летописью
Авраамки. М., 2000. Стб. 49—50***

[Стб. 49] «В лѣто 6732. [...] И того же лѣта придоша Татарове на землю Половецкую и на вежи ихъ. Акотянь, князь Половецкый, бѣ тѣсть Мьстиславу, князю Черниговьскому, и посла Акотянь къ зятю своему Мьстиславу с поклономъ и съ многими дарми: злато, кони, паволокы, а ркя тако, „шли дары по Рускымъ княземъ: днесъ [Стб. 50] насъ не будетъ, а утро васъ“. И совокупишася Рускыи князи съ многою силою, и се слышавше Татарове прислаша 10 мужь с поклономъ: „мы вас не заимаемъ, ни вашихъ градовъ Рускыхъ, но идемъ на своихъ конюховъ, на Половци“. И не послуша ихъ Рускыи князи, а ту 10 мужь побиша, и поидоша Русь противу съ силою своею, 17 дній. И се увѣдавше Татарове, прислаша къ княземъ Рускымъ: „мы на васъ не посягли ничимъ, а вы на насъ идете, ти судить Богъ межи нами и вами“. И поидоша татарове противу имъ, и снемшимся полкомъ обоимъ, и бысть побоище велико зѣло на рець Калкъ. И побіени быша Половци отъ Татаръ, а потомъ Руси 11 князей паде, и множество людій бесчислено, оныхъ избыша, а инія изымаша. Сіе зло бысть Іюня 16».

Список конца 60-х — начала 70-х гг. XV в.

***Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 1.
Новгородская четвертая летопись. М., 2000.
С. 202—203***

«В лѣто 6732. [С. 202] Приидоша Тотари на землю Половецкую и на вежи ихъ. Котянь, князь Половецкый, бѣ тѣсть Мьстиславу, князю Черниговьскому, и посла Котянь к зятю своему с поклономъ дары многы, злато и коні, паво[ло]кы, а глаголюще тако: „шли дары по Рускымъ княземъ; днесъ насъ не боудеть, а вас заутра“. И съво[ку]пшася князи Рустіи съ силою многою, и, се слышавше, Тотари прислаша 10 моужи с поклономъ: „мы васъ не заимаимъ, ні градовъ вашихъ Роустихъ, но идемъ на свои конюсѣ, на Половци“. И не послушася ихъ Роустіи князи, а тую 10 моужь побиша, а идоша Русь противоу 17 днии, и, се

оувидѣвше, Тотари прислаша къ княземъ Рускимъ: „мы на васъ не посягли ні чѣмъ, а вы на насъ идете; то судить Богъ межъ вами и нами“. И снемъшимся полкомъ обоимъ, и бысть на Калкахъ брань велика; и побѣдиша поганіи Тотари Половецъ и князеи [С. 203] Роускихъ, и Роускаа сіла падѣ. Тогда оубиенъ отъ Татаръ надъ рѣкою над Калкомъ великии князь Киевскіи Мстиславъ Романовичъ, княживъ лѣтъ 10, а иныхъ князеи 10; оубиша Александра Поповича, а с нимъ богатырь 70, и людеи множество, не бѣ числа, а иныхъ князеи руками яша. То первое выходженіе Тотарское на Русь; се же зло здѣяше іюня 16».

Список последней четверти XV в.

***Полное собрание русских летописей. Т. XLII.
Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.
С. 111***

«В лѣто 6732. [...] Калоч[ское] побо[ище]. Приидоша тотарове на землю Половецкую и на вежи их. А Котян, князь Половецкыи, бѣ тесть Мстиславу, князю Черниговскому, и посла Котянь к зятю своему с поклоном дары многы: злато, кони, паволокы, а рка тако: „Шли дары по рускимъ князем, днесъ нас не будет, а вас заутра“. И съвокупишяся князи рускіе съ силою мноюю, и се слышав татары, прислаша 10 муж с поклоном: „Мы вас не занимаем, ни градовъ ваших русских, но идем на свои конюси на половци“. И не послушаше их рускіе князи, а тѣх 10 муж побиша. И идоша Русь противу 17 днии. И се увѣдѣвше, тотари прислаша княземъ рускимъ: „Мы на вас не посягли ничим, а вы на нас идете, то судить Богъ межъ вами и нами“. И снесшимся плъкомъ обоимъ, и бысть на Калкахъ велика брань, и побѣдиша поганіи тотари половецъ и князеи русских, и рускаа сила паде. Тогда убиенъ бысть от татаръ над рѣкою над Калкомъ князь великыи Киевскыи Мстислав Романович, княживъ лѣтъ 10, а иныхъ князеи 10 избиша, и Олександра Поповича, а с нимъ богатырь 70, а люди не бѣ числа, а иныхъ князеи руками яша. То первое выходженіе тотарское на Русь, се же зло сдѣяся іюня 16».

Список конца XV — начала XVI в.

***Полное собрание русских летописей. Т. XLIII.
Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского.
М., 2004. С. 85***

«В лѣто 6732. [...] Приидоша татаро на землю Половецкую и на вежи их. А Котян, князь Половецкый, бѣ тесть Мстиславу, князю Черниговскому, и посла Котян к зятю своему с поклономъ дары многи, злато и кони, паволоки, а рка тако: „Шли дары по рускымъ княземъ днесь, но нас [не] будеть, а вас заутро“. И совокупишася князи рускии съ силою многою, и се слышавше татарове, прислаша 10 муж с поклономъ: „Мы вас не заимаемъ ни градов русских, но идемъ на свою конюсь, на половци“. И не послуша их руския князи, а ту 10 муж побиша. И идоша русь противу 17 днии. И съ и увидѣвше, тотари прислаша ко княземъ рускимъ: „Мы на вас не посягли ничим, а вы на нас идете; ту судить Богъ меж вами и нами“. И снемшемся полком обогимъ, и бысть на Калках брань велика; и победиша погании татарии половецъ и князеи русских, и руская сила паде. Тогда убьен бысть от татар великий князь Киевский Мстислав Романович над рекою над Калкомъ, княживъ лѣтъ 10, а иных князеи 10 убиша; Александра Поповича, а с нимъ богатырь 70, и люди множество, безчисла, а иных князеи руками яша. То 1-е выхожение татарское на Русь. Се же зло дѣяся июня 16».

Список 90-х гг. XVI в.

***Полное собрание русских летописей. Т. XXII.
Русский Хронограф. М., 2005. С. 396***

«В лѣто 731 брань бысть велика на Калкахъ всѣмъ княземъ Русскимъ с погаными Половци. И побиша погании много князей Русскихъ и воинство истопиша в рець безчислено множество. Тогда же оубиша Александра Поповича и иныхъ многихъ такихъ же богатыревъ».

Список первой половины XVI в.

***Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1.
Псковские летописи. М., 2003. С. 11.
(Псковская 1-я летопись. Тихановский список)***

«В лѣто 6732. Бишася суздальцы с Татары на Калках, и избиша Тотарове суздальцевъ, месяца маия 31 день. От втораго пренесения мощи святую новоявленную мученику Бориса и Гльба до взятія Киевъского 87 лѣтъ. От взятія Киевского до Калковъ лѣтъ 20. От Калков а до потрясения земли 8 лѣтъ».

Список XVII в.

***Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2.
Псковские летописи. М., 2000. С. 21.
(Псковская 2-я летопись. Синодальный список)***

«В лѣто 6732. Бишася соуздальци с Татары на Калках, и избиша соуздальцев маиа 31».

Список середины 80-х гг. XV в.

***Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2.
Псковские летописи. М., 2000. С. 78.
(Псковская 2-я летопись. Строевский список)***

«В лѣто 6732. Бишася соуздальци с Тотары на Калках, и избиша соуздальцовъ мая 31 день. А от втораго принесения до взятъя Киевскаго 87 лѣтъ. А от взятъя Киевскаго до Калковъ лѣтъ 20. А от Калковъ до потрясения земли 8 лѣтъ».

Список времени около 1560 г.

***Полное собрание русских летописей. Т. XXX.
Владимирский летописец. Новгородская вторая
(Архивская) летопись. М., 2009. С. 85.
(Владимирский летописец)***

«В лѣто 6731. [...] Того же лѣта бысть всѣмъ княземъ Руским бои на рецѣ на Калкѣ с Половци; Олександра По-

повича убиша, иных багатыреи многихъ, и Киевъ взяша. Си злоба стася мѣсяца мая 30».

Список XVI в.

Полное собрание русских летописей. Т. XXXIV. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978. С. 83. (Пискаревский летописец)

[В составе летописи дошла только первая часть повести о битве на Калке]

[С. 83] «**О поб[о]ище, иже на Калках. В лето 6731** по грехом нашим приидоша языцы незнаемы при великом князе киевском Мстиславе Романовиче, внуце Ростиславле Мстиславича. Приидоша бо неслышании безбожни моявитяне, рекоми татарова, их же добре ясно ничто же съвесть, кто суть и откуда приидоша, и что язык ихъ, и которого племени суть, и что вера их; зовут же я татарове, а ини глаголют таурмени, а други — печенези, инии глаголют, яко си суть, о них же Мефодий, епископ паторомский, сведетельствует, яко вси суть вышли ис пустыня Етривския, сущи межди востоком и севером, по скончанию времени явитися им; их же загна Гедеон; и попленают всю землю от востока и до Ефрата и от Тигр до Понтъскаго моря, кроме Ефиопия. При сих же слышахом, яко многи страны поплениша: Ясы, Обезы и Косаги. Приидоша же на землю Половецкую, и половцем ставшим, а Юрьи Кончакович болии всех половец не може стати противу лицу их, но бегаючи ему; а половцы не може противитися им, побегоша, и мнози избиении быша; и гониша их до реки Днепра, а иных загониша по Дону и в лукомория, и тамо изомроша, убиваемы гневом божиим и пресвятыя его матере, много бо ти половцы зла сотвориша Руской земле. Богъ же отмщение сотвори над безбожными куманы, сыны Измайловы, победиша их татары, инехъ язык 7, проидоша землю Куманскую и придоша близ Руси. А Котяк, половецкий князь, со инеми князи и со останком половец прибегоша, иде же зоветца вал Половецкий. А Данил Кобякович и Юрьи Кончакович убиена быста. А иных мнози половцы прибегоша в Рускую землю. Сей же Котяк бысть тесть князю Мстиславу Мстиславичю галическому. И прииде с поклоном со князи половецкими къ зятю князю Мстиславу в Га-

лич и ко всем князем руским, и дары принесе умноги: кони и вельблюды, буйволы и девки. И одари всех князей русских, глаголаше к ним сице: „Нашю землю днесь отъяли татаровя, а вашу заутро возьмут, пришедше; то пообороните; аще ли не поможете нам, то мы ныне изсечени будем, а вы наутри изсечени будете“. И нача молитися къ зятю своему о пособии. Мстислав нача молитися братием своим князем руским, река: „Аще мы, братие, сим не поможем, то предадутся им же, то больши будет сила их“. И тако думавше много, яшася пособити Котяку, слушающе же моления половецких князей. Бывшу жь совету всех князей, и во граде Киеве сотвориша сице совет: „Лутше бо нам сретити их на чужей земле, нежели на своей“. И начаша вои строити киждо свою власть. Тогда бе в Киеве князь Мстислав, сын Романов Ростиславича, а в Чернигове Мстислав Святославич козельский, а в Галиче Мстислав Мстиславич; тии бо бяху старейшии в Руской земле, с ними же князи млады: князь Данило Романов сын Мстиславича, князь Михайло Всеволодичь черниговский, внук Святославль Ольговича, князь Всеволод, сын Мстислава киевскаго, и ины князи многи. Тогда князь великий половецкий крестися Бастый. И совокупиша землю Рускую всю противу татаром. И приидоша к реце Днепру на ко острову Вряжскому. Уведаша же татарове, яко идут князи рустии противу им, и послаша послы ко князем руским, рекуще: „Се слышахом, оже противу нас идете, послушавше половец; а мы вашей земли не яхом, ни градов, ни сел и не на вас придохом, богом попушеннии на холопи ваши и на конюхи сво[и] на поганые половцы; а вы возьмите с нами мир; аще побежит к вам половеци, и вы их бейте, а товар себе емлите; слышахом, яко и вам зло творят“. Князи же тово не послушаше и послы побиша, а сами идоша противу им. И прислашя татарове другия послы, глаголя: „Идете противу нам, послы наши избили, а мы вас не замали“. И отпустиша послов их. Опять прииде же к руским князем Половецкая земля, а ис Киева князь Мстислав со всею силою, а Владимир Рюрикович с смольняны, и вси князи рустии. И тогда князь Мстислав галический перебродеса Днепр в тысеци вои на сторожи татарския и победи я, а останок их побеже с воеводою с Гемябеком. И ту им не бе помощи, и погребошя воеводу своево Гемябека жива в землю».

Список первой половины XVII в.

*Полное собрание русских летописей. Т. XVIII.
Симеоновская летопись. М., 2007. С. 52*

[В составе летописи дошел только конец повести о битве на Калке]

«В лѣта 6732 [...] С. 52] То же слышавъ Василко приключившесе въ Руси, възвратися отъ Чернигова, съхраненъ бысть Богомъ и силою креста честнаго и молитвою отца своего Костянтина и стрья своего Юрья и вниде въ свои Ростовъ, слава Бога и святую Богородицю».

Список первой половины 40-х гг. XVI в.

*Полное собрание русских летописей. Т. XL.
Густынская летопись. СПб., 2003. С. 115—116*

[С. 115] «**В** лето 6732. 1224. Прийде погибель на Половцов, якоже они доселѣ окрестныхъ народовъ плѣняху и губяху, нынѣ же ихъ погибель наста. Прийде бо въ сия наша страны нѣкий ядовитый, варварский народъ, въ нашей странѣ неслыханный, глаголемый Татаре, о нихъ же от коего роду суть и откуда приидоша нѣчто речесе вышше, ихъ же Половци, неспокойни суще, на свое зло и свою погибель, пакости имъ дѣюще, раздражиша. Татаре же, въ безчисленномъ множествѣ пришедше, Половцов не токмо побѣдиша, но даже и до основания искорениша, а на их зем[л]ѣ сами сѣдоша. Отнюду же и потом начаху и на нашу Рускую землю, и на Лядзкую, и Угорскую приходити плѣняюще, яко же о том будетъ нижей. **В** сие лѣто Половци, побѣждены бывше от Татаръ, прибѣгоша ко рускимъ княземъ со великими дары, найпаче же старейший князь половецкий Копяк прибѣже ко Мстиславу Галицкому, зятю своему, и ко прочимъ княземъ, моляще их, да помогутъ имъ противу безбожныхъ Татаръ. И глаголаху: „Аще ли нам не поможете, то Татаре ныне нас изъсѣкутъ, а утро васъ“. Тогда же крестися и Бастый, великий князь Половецкий. Собрашася же ся всѣ князи до Киева, и бысть во первыхъ Мстислав Романович, внукъ Ростиславов, Киевский, Мстислав Мстиславич Галицкий со зятемъ своимъ Даниилом Романовичом (а Василько Романович не бысть), Свя-

тослав Мстиславич Чернѣговский, младии же князи: Михаил Всеволодич, внукъ Святослава, Всеволодъ Мстиславич, внукъ Изяславль, и иньи многии князи. Токмо Юрий Всеволодич не бысть въ томъ совѣтѣ и прочие московские князи, но единаче обѣщаша полки своя послати. И усовѣтоваша всѣ помагати Половцомъ на Татаръ, глаголюще: „Яко лучше есть брань творити со супротивными на чужой землѣ, нежели на своей; к сему же едны другимъ помагающе, мощно есть и сильному върагу одолѣти, нежели ждати, да нас по единому изгубять“. Слышавше же Татаре о семъ [С. 116] совѣте, прислаша ко рускимъ княземъ, глаголюще: „Мы не на вас идемъ, но на Половцовъ, иже многая намъ зла сотвориша, якоже и вамъ не престають творити. А мы з вами хоцемъ мир имѣти, токмо не помогайте Половцомъ“. Князи же не токмо не послушаша Татаръ, но и послов татарскихъ избиша.

В лѣто 6733. 1225. Всѣ князи руские вышпомянутые собрашася на Татаръ, единогласно со иными многими князи и со множествомъ вой пойдоша за пороги и отгуду пойдоша конми и пѣшо въ землю Татарскую, даже до рѣки Хортицѣ. И потомъ идоша полями осмь дний, дондеже срѣтошася со сторожами татарскими, ихъ же побиша, а за прочиими гонишася даже до рѣки Калки, идеже начаху вопреки ходити со собою князи руские. Сего ради от Татаръ, паче же попущениемъ божиимъ, поражены быша християне и потрены, яко николи же прежде. Самыхъ князей 8 убиша ту: Святослав Олговичъ Киевскій убиенъ бысть, Изяславъ Ингваревичъ, Святославъ Руриковичъ Шумскій, Мстиславъ Святославичъ Чернѣговскій и сынъ его Юрий, Мстиславъ Романовичъ Киевскій и зять его Андрей, Александеръ Всеволодичъ Дубравскій. А Мстиславъ Галицкій едва утече, также и зять его Романовичъ утече раненъ, а отъ всѣхъ вой едва десять утече, но и сихъ на пути Половци пообдираша. И бысть тогда на рускихъ князей такова побѣда мая 30, якова же отъ начала не бысть. Татаре же, побѣдивше Русь, пойдоша со великою силою въ землю Московскую къ Новгороду, по всей землѣ плѣняюще. Люди же не вѣдуше ихъ безъчеловѣчя, изхождаху противу имъ со кресты, Татаре же избываху ихъ; и поплѣниша землю, пойдоша на время за Волгу».

Списокъ последней трети XVII в.

Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В.Г. Тизенгаузена. М., 2003. С. 26—27. Из летописи Ибн аль-Асира

[С. 26] «О том, что они [Татары] сделали с аланами и кипчаками. Перебравшись через Ширванское ущелье, Татары двинулись по этим областям, в которых много народов, в том числе Алланы, Лезгины и [разные] тюркские племена. Они ограбили и перебили много Лезгин, которые были [отчасти] мусульмане и [отчасти] неверные. Нападая на жителей этой страны, мимо которых проходили, они прибыли к Алланам, народу многочисленному, к которому уже дошло известие о них. Они [Алланы] употребили все свое старание, собрали у себя толпу Кипчаков, и сразились с ними [Татарами]. Ни одна из обеих сторон не одержала верха над другою. Тогда Татары послали к Кипчакам сказать: „мы и вы одного рода, а эти Алланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру, и мы обещаем вам, что не нападём на вас, а принесем вам денег и одежд сколько хотите; оставьте нас с ними“. Уладилось дело между ними на деньгах, которые они принесут, на одеждах и прочем; они [Татары действительно] принесли им то, что было выговорено, и Кипчаки оставили их [Аллан]. Тогда Татары напали на Аллан, произвели между ними избиение, бесчинствовали, грабили, забрали пленных и пошли на Кипчаков, которые спокойно разошлись на основании мира, заключенного между ними, и узнали о них только тогда, когда те нагрянули на них и вторгнулись в землю их. Тут стали они [Татары] нападать на них раз за разом, и отобрали у них вдвое против того, что [сами] им принесли. Услышав эту весть, жившие вдали Кипчаки бежали без всякого боя и удалились: одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну Русских. Татары остановились в Кипчаке. Это земля обильная пастбищами зимой и летом; есть в ней места прохладные летом, со множеством пастбищ, и [есть в ней] места теплые зимой [также] со множеством пастбищ, т. е. низменных мест на берегу моря. Прибыли они к городу Судак; это город Кипчаков, из которого они получают свои товары, потому что он [лежит] на берегу Хазарского моря и к нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, а на них по-

купаются девушки и невольники, буртасские меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся в земле их. Это море Хазарское есть то море, которое соединяется с Константинопольским проливом. Придя к Судаку, Татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них с своими семействами и своим имуществом взобрались на горы, а некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую, которая находится в руках мусульман из рода Килиджарслана.

О том, что Татары сделали с Кипчаками и Русскими. Когда Татары овладели землей Кипчаков и Кипчаки разбрелись, как мы рассказали [выше], то большая толпа из них ушла в землю Русских; это [С. 27] страна обширная, длинная и широкая, соседняя с ними, и жители ее исповедуют веру христианскую. По прибытии их к ним, все собрались и единогласно решили биться с Татарами, если они пойдут на них. Татары пробыли некоторое время в земле Кипчацкой, но потом в 620 году [4 февраля 1223 — 23 января 1224 г.] двинулись в страну Русских. Услышав весть о них, Русские и Кипчаки, успевшие приготовиться к бою с ними, вышли на путь Татар, чтобы встретить их прежде, чем они придут в землю их, и отразить их от нее. Известие о движении их дошло до Татар, и они [Татары] обратились вспять. Тогда у Русских и Кипчаков явилось желание [напасть] на них; полагая, что они вернулись со страху перед ними и по бессилию сразиться с ними, они усердно стали преследовать их. Татары не переставали отступать, а те гнались по следам их 12 дней, [но] потом Татары обратились на Русских и Кипчаков, которые заметили их только тогда, когда они уже наткнулись на них; [для последних это было] совершенно неожиданно, потому что они считали себя безопасными от Татар, будучи уверены в своем превосходстве над ними. Не успели они собраться к бою, как на них напали Татары со значительно превосходящими силами. Обе стороны бились с неслыханным упорством, и бой между ними длился несколько дней. Наконец Татары одолели и одержали победу. Кипчаки и Русские обратились в сильнейшее бегство, после того как Татары жестоко поразили их. Из бегущих убито было множество; спастись удалось лишь немногим из них; все, что находилось при них, было разграблено. Кто спасся; тот прибыл в [свою] землю в самом жалком виде вследствие дальности пути и поражения. Их преследовало множество [Татар], убивая, грабя и опустошая страну, так что большая часть ее

опустела. Тогда собрались многие из знатнейших купцов и богачей Русских, унося с собой то, что у них было ценного, и двинулись в путь, чтобы на нескольких кораблях переправиться через море в страны мусульманские. Когда же они приблизились к гавани, в которую направлялись, то один из кораблей их разбился и потонул; спаслись только люди. Существовал такой обычай, что султану принадлежал тот корабль, который разбивался, и [потому] он забрал с него много вещей. Остальные корабли уцелели. Рассказывал об этом деле участвовавший в нем.

О возвращении Татар из земель Русских и Кипчаков к своему царю. Сделав с Русскими то, что мы рассказали, и опустошив земли их, Татары вернулись оттуда и направились в Булгар в конце 620 года. Когда жители Булгара слышали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них [Татар], встретились с ними и, заманив их до тех пор, пока они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они [Татары] остались в середине: поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их было до 4000 человек. Отправились они [оттуда] в Саксин, возвращаясь к своему царю Чингизхану, и освободилась от них земля Кипчаков; кто из них спасся, тот вернулся в свою землю. Пресекался было путь [сообщения] с нею с тех пор, как вторглись Татары в нее и не получалось от них [Кипчаков] ничего по части буртасских мехов, белок, бобров и [всего] другого, что привозилось из этой страны. Когда же они [Татары] покинули ее и вернулись в свою землю, то путь восстановился, и товары опять стали привозиться, как было [прежде]. Мы сообщили эти известия о Западных Татарах за один раз, чтобы не делать перерыва».

Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I—VI). Текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 359—360. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы)

[С. 359] «ГОД [ОТ РОЖДЕСТВА] ГОСПОДНЯ 1212-й
Татары впервые приходят на половцев и разбивают и поражают все войско их русских союзников

Неведомый до того дня народ татар, о котором едва [кое-что] слышали, желая распространить свое господство на се-

верные страны, после разгрома и покорения половцев, обитавших по ту сторону моря, а также многих других племен подступил и к землям тех [половцев], которые жили по соседству с русскими по сю сторону моря. Те, не надеясь на свои силы, сообщают об угрожавшей им опасности русским, прося поддержать их всеми силами и говоря, что если они окажутся побеждены татарами, то та же угроза нависнет и над русскими. В то же время к князьям Руси прибывают татарские послы, убеждая их не вмешиваться в половецкую войну и союзом с половцами не вынуждать татар вести войну против Руси; но если они благоразумны, то пусть прогонят половцев, которые уже доставили Руси множество бед, от своих пределов, а татары наверняка прогонят их из других областей. Но князья Руси, последовав недалёковидному совету и не подвергнув дело зрелому размышлению, нарушают международное право, убивают татарских послов и выступают с войском против татар на помощь половцам, а именно: Мстислав Романович с киевскими воинами, Мстислав Мстиславич с галицкими воинами, а также Владимир Рюрикович и прочие князья Руси, также князья смоленские, также вся Половецкая земля и все ее князья. Часть русских князей и воинов шла на конях, а часть [плыла] на кораблях, [и так] дошли до Протолчи; там все пересели на коней и через двенадцать переходов достигли реки Калчи, где уже разбили свой лагерь татары. Татары, не дав русским и половцам времени на передышку, немедленно напали на них в семнадцатый день. Когда смятые половцы стали разбегаться, смешиваются и русские полки, и двое князей — Мстислав Киевский и < > Черниговский — попадают в плен, а после долгой сечи, в которой многие либо пали, либо были пленены, остальные разбегаются. Но и бежавшим угрожала другая — не менее страшная опасность — со стороны союзных половцев, через земли которых они устремляли свое бегство; не щадя ни возраста, ни положения, половецкие селяне убивали русских: всадников — ради коней, пеших — ради одежды. А те из русских, кто укрылись в горах, умерли от голода, множество утонуло в реках, и случилось в тот день такое страшное бедствие, какого никогда не видывали и не слыхивали в русских землях. Галицкий же князь Мстислав Мстиславич, после того как, спасаясь бегством, добрался до кораблей и переправился через реки, велел иссечь корабли, опасаясь татарской погони,

и оттуда, исполненный страха и трепета, беглецом прибыл в Галич. Когда же все остальное множество русских, спасаясь бегством, прибыло к кораблям и обна[С. 360]ружило, что они разбиты, они, охваченные горем, что не смогут переплыть волн, ослабленные голодом, погибли там, за исключением князей и некоторых их воинов, которые переправились через реки на лодках. Владимир Рюрикович, также спасшийся бегством, прибыл в Киев и занял киевский стол. То было первое поражение, которое русские потерпели от татар».

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. Предисловие В.А. Быстрянского. М.; Л., 1938 (Известия иностранцев о народах СССР). С. 222

«Двадцать четвертая шла годовщина епископа делу, Край же все не имел тишины, покоя и мира.

В тот год в земле вальвов* язычников были татары. Вальвов некоторые называют партами. Они не едят хлеба, а питаются сырым мясом своего скота. И бились с ними татары, и победили их, и истребляли всех мечом, а иные бежали к русским, прося помощи. И прошел по всей Руси призыв биться с татарами, и выступили короли со всей Руси против татар, но не хватило у них сил для битвы, и бежали они пред врагами. И пал великий король Мстислав из Киева [Mistoslawe de Kywa] с сорока тысячами воинов, что были при нем. Другой же король, Мстислав галицкий [rex Galatie Mysteslawe], спасся бегством. Из остальных королей пало в этой битве около пятидесяти. И гнались за ними татары шесть дней и перебили у них более ста тысяч человек (а точное число их знает один Бог), прочие же бежали. Тогда король смоленский [de Smalenseke], король полоцкий [de Plosceke] и некоторые другие русские короли отправили послов в Ригу просить о мире. И возобновлен был мир, во всем такой же, какой заключен был уже ранее».

* В а л ь в ы — наименование половцев в немецких хрониках.

Примечания

¹ *Филимонов А.В.* Битва на Калке. Пока летит стрела. Исторический роман. М., 2004; *Поротников В.П.* Битва на Калке: «И была сеча лютая и злая...» // *Поротников В.П.* Три побоища — от Калки до Куликовской битвы. М., 2012. (Русь изначальная. Лучшие бестселлеры.) С. 5—198.

² *Татищев В.Н.* История российская. Сказание о битве на реке Калке // *От Корсуня до Калки.* М., 1990. (История Отечества в романах, повестях, документах. Век X—XIII.) С. 521—528; Битва на Калке 31 мая 1223 г. М., 1994. [Авт. текста А. Голыженков] (Великие сражения русской истории); *Шпаковский В.[О.]* В лето 1223-е. Битва на Калке. М., 2003. (Библиотека журнала «Техника — молодежи»); *[Рябиков В.В.]* История славян. Кн. 2. Калка. Белгород, 2004. Иностранная, в основном англоязычная, литература о битве на Калке крайне немногочисленна: *Fennell J.* The Tatar Invasion of 1223: Source Problems // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.* 1980. Bd 27. P. 18—31. (на англ. яз.); *Marshall R.* Storm from the East: From Genghis Khan to Khubilai Khan. Oakland, 1993 (на англ. яз.); *Nicolle D., Shpakovsky V.* Kalka River 1223. Genghis Khan's Mongols invade Russia. Oxford, 2001 (2-e ed.: 2005) (на англ. яз.); *Gabriel R.* Subotai The Valiant: Genghis Khan's Greatest General. Santa Barbara, 2004 (2-e ed.: 2006) (на англ. яз.); *Jackson P.* The Mongols and the West, 1221—1410. London, 2005 (на англ. яз.).

³ *Муциенко А.В.* Западный рейд Субэдея и Джэбэ // Чтения памяти профессора Александра Александровича Сидоренко. 2015. № 2. С. 99—104; *Белякова Е.С.* Русские княжества в борьбе против монгольских завоевателей // Молодой ученый. Сб. ст. II Междунар-го науч.-исслед. конкурса. Пенза, 2021. С. 122—126; *Милькин П.* Битва на реке Калке // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра. Мат-лы IV международной науч. конф. СПб., 2021. С. 145—148; *Бобылева Д.Д.* Русские княжества в борьбе против монгольских завоевателей // Лучшая научная статья

2022. Сб. ст. XLIX Междунар-го науч.-исслед. конкурса. Пенза, 2022. С. 54—57.

⁴ К.[Куник А.А.] Хронологическая таблица, составленная Э. Боннелем на основании Генриха Лотышского и некоторых русских летописей // Ученые записки императорской Академии наук по первому и третьему отделениям. Т. II. Вып. 2. СПб., 1853. С. 316.

⁵ Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России: с древнейших времен до конца XVI века: Учебник для 6 кл. общеобразоват. учреждений. 7-е изд. М., 2007. С. 96—98; Арсентьев Н.М., Данилов А.А., Стефанович П.С., Токарева А.Я. История России. 6 класс. Учебник для общеобразоват. организаций: В 2 ч. Ч. 2. М., 2016. С. 6—7; Черникова Т.В., Чиликин К.П. История России с древнейших времен до начала XVI века. 6 класс: Учебник. М., 2021. С. 153—154; Данилевский И.Н., Андреев И.Л., Юрасов М.К. История России с древнейших времен до начала XVI века. 6 класс: Учебник. М., 2020. С. 152—153.

⁶ Дегтярев А.Я. Избранные труды по русской истории. Т. 2. М., 2006. С. 207, 211 («От Калки до Угры»). Ранее было опубликовано: Дегтярев А.Я., Дубов И.В. От Калки до Угры. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2005.

⁷ Иакинф [Бичурин]. Замечания на статью в Русской истории г. Устрялова, под названием «Покорение Руси монголами» // Москвитянин, журнал, издаваемый М. Погодиным. 1845. Ч. IV. № 7 и 8. С. 82—83.

⁸ Тихвинский С.Л. Монголо-татарские завоевания в Азии и Европе // Татаро-монголы в Европе и Азии: Сб. ст. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1977. С. 3—7. О Джебе и Субедее: Хрусталев Д.Г. Русь и монгольское нашествие (20—50 гг. XIII в.) СПб., 2013. С. 163—169, 171—177. Имена этих полководцев транскрибируются на русский язык по-разному: Джэбэ, Джебе-нойон, Чжэбэ, Субэдэй, Субеетей, Субеетай, Субудей-багатур, Субедей-багатур. Мы предпочитаем использовать наиболее распространенные в русской исторической литературе имена: Джебе и Субедей.

⁹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л., 1952. С. 221—222 (переизд. репринтом: М., 2002); Каргалов В.В. Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII век. М., 1966. С. 16; Головкин А.Б. Рейд туменов Джебе и Субедея в Восточную Европу (1222—1223 гг.) в процессе формирования Монгольской империи и Рая Монгоlica // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 49.

¹⁰ Тимохин Д.М. Битва на Калке и завоевание Руси монгольскими войсками в арабо-персидских источниках // Воронеж — форпост Российского государства (к 840-летию первого упоминания г. Воронежа в русском летописании). Мат-лы всерос. науч. конф. Воронеж, 15—16 сентября 2017 г. Воронеж, 2017. С. 48.

¹¹ *Киракос Гандзакецц.* История Армении. М., 1976. С. 138.

¹² *Галстян А.* Завоевание Армении монгольскими войсками // Татари-монголы в Европе и Азии. С. 168.

¹³ Р.П. Храпачевским на основании китайской хроники «Юань ши» было выдвинуто предположение, что монголо-татары напали на половцев не случайно. В 1208 г. к кипчакам, жившим в Волго-Уральском междуречье, бежал хан одного из монгольских племен — меркитов Худу с остатками своих людей. Чингисхан в 1209 г. потребовал их вернуть, но получил от кипчаков отказ. Именно это стало завязкой будущей войны с кипчаками. В 1216 г. Субедей был отправлен на наказание меркитов и кипчаков, но, столкнувшись в казахских степях с армией хорезмшаха, вынужден был отступить, не дойдя до половцев (*Храпачевский Р.П.* Половецкая периферия Булгара и Руси накануне и в период Батыева нашествия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 155). См. также: *Оллсен Т.Т.* Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217—1237 гг. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время: Сб. науч. работ. Донецк, 2008. С. 351—362. (Труды по археологии) (перевод: *Allsen T.T.* Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217—1237 // *Archivum Eurasiae medii aevi.* 1983. № 3. P. 5—23).

¹⁴ Возможно, битва происходила на берегах Кубани, которая китайской хроникой «Юань ши» именуется рекой Буку: «Дошли и встретились с их [кипчаков] главарями Юрки (*Юй-ли-цзи*) и Татауром (*Та-та-ха-эр*), которые как раз собирались вместе у реки Буку (*Бу-цзу хэ*)» [Золотая Орда в источниках. Т. III. Китайские и монгольские источники. М., 2009. С. 228; *Хрусталева Д.Г.* Русь и монгольское нашествие (20—50 гг. XIII в.). СПб., 2013. С. 61—62].

¹⁵ *Антонин (Капустин А.И.), архимандрит.* Заметки XII—XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судак), приписанные на греческом Синаксаре // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1863. Т. V. С. 601; *Цыб С.В., Чичинов В.А.* Хронологические показания судакского Синаксария и датировка монгольского похода на Южную Русь // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4—2 (84). С. 242—245.

¹⁶ *Плетнева С.А.* Половцы. М., 1990. С. 172; *Бубенок О.Б.* Относительно монгольского присутствия на Боспоре в 1222—1223 гг. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Мат-лы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 26—30; *Он же.* Аланы-асы в Золотой Орде (XIII—XV вв.). Киев, 2004. С. 24.

¹⁷ *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 201—202; *Толочко П.П.* Древняя Русь. Киев, 1987. С. 167; *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200—1304. М., 1989. С. 101—102.

¹⁸ В источниках Муравский шлях иногда писался как «Муровский». В этой связи известный топонимист Э.М. Мурзаев (1908—1998), указывая на прохождение данной трассы по водоразделам, приводил тюркский термин «муров», обозначающий именно водораздел (*Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 380*).

¹⁹ Приведем пример донесений служилых людей о движении татар по шляхам: «...прибежал Оскольский казак Иванко Матвеев и рассказывает: „Видел вверх Котла и Потудани сентября в 7 день многих людей, а по сакме тысяч с тридцать, а бито тринадцать дорог до черной земли“...» (*Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1966. С. 234*).

²⁰ *Романов В.К.* Битва при р. Калке и ее отражение в русском летописании (историко-текстологическое исследование). Автореф. ... дис. канд. истор. наук. М., 1983. С. 19—20; *Тарасенко Е.Н.* Окрестности Розовки до монгольского нашествия: Исторический очерк. Мариуполь, 2012. С. 121; *Рейзов И.М.* Западный поход Чингисхана (1219—1224 гг.) // *Вестник современной науки.* 2016. № 12-2 (24). С. 23—24; *Нарожный Е.И.* О событиях 1222 года на Северном Кавказе (листая страницы «историй...» различных регионов юга России) // *Культурная жизнь Юга России.* 2008. № 3 (28). С. 70—75; *Нарожный Е.И., Соков П.В.* География события 1222 года на Северном Кавказе // *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды: Мат-лы 7-й междунар. конф., посв. памяти Г.А. Федорова-Давыдова.* Казань; Ялта; Кишинев, 2016. С. 232—237.

²¹ *Головко О.Б.* Половецкий хан Котян Сутоевич у політичному житті Центрально-Східної Європи першої половини XIII ст. // *Хазарский альманах.* Вып. 5. Киев; Харьков; М., 2007. С. 78—87 (на укр. яз.).

²² *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200—1304. М., 1989. С. 102.

²³ Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 487—488; *Лурье Я.С.* Летопись Лаврентьевская // *Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 241—245; Лихачева О.П.* Летопись Ипатьевская // Там же. С. 235; *Клосс Б.М.* Предисловие к изданию 1998 г. // ПСРЛ. Т. II. С. F.

²⁴ *Клосс Б.М.* Летопись Новгородская первая // *Словарь книжников.* С. 245—247.

²⁵ *К.[Куник А.А.]* О признании 1223 года временем битвы при Калке // *Ученые записки императорской Академии наук по первому и третьему отделениям.* 1854. Т. 2. Вып. 5. С. 779, 781.

²⁶ *Бестужев-Рюмин К.Н.* О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868. С. 154.

²⁷ *Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка X—XIV вв. 2-е изд. СПб., 1882. С. 98—99.

²⁸ *Грушевський М.С.* Історія України—Русі. Т. 2. Львів, 1890. С. 346. (На укр. яз.)

²⁹ *Шлецер А.Л.* Нестор. Русские летописи на древле-славенском языке / Пер. с нем. Д. Языкова. Ч. 1. СПб., 1809.

³⁰ *Шахматов А.А.* История русского летописания. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. СПб., 2002; Т. 2. Обзорение летописей и летописных сводов XI—XVI вв. СПб., 2011; *Приселков М.Д.* История русского летописания XI—XVIII вв. 2-е изд. СПб., 1996; *Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. Очерки и исследования. М., 1969.

³¹ См. также: *Солнцев Н.И.* Особенности древнерусской религиозности в письменной традиции на примере летописных рассказов о битве на Калке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1. Ч. 1. С. 190—197.

³² *Буланин Д.М.* Повесть о битве на Калке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 346—348; *Хрусталева Д.Г.* Русь и монгольское нашествие (20—50-е гг. XIII в.). СПб., 2013. С. 59—61, 315; *Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII—XV вв. Изд. 2. М., 2014. С. 20—49. (Раздел о Калке ранее был опубликован: *Рудаков В.Н.* Восприятие монголо-татар в летописной повести о битве на Калке // Проблемы источниковедения истории книги: Межведомств. сб. науч. трудов. Вып. 2. М., 1998. С. 13—42.) По мнению Дж. Феннела, четвертой летописью, отразившей подлинное описание событий битвы на Калке, является Софийская первая летопись (*Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200—1304. М., 1989. С. 103). Однако эта точка зрения не получила поддержки среди российских историков. На взгляд И.Н. Данилевского, она носит более поздний и компилятивный характер (*Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.). Курс лекций. М., 2001. С. 95. Примеч. 1).

³³ *Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 13—14.

³⁴ *Водовозов Н.В.* Повесть о битве на реке Калке // Ученые записки Московского городского педагогического института имени В.П. Потемкина. Т. LXVII. Вып. 6. Кафедра русской литературы. М., 1957. С. 11. См. также: *Лихачев Д.С.* Реплики [По поводу статей Н.В. Водовозова «Повесть о битве на реке Калке» и «Повесть XIII века об Александре Невском» в «Учен. записках (Моск. гор. пед. ин-т)». Т. 67. Вып. 7. 1957] // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XV. Л., 1958. С. 499—502.

- ³⁵ *Приселков М.Д.* История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 91—94.
- ³⁶ *Эммаусский А.В.* Летописные известия о первом нашествии монголо-татар на Восточную Европу // Ученые записки Кировского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. Факультет историко-филологический. Вып. 17. Т. 1. Киров, 1958. С. 61—69.
- ³⁷ *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 281—283.
- ³⁸ *Лихачев Д.С.* Летописные известия об Александре Поповиче // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. VII. М.; Л., 1949. С. 18.
- ³⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 450.
- ⁴⁰ *Лихачев Д.С.* Летописные известия об Александре Поповиче. С. 19—20, 22—23.
- ⁴¹ *Гудзий Н.К.* История древней русской литературы. 5-е изд. М., 1953. С. 175—176.
- ⁴² *Буланин Д.М.* Указ. соч. С. 346; *Рудаков В.Н.* Указ. соч. С. 23—25.
- ⁴³ Словарь книжников и книжности Древней Руси. С. 237.
- ⁴⁴ Повесть временных лет. 2-е, испр. и доп. изд. СПб., 1999. С. 97—98.
- ⁴⁵ *Истрин В.[М.]* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. Исследование и тексты. М., 1897.
- ⁴⁶ В этой связи следует отметить наблюдение А.В. Назаренко (1948—2022), связавшего активное распространение подобных пророчеств с эпохой крестовых походов, точнее, началом вытеснения крестоносцев с Ближнего Востока, наступившего в середине XII в. (*Назаренко А.В.* От Дамиекты до Калки (Восточно-христианские исповедания глазами Запада между II и VI Крестовыми походами) // Православный Палестинский сборник. Вып. 102. М., 2005. С. 112—121). См. также: *Хаутала Р.В.* От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плембса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань, 2015. (Сер. 2. Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage) [Рец.: *Веселов Ф.Н., Майоров А.В.* «...Нам неизвестно, что это за народ, откуда он взялся и куда стремится». Монгольская экспансия в свете публикуемых письменных источников // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 1. С. 230—238].
- ⁴⁷ *Будовниц И.У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960. С. 291—297.
- ⁴⁸ ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 55, 255.
- ⁴⁹ Отметим мнение литературоведа В.Л. Комаровича (1894—1942), полагавшего, что именно в Рязани был составлен «наиболее

обстоятельный рассказ о первом нашествии татар на Русскую землю и битве на Калке». На его взгляд, лучше всего этот рассказ читался в Новгородской первой летописи, «которая из старшего рязанского свода извлекла версию, еще не подвергнушуюся ростовской переработке, какую находим в Лаврентьевской» (*Комарович В.Л.* Литература Рязанского княжества XIII—XIV вв. // История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М.; Л., 1945. С. 75—77). К сожалению, исследователь не привел развернутой аргументации в пользу своей версии, но можно полагать, что она была связана с «Повестью о Николе Заразском», в которой излагается история перенесения образа святого Николы из Корсуня в Крыму через Новгород в Рязанскую землю.

⁵⁰ *Тихомиров М.Н.* Где и когда было написано «Слово о погибели русской земли» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. VIII. М.; Л., 1951. С. 235—244.

⁵¹ *Данилевский И.Н.* Текстология и генетическая критика в изучении летописных текстов // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 12. М., 2005. С. 368—406.

⁵² ПСРЛ. Т. III. С. 70.

⁵³ *Гиппиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. 1997. Вып. 6 (16). С. 3—72; *Он же.* Новгородская владычная летопись XII—XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом отношении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004—2005. М., 2006. С. 114—251; *Гиппиус А.А., Гимон Т.В.* Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 18—47.

⁵⁴ *Толочко П.П.* Русские летописи и летописцы X—XIII вв. СПб., 2003. С. 186—188, 190—195.

⁵⁵ *Будовниц И.У.* Указ. соч. С. 296—297; *Рудаков В.Н.* Указ. соч. С. 23; *Веселов Ф.Н.* Апокалипсис XIII в.: первое столкновение русских с монголами сквозь призму средневекового миропонимания // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 2. С. 261—262.

⁵⁶ *Гимон Т.В.* Для чего писались русские летописи? // Журнал ФИПП (Факультет истории, политологии и права). М., 1998. № 1 (2). С. 8—16.

⁵⁷ *Черепнин Л.В.* Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. Вып. 12. М., 1941. С. 228—253.

⁵⁸ *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 61—92.

⁵⁹ *Генсьорский О.І.* Галицко-Волыньский літопис (процес складання, редакції і редактори). Київ, 1958. С. 99 (на укр. яз.).

⁶⁰ *Ужанков А.Н.* «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1. М., 1989. С. 247—283. В расширенном виде: *Ужанков А.Н.* Проблемы

историографии и текстологии древнерусских памятников XI—XIII вв. М., 2009. С. 287—422. Воронежский историк Ю.В. Селезнев привел дополнительные аргументы в пользу того, что рассказ о битве на Калке был записан в конце 50-х годов XIII в. (*Селезнев Ю.В.* Галицко-Волынская летопись как источник по истории Джучиева улуса // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 124).

⁶¹ *Горovenko A.B.* Почему не был написан рассказ о княжении Романа в Галиче (К вопросу об этапах формирования современной структуры Ипатьевской летописи) // Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах. СПб., 2011. С. 209—237 (годом ранее было издано в книге с одноименным названием того же автора: Тамбов, 2010. С. 150—165).

⁶² *Черепнин Л.В.* Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. Т. 12. М., 1941. С. 228—253; *Водовозов Н.В.* Повесть о битве на реке Калке // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина. Т. LXVII. Вып. 6. Кафедра русской литературы. М., 1957. С. 13—14; *Паушто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 40—42, 51—54.

⁶³ *Свердлов М.Б.* К вопросу о летописных источниках «Повести о битве на Калке» // Вестник Ленинградского университета. 1963. № 2. Серия истории, языка и литературы. Вып. 1. С. 139—144.

⁶⁴ Несмотря на этот вывод, в литературоведении до сих пор встречается мнение о возникновении «Повести» в XIII в., а саму ее относят к жанру воинских повестей (*Трофимова Н.В.* О некоторых закономерностях в развитии жанра древнерусских воинских повестей // Герменевтика древнерусской литературы. 1994. № 7-1. С. 44—45).

⁶⁵ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. II (Т. 3—4). М., 1988. С. 617.

⁶⁶ *Иловайский Д.И.* Калкское побоище. М., б. г. С. 706 (Отд. отт. из 2-го т. Истории России).

⁶⁷ ПСРЛ. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 68.

⁶⁸ *Лихачев Д.С.* Летописные известия об Александре Поповиче // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. VII. М.; Л., 1949. С. 17—51. (Переиздано: *Лихачев Д.С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 318—352.)

⁶⁹ Летописные известия о богатырях Добрыне и Александре Поповиче // Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974. С. 336—342. (Литературные памятники.)

⁷⁰ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 282; Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 203.

⁷¹ *Лихачев Д.С.* Летописные известия об Александре Поповиче. С. 34—35.

⁷² ПСРЛ. Т. XXVII. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М., 2007. С. 234, 320; Т. XXII. Русский хронограф. М., 2005. С. 336.

⁷³ ПСРЛ. Т. IX. С. 68; Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М., 2000. С. 70, 71—72, 74, 92.

⁷⁴ *Клосс Б.М.* Памятник русского эпоса в записи XVI в. // История СССР. 1968. № 3. С. 151—157.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 83.

⁷⁶ *Прохоров С.М.* Летописная повесть о битве на реке Калке и былина о «гибели» богатырей: к вопросу о специфике жанра былины // Проблемы изучения русского народного поэтического творчества: Межвуз. сб. науч. трудов. М., 1981. С. 10.

⁷⁷ *Алексеев С.В.* Летопись и былина: как Александр Попович стал Алешей // Знание, понимание, умение. 2020. № 2. С. 146—151; *Королев И.Е.* Правда и вымысел в былинах // Юный ученый. 2019. № 3 (23). С. 10—15.

⁷⁸ *Сахаров И.П.* Песни русского народа. Ч. 1—5. СПб., 1838—1839.

⁷⁹ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. М., 1861; Ч. II. Народные былины, старины и побывальщины. М., 1862.

⁸⁰ Заметка // Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Ч. III. Народные былины, старины, побывальщины и песни. Петрозаводск, 1864. С. I—LII.

⁸¹ Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. С двумя портретами онежских рапсодов и напевами былин. СПб., 1873.

⁸² Беломорские былины, записанные А. Марковым. С предисловием проф. В.Ф. Миллера. М., 1901; Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа. Т. I. Ч. I: Поморье. Ч. II: Пинега. М., 1904; *Ончуков Н.Е.* Печорские былины. СПб., 1904.

⁸³ Илья Муромец, Ермак и Калин-царь // Былины. (Библиотека поэта. Большая серия.) 3-е изд. Л., 1986. С. 393—394; *Калугин В.И.* Герои русского эпоса. Очерки о русском фольклоре. М., 1983. С. 41—42.

⁸⁴ *Дашкевич Н.[П.]* К вопросу о происхождении русских былин. Былины об Алеше Поповиче и о том, как не осталось на Руси богатырей. Киев, 1883. (Отт. из Университетских известий 1883 г.)

⁸⁵ *Миллер В.Ф.* Очерки русской народной словесности. Т. I—III. М.; Л., 1897—1924.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 287.

⁸⁷ *Марков А.В.* Беломорская былина о походе новгородцев на Югру в XIV в. // Сборник в честь В.Ф. Миллера. М., 1900. С. 150—163.

⁸⁸ *Майков Л.[Н.]* О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863. С. 26; *Дашкевич Н.[П.]* К вопросу о происхождении русских былин // Университетские известия. 1883. № 5. С. 226—236; *Веселовский А.Н.* Южнорусские былины. III—XI // Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. Т. 36. № 3. СПб., 1884. С. 274—286.

⁸⁹ *Миллер В.Ф.* К былине о Камском побоище. СПб., 1902. (Отт: Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. Т. VII. Кн. 1. СПб., 1902. С. 1—31.) Позднее вошло: *Миллер В.Ф.* Очерки русской народной словесности. Т. II. М., 1910. С. 32—59.

⁹⁰ *Азбелев С.Н.* Былины об отражении татарского нашествия («Ермак и Калин», «Камское побоище», «Илья и Калин») // Русский фольклор (материалы и исследования). Т. 12. Из истории русской народной поэзии. Л., 1971. С. 168—174. Впрочем, едва ли не последний отголосок мнения, что былина «Камское побоище» является отражением битвы на Калке, встретился в работе нижегородского преподавателя-юриста Ф.С. Сосенкова в 2015 г.: *Сосенков Ф.С.* Идеи единства Русской земли в героическом эпосе XII—XIV вв. // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3 (52). С. 11.

⁹¹ Путевые записки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 г. СПб., 1873. С. 19, 21, 63—64 [переизд.: Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1 (XVI ст.). Киев, 1890. С. 157, 159]; См. также: *Проконьев А.Ю., Таирова Т.Г.* Новое издание путевых записок Эриха Лассоты фон Штеблау // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 2. С. 648—662 [рецензия на более полное немецкое издание 2021 г.].

⁹² *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I. Печати X — начала XIII в. М., 1970. С. 63.

⁹³ *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 106—111.

⁹⁴ Повесть временных лет. 2-е, испр. и доп. изд. СПб., 1999. С. 96; *Калугин В.И.* Герои русского эпоса. Очерки о русском фольклоре. М., 1983. С. 31—55; *Филин Н.[В.]* Об историческом прототипе Ильи Муромца // Мир истории. Прошлое далекое и близкое. Научно-популярный журнал. 2003. № 1—3. С. 54—67; *Королев И.Е.* Правда и вымысел в былинах // Юный ученый. 2019. № 3 (23). С. 10—15.

⁹⁵ Д.С. Лихачев предполагал, что служба Алеши в Ростове могла быть отражена в не дошедшей до нас былине (*Лихачев Д.С.* Лето-

писные известия об Александре Поповиче. С. 337—338). Однако известный фольклорист В.П. Аникин (1924—2018) категорически отрицал саму возможность этого: «Былины об Алеше Поповиче прошли мимо всех перипетий опасной службы Алеши Поповича у ростовского князя» (*Аникин В.П.* Русский богатырский эпос. М., 1964. С. 110).

⁹⁶ *Еремин И.П.* О художественной специфике древнерусской литературы // Русская литература. 1958. № 1. С. 77.

⁹⁷ В этом отношении любопытен эпизод из Тверской летописи, рассказывающий о том, что Александр Попович после смерти князя Константина Ростовского, опасаясь мести великого князя Юрия Всеволодовича, предложил служившим вместе с ним уйти в Киев и созывает «ихъ къ собѣ въ городъ, обрыть подъ Гремячимъ колодеземъ на рѣцѣ Гдѣ, иже и нынѣ той сопъ стоитъ пустъ». [Соп — насыпь, земляной вал (Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 26 (Снуръ — Спарывати). М., 2002. С. 154.)] Столь подробные и точные указания вызывают желание определить местоположение данного «города». На современной карте река Гда отсутствует, но до сих пор в речи местного населения нижнее течение реки Сары, вытекающей из Сарского болота и впадающей в озеро Неро, именуется Гда. Это подтверждает и писцовая книга Ростовского уезда 1629—1631 гг., указывающая целый ряд селений «на реке на Где». Это существующие ныне: д. Зиновьево (пустошь Зиновьево), д. Теханово (Техново), д. Подлесново (Подлесное), д. Левина Гора, с. Деболовское (Дебалы), с. Скнятиново (Скнятиново), д. Ново (сельцо Новое). (Писцовые материалы Ростовского уезда XVII в. 1629—1631 гг. М., 2012. см.: по указателю.) Картографический анализ показывает, что нижнее течение Сары, после впадения в нее Печегды, на протяжении последних 26 км (из общей длины в 80 км) именовалось Гдой. Исследователь Сарского городища А.Е. Леонтьев, основываясь на археологическом материале, утверждал: «То, что „город Александра Поповича“ помещался на месте Сарского городища, сомнений не вызывает» и делал вывод, что «данные археологии подтверждают это известие, придают ему вполне достоверный характер» (*Леонтьев А.Е.* «Город Александра Поповича» в окрестностях Ростова Великого // Вестник МГУ. История. 1974. № 3. С. 94—96). С этим мнением соглашался и археолог И.В. Дубов (1947—2002): «Допускаем и мы, что Сарское городище в данное время могло быть загородной резиденцией одного из бояр ростовских, того же Александра Поповича» (*Дубов И.В.* Города, величеством сияющие. Л., 1985. С. 46—47). Напротив, Ю.В. Кривошеев склонялся к мысли, что данная «привязка» была сделана для того, чтобы наполнить былинку местными реалиями (*Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII—XIV вв. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2015. С. 70—74).

⁹⁸ Мы не разбираем явно ошибочной даты С. Герберштейна, отнесшего битву на Калке к «6533 году от сотворения мира», то есть 1024 г. (*Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. М., 2008. С. 391).

⁹⁹ *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. Т. II и III. История Российская. Ч. 2. М., 1995. С. 218 (второй пагинации).

¹⁰⁰ Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. Т. X. Труды исторические. Записки касательно российской истории. Ч. V—VI. СПб., 1901. С. 99.

¹⁰¹ *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. Т. I. История Российская. Ч. 1. М., 1994. С. 274, 376; Т. II—III. С. 264 (второй пагинации).

¹⁰² *Татищев В.Н.* Там же. Т. VII и VIII. История российская. Окончание. Работы разных лет. М., 1996. С. 308 (второй пагинации).

¹⁰³ *Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен. Т. II. М., 1771. С. 521. Примеч. 23.

¹⁰⁴ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. II—III. М., 1991. С. 619. Примеч. 301. Следует указать на неточность историографа: он полагал, что в указанный день отмечалась память святого Еремия Далматского (апостола от 70), но в Лаврентьевской летописи ясно говорится: «на память святого мученика Еремии», и, следовательно, речь идет о святом мученике II в. Еремии Команском. Впрочем, 31 мая вспоминают обоих этих святых.

¹⁰⁵ *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России. Ч. 1. 3-е изд. М., 1830. С. 17—18; *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. IV. М., 1850. С. 131—132; *Полевой Н.А.* История русского народа. Т. II. Кн. 3. М., 1997. С. 161; *Арцыбашев Н.С.* Повествование о России. Т. I. Кн. 2. М., 1838. С. 315—320.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846. С. 189. Примеч. В.

¹⁰⁷ *Березин И.[Н.]* Первое нашествие монголов на Россию. [СПб., 1853.] (Отд. отт.: Журнал Министерства народного просвещения. 1853. № 6.)

¹⁰⁸ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л., 1952. С. 229 (переизд. репринтом: М., 2002).

¹⁰⁹ Там же. С. 29—30.

¹¹⁰ *Гатин М.С.* Сведения ливонских источников XIII—XVI вв. о татарах // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2018. Т. 38. № 3—4. С. 25.

¹¹¹ *Bonnell E.* Die Chronologie Heinrichs des Letten, verglichen mit den Zeitangaben einiger russischen Chroniken // Bulletin de la Classe Historico-Philologique de l'Academie Imperiale des Sciences de St.-Petersbourg. Т. IX. SPb., 1854. № 4, col. 49—57; № 5—6, col. 69—

94; № 8—9, со1. 113—131; № 20, р. 283—344. См. также: К.[Куник А.А.] Хронологическая таблица, составленная Э. Боннелем на основании Генриха Лотышского и некоторых русских летописей // Ученые записки императорской Академии наук по первому и третьему отделениям. Т. II. Вып. 2. СПб., 1853. С. 297—317.

¹¹² Извлечение из протоколов заседаний III Отделения с 7 января по 3 июня 1853 // Ученые записки императорской Академии наук по первому и третьему отделениям. Т. II. Вып. 1. СПб., 1853. С. 216.

¹¹³ *Bonnell E.* Op. cit. № 8—9, со1. 85—94, 131; Выписки из Генриха Лотышского о русских событиях 1221—1223 гг. // Ученые записки императорской Академии наук по первому и третьему отделениям. 1854. Т. II. Вып. 2. С. 317—330.

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 447.

¹¹⁵ *Черепнин Л.В.* Русская хронология. М., 1944. С. 68. Табл. XX.

¹¹⁶ Выписки из Ибн-эль-Атира о первом нашествии татар на кавказские и черноморские страны с 1220 по 1224 г. // Ученые записки императорской Академии наук по первому и третьему отделениям. 1854. Т. II. Вып. 2. С. 636—668.

¹¹⁷ К.[Куник А.А.] О признании 1223 года годом битвы при Калке // Ученые записки императорской Академии наук по первому и третьему отделениям. 1854. Т. II. Вып. 5. С. 765—787.

¹¹⁸ См., например: *Ефименко А.Я.* Элементарный учебник русской истории. Курс эпизодический для средне-учебных заведений и высших начальных училищ. 6-е доп. изд. Пг., 1917. С. 53.

¹¹⁹ *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1—2. М., 1988. С. 640—642; *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. I. Господство дома св. Владимира. X—XIV столетия. 5-е изд. СПб., 1907. С. 114—117, 127.

¹²⁰ *Шлоссер Ф.К.* Всемирная история. 2-е изд. Т. III. СПб.; М., 1870. С. 101. Позднейшая немецкая историография все же склонилась к 1223 г. как году сражения на Калке, но при этом предпочитала говорить о 16 июня (*Гатин М.* Немецкие историки о битве на Калке // Эхо веков. 2003. № 3/4 (32/33). С. 136—141.

¹²¹ Архив Маркса и Энгельса. Под редакцией В.[В.] Адоратского. Т. V. М., 1938. С. 223 (курсив издателя).

¹²² *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 52. Письма. Ноябрь 1920 — июнь 1921. М., 1970. С. 24.

¹²³ *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. Ч. I и II. От древнейших времен до конца XIX столетия. 5-е изд., посмертное. Утвержден коллегией Наркомпроса РСФСР как учебник для средней школы. М., 1934. С. 196.

¹²⁴ *Vinper P.Ю.* Учебник истории. Средние века. Рига, 1925. С. 204.

¹²⁵ ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М., 2000. С. 88, 89.

¹²⁶ *Салтыков А.Б.* Хронология битвы при р. Калке // Ученые записки Института истории РАН ИОН. Т. 4. М., 1929. С. 5—12.

¹²⁷ Краткий курс истории СССР. Учебник для 3-го и 4-го классов. Под редакцией проф. А.В. Шестакова. Одобрено Всесоюзной Правительственной Комиссией. М., 1937. С. 26.

¹²⁸ *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. М.; Л., 1938 (Известия иностранцев о народах СССР). С. 566. Впрочем, этот вопрос разъяснил сам А.Б. Салтыков. Говоря о слове «долго», он писал: «Так переводит Ильминский. Тизенгаузен переводит иначе: „пробыли некоторое время“. Я решаю предпочесть перевод Ильминского, который, по словам издателя, „старался как можно ближе держаться простого изложения подлинника, писанного, по-видимому, без всяких литературных притязаний“. Сравнивая его с переводом Тизенгаузена, можно видеть у последнего действительно большую литературность изложения. Тизенгаузен, без сомнения, знал приписку на синаксаре, относящую падение Сугдеи к 27/1 1223 г., и статью Куника, то вполне вероятно, что он смягчил резкость подлинника, находя ее не соответствующей действительности» (*Салтыков А.Б.* Указ. соч. С. 9, примеч. 2).

¹²⁹ Правда. 1934. 16 мая. № 133 (6019). С. 1.

¹³⁰ Правда. 1936. 27 января. № 26 (6632). С. 2.

¹³¹ Правда. 1938. 15 ноября. № 315 (7640). С. 1.

¹³² *Насонов А.Н.* Татарское иго на Руси в освещении М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского: Сб. ст. Ч. 2. М.; Л., 1940. С. 71. Подобный разнобой в датировках привел к тому, что А.В. Эммаусский, успешно защитивший в мае 1941 г. в Ленинградском университете кандидатскую диссертацию «Битва при реке Калке (из истории первого нашествия монголо-татар на Восточную Европу)» в написанной тогда работе (она была издана посмертно) честно признавался: «Поход состоялся в 1223 или 1224 г. <...> Я не берусь решать, какая из двух дат является истинной» (*Эммаусский А.В.* Мстислав Удалой. Из истории Древнерусского государства накануне монголо-татарского завоевания. Киров, 1998. С. 92).

¹³³ *Черепнин Л.В.* Русская хронология. М., 1944. С. 91—92.

¹³⁴ *Пронштейн А.П., Кияшко В.Я.* Хронология: Уч. пособие. М., 1981. С. 142.

¹³⁵ *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 204; История Украины. Краткий курс. Киев, 1948. С. 50; История Украинской ССР. Т. I. Киев, 1953. С. 105.

¹³⁶ *Орлов А.С.* Древняя русская литература XI—XVI вв. 3-е изд. М., 1945. С. 173.

¹³⁷ *Базилевич К.В., Новицкий Г.А.* История СССР от древнейших времен до конца XVIII в. Учебное пособие для слушателей ВПШ при ЦК ВКП(б). Ч. 1. М., 1946. С. 186.

¹³⁸ *Сердобольская Л.А.* К вопросу о хронологии похода русских князей против татар и битвы при реке Калке // Сборник трудов Пятигорского государственного педагогического института. Вып. 1. Ставрополь, 1947. С. 135—143.

¹³⁹ Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв. Ч. 1. IX—XIII вв. Древняя Русь. Феодальная раздробленность. М., 1953. С. 812; История СССР. Т. I. С древнейших времен до 1861 г. М., 1956. С. 131; *Каргалов В.В.* Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII век. М., 1966. С. 15—17; Битва на Калке 31 мая 1223 г. [Авт. текста А. Голыженков.] М., 1994 (Великие сражения русской истории); *Кириченко А.* Битва на Калке. Харьков, 2010; *Елисеев М.Б.* Битва на Калке. М., 2017. (Ратная история Руси.)

¹⁴⁰ *Базилевич К.В., Бахрушин С.В., Панкратова А.М., Фохт А.В.* История СССР. Учебник для 8 класса средней школы. 12-е изд. М., 1953. С. 81; *Епифанов П.П., Федосов И.А.* История СССР. Учебное пособие для IX—X классов средней школы. 2-е изд. М., 1964. С. 57; История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. акад. Б.А. Рыбакова. Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «История». М., 1983. С. 107; *Логунова Г.В.* Русь и Золотая Орда: проблема взаимовлияния: Уч. пособие. Иркутск, 2014. С. 51, 58.

¹⁴¹ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 317—318. Примеч. 112.

¹⁴² *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 73—74.

¹⁴³ *Кузнецов А.А.* О дате битвы на Калке в летописании XV—XVI вв. // История и исторический процесс (Мат-лы науч. конф., посв. памяти д-ра ист. наук, проф. Сергея Борисовича Сенюткина. 3.12.2004). Н. Новгород, 2005. С. 124—135.

¹⁴⁴ *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 205. Примеч. 1; *Матфей Парижский.* Великая хроника // Арабески истории. Альманах. Вып. 3. М., 1996. С. 284; ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 717. Относительно личности архиепископа Петра было высказано мнение, что он являлся архиепископом Белгорода под Киевом (*Веселов Ф.Н.* Апокалипсис XIII в.: первое столкновение русских с монголами сквозь призму средневекового миропонимания // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 2. С. 258).

¹⁴⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 412—413.

¹⁴⁶ Там же. Стб. 420; *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 86—87.

¹⁴⁷ Толочко А.П. Известен ли год рождения Даниила Романовича Галицкого? // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007. С. 221—236. Версия А.П. Толочко не получила поддержки. А.Н. Гарявин и С.Ш. Солиева, а также А.Н. Нестеренко полагают, что Даниил родился, в соответствии с летописным указанием, в 1201 г. Что же касается возраста Даниила в момент битвы на Калке, А.Н. Нестеренко предположил, что, «возможно, в данном случае летописец специально приуменьшает возраст князя, чтобы оправдать его безрассудное поведение в битве» (Гарявин А.Н., Солиева С.Ш. «Король Руси» Даниил Романович Галицкий // Высшая школа: научные исследования. Мат-лы Межвузовского международного конгресса (Москва, 27 мая 2021 г.). Т. 2. М., 2021. С. 89; Нестеренко А.Н. Даниил Романович Галицкий // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 23, 48).

¹⁴⁸ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 8, 353; Тихомиров М.Н. Древняя Москва. М., 1947. С. 203.

¹⁴⁹ Приселков М.Д. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996. С. 202—203; Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 17—58.

¹⁵⁰ Е.Н. Тарасенко появление в Рогожском летописце явно недоверного 6734 года битвы (вместо 6731) объяснил иначе. Скорее всего, писец перепутал $\text{ѣ} = 1$ с $\text{д} = 4$, так как начертания букв а (аз) и д (добро) довольно близки (Тарасенко Е.Н. Окрестности Розовки до монгольского нашествия: Исторический очерк. Мариуполь, 2012. С. 125—126).

¹⁵¹ Цыб С.В. Когда была битва на Калке (историография вопроса) // Известия Алтайского государственного университета. Сер. «История, политология». 2008. № 4/2 (60). С. 217—222; Он же. Когда была битва на Калке // Там же. 2009. № 4/3 (64/3). С. 240—244. Позднее материалы этих статей вошли в книгу: Цыб С.В., Гартман А.В., Чичинов В.А. Очерки хронологии первых русско-монгольских сражений. Барнаул, 2021 (Глава 1. Хронология первого сражения. С. 9—74).

¹⁵² Березин И.[Н.] Указ. соч. С. 29—30.

¹⁵³ Никольский К., прот. Пособие к изучению устава богослужения Православной Церкви. СПб., 1907. С. 152.

¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 149—150.

¹⁵⁵ Рыбаков Б.А. Запись о смерти Ярослава Мудрого // Советская археология. 1959. № 4. С. 244—249.

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 462.

¹⁵⁷ Черепнин Л.В. Русская хронология. М., 1944. С. 50. Табл. XI. Суточный счет часов.

¹⁵⁸ Куник А.А. О признании 1223 года годом битвы при Калке. С. 781.

¹⁵⁹ *Хмыров М.Д.* Первое нашествие татар на Россию в 1224 г. (Очерк из русских и монгольских нравов XIII века). СПб., 1871. С. 9.

¹⁶⁰ *Сердобольская Л.А.* К вопросу о хронологии похода русских князей против татар и битвы при реке Калке // Сб. трудов Пятигорского государственного педагогического института. Вып. 1. Ставрополь, 1947. С. 143.

¹⁶¹ *Романов В.К.* Битва при р. Калке и ее отражение в русском летописании (историко-текстологическое исследование). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 22; *Астайкин А.* Первое столкновение русских с монголами // Арабески истории. Вып. 3. М., 1997. С. 450—453; *Пчелов Е.В.* Один проигранный бой — и почти три века рабства. О русско-монгольском столкновении на Калке // Военно-исторический журнал. 1997. № 2. С. 81—82; *Котляр М.Ф.* Калка, битва на річці 1223 // Енциклопедія історії України. Т. 4: Ка—Ком. Київ, 2007. С. 38 (на укр. яз.).

¹⁶² *Савельев Ю.Е.* Особенности организации военного дела в Монгольской империи. Битва на реке Калке. Методические разработки по курсу «Страноведение». М., 1998. С. 17; *Жарко С.Б.* К вопросу о битве на реке Калке в 1223 г. // *Studia Historica Europae Orientalis.* Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Вып. 3. Минск, 2010. С. 44; *Елисеев М.Б.* Битва на Калке. С. 47.

¹⁶³ Битва на Калке 31 мая 1223 г. [Авт. текста А. Голыженков]. М., 1994. С. 34; *Зеленский Ю.В.* Битва на р. Калке: мифы и реальность // Междисциплинарные исследования в социально-гуманитарных науках: Сб. науч. трудов по мат-лам Междунар. науч.-практич. конф. 30 ноября 2018 г. Ч. II. Белгород, 2018. С. 9.

¹⁶⁴ *Плетнева С.А.* Половцы. М., 1990. С. 169.

¹⁶⁵ *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. Т. II и III. История российская. Ч. 2. М., 1995. С. 215 (второй пагинации). Точку зрения В.Н. Татищева о расположении вала близ Триполя поддержал А.А. Астайкин (*Астайкин А.* Первое столкновение русских с монголами // Арабески истории: Альманах. Вып. 3. М., 1996. С. 446). *Барсов Н.[П.]* Мат-лы для историко-географического словаря России. Вильна, 1865. С. 22. М.Н. Макаров (1789—1847) размещал Половецкий вал по дороге из Москвы в Тамбов, начиная с Козлова (современный Мичуринск в 70 км к западу от Тамбова) и далее к Усмани (в 75 км к югу от Липецка). Но согласиться с этим нельзя, поскольку в данном случае речь идет о Белгородской черте, устроенной во второй четверти XVII в. (*Макаров М.Н.* Русские предания. Третья книжка. М., 1840. С. 10—12).

¹⁶⁶ *Kowalczyk E.* Waly Zmijowe. Ze studiow nad obrona stala ziem ruskich we wczesniejszym sredniowieczu // *Kwartalnik historii kultury materialnej.* 1969. Т. XVII. № 2. S. 147. (На польск. яз.). С тем, что Половецкий вал находился восточнее Днепра, согласен и Д.Г. Хру-

сталеv (*Хрусталеv Д.Г.* Русь и монгольское нашествие (20—50 гг. XIII в.). СПб., 2013. С. 63).

¹⁶⁷ *Кучера М.П.* Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев, 1987. С. 9.

¹⁶⁸ Письмо архиепископа Брунона к германскому императору Генриху II // Киевские университетские известия. 1873. № 8. Отд. II. С. 7.

¹⁶⁹ О нем: *Эммаусский А.В.* Мстислав Удалой. Из истории Древнерусского государства накануне монголо-татарского завоевания. Киров, 1998; *Нестеренко А.Н.* Князь Мстислав Мстиславич Торопецкий (Удалой) // Вопросы истории. 2017. № 11. С. 21—45; *Головко О.Б.* Князь Мстислав Мстиславич «Удатный» і його доба. Кам'янець-Подільський, 2017 (на укр. яз.). [Рец.: *Попель Р.І.* «Мстислав Великий Удатный»: новая біяграфія князя // *Studia Historica Eurgorae Orientalis.* Исследования по истории Восточной Европы: Науч. сб. Вып. 11. Минск, 2018. С. 227—232 (на белор. яз.); *Чернявский С.Н.* Мстислав Удалой. За правое дело. М., 2018. Ближайшими потомками Мстислав Мстиславич был прозван Удатным, то есть способным, удачливым. Однако в отечественной историографии у ряда историков сложилась традиция его ошибочного именованія Удалым.

¹⁷⁰ *Головко А.Б.* Половецкий фактор в политической жизни Юго-Западной Руси (вторая половина XII — первая половина XIII в.) // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2016. Вып. 5. С. 264.

¹⁷¹ *Романов В.К.* Битва при р. Калке и ее отражение в русском летописании (историко-текстологическое исследование). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 20; *Астайкин А.* Первое столкновение русских с монголами. С. 446.

¹⁷² *Черепнин Л.В.* Пути и формы политического развития русских земель XII — начала XIII в. // Польша и Русь. М., 1974. С. 29.

¹⁷³ *Головко А.Б.* Рейд туменов Джебе и Субедея в Восточную Европу (1222—1223 гг.) в процессе формирования Монгольской империи и Рах *mongolica* // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26. Вып. 1. Сер. «История и филология». С. 49.

¹⁷⁴ ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 23.

¹⁷⁵ *Инков А.А.* К вопросу о единстве князей Рюрикава дома в XII—XIII вв. // Власть. 2013. № 6. С. 123—125.

¹⁷⁶ *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва. XII—XV вв. Средневековая Россия на международных путях. XIV—XV вв. М., 1992.

¹⁷⁷ ДДГ. № 84. С. 332—341.

¹⁷⁸ ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 69 (первой пагинации).

- ¹⁷⁹ Повесть временных лет. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1999. С. 14.
- ¹⁸⁰ Там же. С. 66.
- ¹⁸¹ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 416.
- ¹⁸² Там же. Стб. 418.
- ¹⁸³ Там же. Стб. 418.
- ¹⁸⁴ *Толочко А.П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 47—48.
- ¹⁸⁵ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 336. Аналогичное известие в Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. II. Стб. 445).
- ¹⁸⁶ *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977. С. 196.
- ¹⁸⁷ *Клосс Б.М.* Памятник русского эпоса в записи XVI в. // История СССР. 1968. № 3. С. 151—157.
- ¹⁸⁸ В виде анахронизма подобный порядок сохранился до наших дней в Англии, когда в очереди на престол может стоять несколько десятков человек, в зависимости от степени родства с монархом.
- ¹⁸⁹ *Конявская Е.Л.* Половцы в ранних летописях: оценки и интерпретации летописцев // *Slovène. International Journal of Slavic Studies.* 2015. № 1. С. 187. Обзор работ, посвященных русско-половецким отношениям: *Саламатова (Зарипова) А.Н.* Проблема русско-половецкого взаимовлияния в постсоветской историографии // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура. Мат-лы Всерос. с междунар. участием науч. конф. молодых ученых. Ижевск, 28—29 ноября 2017 г. Ижевск, 2018. С. 12—19; *Она же.* Роль половцев в битве на Калке в отечественной историографии XVIII—XX вв. // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура. Мат-лы VII Всерос. с междунар. участием науч. конф. молодых ученых. Ижевск, 3—4 декабря 2019 г. Ижевск, 2020. С. 44—55.
- ¹⁹⁰ *Романов В.К.* Указ. соч. С. 20; *Астайкин А.* Первое столкновение русских с монголами. С. 446; *Головко А.Б.* Рейд туменов Джеббе и Субедея в Восточную Европу. С. 50.
- ¹⁹¹ Д.Г. Хрусталева выдвинул робкое предположение, что Басты, возможно, был сыном Юрия Кончаковича, поскольку тот прежде был назван «большим из всех половцев», но тут же возразил сам себе — почему принявший христианство Юрий не крестил своего сына ранее? (*Хрусталева Д.Г.* Русь и монгольское нашествие. С. 65).
- ¹⁹² *Зеленский Ю.В.* О христианстве у половцев // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 11—8 (по материалам XX Международной научно-практической конференции. Белгород, 30 ноября 2016 г.). С. 23—24.
- ¹⁹³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 426.
- ¹⁹⁴ Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. СПб., 1997. С. 260.

¹⁹⁵ Золотая Орда в источниках. Т. III. Китайские и монгольские источники. М., 2009. С. 228.

¹⁹⁶ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Христианские имена половецких язычников // Восточная Европа в древности и средневековье. 2014. Т. 26. С. 158—162 (также вошло в их книгу: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Русские имена половецких князей. Междинастичские контакты сквозь призму антропонимики. М., 2013).

¹⁹⁷ Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. II и III. С. 215 (второй пагинации).

¹⁹⁸ ПСРЛ. Т. XLI. Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995. С. 131.

¹⁹⁹ Подробнее об этих событиях: Эммаусский А.В. Мстислав Удалой. Из истории Древнерусского государства накануне монголо-татарского завоевания. Киров, 1998. С. 64—77.

²⁰⁰ Эту цифру впервые привел В.Н. Татищев, а затем повторил М.Д. Хмыров (1830—1872) [Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. II и III. С. 215 (второй пагинации); Хмыров М.Д. Алфавитно-справочный перечень государей русских и замечательнейших особ их крови. СПб., 1870. С. 20. № 49].

²⁰¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 434—435.

²⁰² Кузнецов А.А. Элементы имперской практики во внешней политике Владимирского княжества первой трети XIII в. // Ученые записки Казанского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2017. Т. 159. Кн. 4. С. 791—808.

²⁰³ Астайкин А. Первое столкновение русских с монголами. С. 446.

²⁰⁴ Кучкин В.А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 10.

²⁰⁵ Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 107; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. II—III. М., 1991. С. 326. Примеч. 336.

²⁰⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 231.

²⁰⁷ Беляшевский Н.Ф. Церковище возле дер. Монастырск Каневского у. Киевской губ. // Киевская старина. 1889. Т. XXIV. Январь. С. 210—213; Лебединцев П.Г. К статье Беляшевского // Там же. С. 213—217; Беляшевский Н.Ф. Розкопки в Зарубьскому монастирі // Наше минуле. Ч. 2. Київ, 1918. С. 200—201 (на укр. яз.); Каргер М.К. Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб // Советская археология. Вып. 13. М., 1950. С. 33—66; Максимов Е.В., Петрашенко В.В. Городище Монастирьок VIII—XIII ст. на Середньому Дніпрі // Археологія. 1980. Вип. 33. С. 3—18 (на укр. яз.); Петрашенко В.В. Городище Монастирьок VIII—X вв. в свете новых исследований // Земли Южной Руси в IX—XIV вв. Киев, 1985. С. 71—83.

- ²⁰⁸ *Моргунов Ю.Ю.* Заруб // Большая российская энциклопедия. Т. 10. Железное дерево — Излучение. М., 2008. С. 276.
- ²⁰⁹ ПСРЛ. Т. I. С. 505.
- ²¹⁰ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 142.
- ²¹¹ *Раннопорт П.А.* О местоположении смоленского города Заруба // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 129. Средневековые древности Восточной Европы. М., 1972. С. 21—23; *Курмановский В.С.* О локализации податных центров Лучин и Заруб Смоленского княжества // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 255. М., 2019. С. 337—346; *Шинаков Е.А.* От Чернигова до Смоленска. Военная история юго-западного русского порубежья с древнейших времен до XVII в. М., 2018. С. 124, 136.
- ²¹² *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. С. 49.
- ²¹³ Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 5 (Е — Зинутие). М., 1978. С. 289.
- ²¹⁴ ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 38.
- ²¹⁵ *Строков А.А.* Военное искусство Руси периода феодальной раздробленности. М., 1949. С. 75.
- ²¹⁶ *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. Т. II и III. С. 216 (второй пагинации).
- ²¹⁷ *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 501; Битва на Калке 31 мая 1223 г. [Авт. текста А. Гольженков.] М., 1994. С. 27.
- ²¹⁸ *Пчелов Е.В.* Один проигранный бой — и почти три века рабства. О русско-монгольском столкновении на Калке // Военно-исторический журнал. 1997. № 2. С. 81.
- ²¹⁹ *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингисхана. М., 2005. С. 331.
- ²²⁰ *Елисеев М.Б.* Битва на Калке. М., 2017. С. 36. (Ратная история Руси.)
- ²²¹ *Савельев А.Н.* Урок Калки // Русский дом. Журнал для тех, кто любит Россию. 2013. № 5. С. 18.
- ²²² *Селезнев Ю.В.* Русско-ордынские военные конфликты XIII—XV веков. М., 2017. С. 24.
- ²²³ *Хрусталева Д.Г.* Русь и монгольское нашествие. С. 85—86; *Зеленский Ю.В.* Битва на р. Калке: мифы и реальность // Междисциплинарные исследования в социально-гуманитарных науках: Сб. науч. трудов по мат-лам Междунар. науч.-практич. конф. 30 ноября 2018 г. Ч. II. Белгород, 2018. С. 8. Упомянем о попытках Г.Г. Попова подсчитать мобилизационный потенциал Монгольской империи. Согласно ему, она состояла из 44,5 тыс. юрт, каждая из которых представляла отдельную семью (в среднем из пяти человек) и могла

выставить одного воина. Следовательно, в распоряжении Чингисхана было всего 45 тыс. воинов, половина из которых служила во вспомогательных войсках, призванных контролировать захваченные территории (*Попов Г.Г.* Монголы в Восточной Европе — грозная сила? // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Сер. «Гуманитарные науки». 2012. № 7—8 (июль—август). С. 39). Оставляем данные цифры без комментариев.

²²⁴ Битва на Калке 31 мая 1223 г. [Авт. текста А. Голыженков.] С. 27.

²²⁵ *Греков И.Б., Шахмагонов Ф.Ф.* Мир истории. М., 1998. С. 61—62; *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. СПб., 2008. С. 116—118. (Русская библиотека.) [1-е изд.: М., 1946 (Ученые записки МГУ. Вып. 99), 2-е изд.: М., 1956.]

²²⁶ *Плетнева С.А.* Половцы. С. 114—115.

²²⁷ *Мавлиев А.* К вопросу о численности войска монголов и объединенного войска русских и половцев в битве на реке Калке // Дискуссии по истории Отечества: Сб. ст. Симферополь, 1997. С. 23—32.

²²⁸ *Пенской В.В.* К вопросу о численности монгольского и русско-половецкого войска в битве на р. Калка 31 мая 1223 г. // Юг России в прошлом и настоящем: история, культура, экономика: Мат-лы региональной науч.-практич. конф. Белгород, 1998. С. 13—14. К этой точке зрения присоединился А.А. Кадашевский, утверждавший, что «общая численность русских войск, вероятно, не превышала 20—30 тыс. человек» (*Кадашевский А.А.* Седые уроки сраженья // Русский дом. Журнал для тех, кто любит Россию. 2018. № 6. С. 17).

²²⁹ *Мухаметов Ф.Ф.* Роль бродников в битве на Калке // Жизнь, отданная науке. Межвузовские научные чтения, посвященные памяти профессора В.Ф. Мамонова: Тезисы докладов. Челябинск, 2002. С. 209. [*Федоров С.А.* Донцы в наследии Чингисхана // Вольное казачество (Прага). 1928. № 11. Цит. по: *Хара-Даван Э.* Чингисхан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII—XIV вв. Элиста, 1991. С. 115 (1-е изд.: Белград, 1929)].

²³⁰ Н а р у б и т и — набрать людей (Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 10 (Н — нятися). М., 1983. С. 223).

²³¹ *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. Т. II и III. С. 216 (второй пагинации); *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. М.; Л., 1938. С. 222. (Известия иностранцев о народах СССР.)

²³² *Кучкин В.[А.]* Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4. С. 4—5; *Петрушевский И.П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 117.

²³³ *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III.

М.; Л., 1940. С. 87—88, 90; *Юрченко А.Г.* Сакральная арифметика и численность армий Чингизидов // Б.Я. Владимирцов — выдающийся монголовед XX века: Мат-лы российско-монгольской науч. конф. 6—8 октября 2014 г. М.; Улан-Батор, 2015. С. 204—205.

²³⁴ *Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе (опыт исчисления). М., 1941. С. 86.

²³⁵ *Генрих Латвийский.* Указ. соч. С. 222.

²³⁶ Цит. по: *Синор Д.* Монголы на Западе // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время: Сб. науч. работ. Донецк, 2008. С. 365. (Труды по археологии.)

²³⁷ *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 76, 78—79.

²³⁸ *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. Л., 1989. С. 450, 501; *Чимитдоржиев Ш.Б.* Русские летописи как источник по истории средневековых монголов // Средневековая культура монгольских народов. Новосибирск, 1992. С. 70.

²³⁹ *Вернадский Г.В.* К вопросу о вероисповедании монгольских послов 1223 г. // *Seminarium Kondakovianum*. III. Прага, 1929. С. 145—146.

²⁴⁰ *Черепнин Л.В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. ст. 2-е изд., перер. и доп. М., 1977. С. 188.

²⁴¹ *Храпачевский Р.П.* Первые столкновения Руси с практикой монгольской «дипломатии» // Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 17—20 апреля 2018 г. Мат-лы конференции. М., 2018. С. 321.

²⁴² *Гумилев Л.Н.* Поиски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). М., 1970. С. 291.

²⁴³ *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. С. 449—450, 452, 501.

²⁴⁴ *Астайкин А.А.* «И бысть на Калках велика брань»: еще раз о хронологической и географической реконструкции событий весны 1223 г. // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2012. № 1—2 (4—5). С. 4.

²⁴⁵ *Сокульский А.Л.* К локализации летописного Олешья // Советская археология. 1980. № 1. С. 72—73; *Русев Н.Д.* Два варианта городской истории средневекового Причерноморья — Белгород и Олешье // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинев, 2015. С. 21—22 (Серия «Археологические источники Восточной Европы»); *Кузьмин А.В.* Социально-экономическая история Среднего Поднепровья (1240—1299) // Экономическая история. Ежегодник. 2016/17. М., 2017. С. 33—34.

²⁴⁶ *Пашуто В.Т.* Киевская летопись 1238 года // Исторические записки. Вып. 26. 1948. С. 281.

²⁴⁷ *Ходаковский З.* Пути сообщения в древней России // Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских. Т. 1. Кн. 1. М., 1837. С. 16.

²⁴⁸ *Иловайский Д.И.* История России. Ч. 2. Владимирский период. М., 1880. С. 82—83; *Эммаусский А.В.* Мстислав Удалой. Из истории Древнерусского государства накануне монголо-татарского завоевания. Киров, 1998. С. 93.

²⁴⁹ *Сокульский А.Л.* Указ. соч. С. 65.

²⁵⁰ *Тимохин Д.М.* Битва на Калке и завоевание Руси монгольскими войсками в арабо-персидских источниках // «Воронеж — форпост Российского государства» (к 840-летию первого упоминания г. Воронежа в русском летописании): Мат-лы всерос. науч. конф. Воронеж, 15—16 сентября 2017 г. Воронеж, 2017. С. 49. Это подтверждает и *Плано Карпини*: «Ведь у татар есть обычай: ни в коем случае не заключать мир с теми людьми, которые убивают их послов, пока не отомстят за них, как только смогут» (*Плано Карпини И., де.* История монголов. М., 2022. С. 189).

²⁵¹ *Маслова С.А.* Ордынские послы на Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 82.

²⁵² *Словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. А—Й.* 2-е изд., испр. и доп. М., 1981. С. 250.

²⁵³ *Тельнов Н.П., Степанов В.П., Русев Н.Д., Рабинович Р.А.* «И... разошлись славяне по земле». Из истории Карпато-Днестровских земель VI—XIII вв. Кишинев, 2002. С. 218—230; *Титова Е.* «А уличи и тиверцы седяху по Днестру». Этнический состав населения Карпато-Днестровских земель в VI—XIII вв. // Русин [Кишинев]. 2008. № 1—2 (11—12). С. 210—211; *Юсупович А.* Галицкие «выгнанцы» или «выгонцы»? // *Rossica Antiqua.* СПб., 2012. № 2 (6). С. 114—133 / Пер. с польск. А.В. Майорова.

²⁵⁴ *Ляскоронский В.Г.* Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход кн. Витовта на татар в 1399 году. СПб., 1907. С. 70; *Спицын А.А.* Русская историческая география: Учебный курс. Пг., 1917. С. 37; *Астайкин А.А.* «И бысть на Калках велика брань». Еще раз о хронологической и географической реконструкции событий весны 1223 г. // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2012. № 1—2 (4—5). С. 11.

²⁵⁵ Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 111.

²⁵⁶ *Мавродин В.В.* Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949. С. 105; *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 250.

²⁵⁷ В районе острова Хортица Днепр разделяется на два русла: Старый Днепр (западнее острова) и Новый Днепр (или просто Днепр). На современной карте обозначены две реки Хортицы, впадающие в Старый Днепр: Верхняя Хортица и Нижняя Хортица, впа-

дающая южнее одноименного поселка. Поскольку летопись явно связывает реку Хортицу с бродом, Е.Н. Тарасенко отдал предпочтение реке Верхней Хортице, которая ближе к броду (*Тарасенко Е.Н. Окрестности Розовки до монгольского нашествия: Исторический очерк. Мариуполь, 2012. С. 130*).

²⁵⁸ *Тарасенко Е.Н. Указ. соч. С. 132.*

²⁵⁹ *Плано Карпини И., де. История монголов. М., 2022. С. 156—157.*

²⁶⁰ *Тарасенко Е.Н. Указ. соч. С. 133.*

²⁶¹ *Ельников М.В. Золотоординські часи на українських землях. Київ, 2008. С. 86. (На укр. яз.); Белова Я.Ю. Степные города на территории Украины как центры золотоординской культуры: к истории этнонациональных культурных контактов // Гуманитарные науки (Симферополь). 2013. № 2. С. 159—160; Тарасенко Е.Н. Указ. соч. С. 133.*

²⁶² *Словарь русского языка XVIII в. Вып. 12. Лыстец—Молвотворство. СПб., 2001. С. 28.*

²⁶³ *Поу С. Последняя кампания и смерть Джебе-нойона // Золотоординское обозрение. 2017. Т. 5. № 4. С. 698—725 (перевод: Pow S. The Last Campaign and Death of Jebe Noyan // Journal of the Royal Asiatic Society. Cambridge. 2017. Vol. 27. Is. 1. P. 31—51); Тимохин Д.М., Тишин В.В. О новых тенденциях в изучении истории монгольских завоеваний: на примере статьи Стивена Поу «Последняя кампания и смерть Джебе-нойона» // Золотоординское обозрение. 2018. Т. 6. № 3. С. 596—617.*

²⁶⁴ *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II. Л—П. СПб., 1902. Стб. 1599. Словарь русского языка XI—XVII вв. для этого слова дает значение *промытое в твердом грунте узкое русло реки* (Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 20 (Присвоение—Прочнутися). М., 1995. С. 264.*

²⁶⁵ *Кудряшов К.В. Половецкая степь. Очерки исторической географии. М., 1948. С. 131 (Записки Всесоюзного географического общества. Новая серия. Т. 2).*

²⁶⁶ *Пчелов Е.В. Один проигранный бой — и почти три века рабства. О русско-монгольском столкновении на Калке // Военно-исторический журнал. 1997. № 2. С. 81.*

²⁶⁷ *Плано Карпини И., де. История монголов. М., 2022. С. 157; Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. Александр Невский: эпоха и память. Исторические очерки. СПб., 2018. С. 161.*

²⁶⁸ *Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л., 1952. С. 229 (переизд. репринтом: М., 2002).*

²⁶⁹ *Григорович В.[И.] Записка антиквара о поездке его на Калку и Калмиус, в Корсунскую землю и на южные побережья Днепра и Днестра. Одесса, 1874. С. 13—14.*

²⁷⁰ *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. Т. IV. История Российская. Ч. 2. М., 1995. С. 363.

²⁷¹ *Ляскоронский В.Г.* Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход кн. Витовта на татар в 1399 г. СПб., 1907. С. 67—84. (Отт.: Журнал Министерства народного просвещения. 1907. Кн. 3—5.) Очевидно, причиной для попытки подобной локализации стал простой подсчет: от района Канева, где исследователи ошибочно полагали место сбора русских ратей, до Кальмиуса по прямой около 700 км. Поскольку скорость передвижения средневекового войска не превышает 30 км в день, это делает невозможным локализацию Калки в районе Кальмиуса. Если же отождествить Калку с Кильченем, притоком Самары, впадающим в Днепр (примерно в 340 км от Канева), это становится возможным.

²⁷² *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. Т. II (Е—Муж). М., 1986. С. 163; *Калинкин В.М.* Филологическое краеведение Донбасса в трудах Е.С. Отина // Восточнославянская филология. Языкознание. 2015. № 1 (27). С. 4—6; *Соколов Д.Г., Новикова Ю.Н.* Происхождение гидронима Кальмиус // Язык и культура: Сб. науч. трудов IV Республиканской науч. конф. Макеевка, 2018. С. 52—55; *Мозговой В.И.* Проблема исторической памяти в топонимии Донбасса // Вестник Донецкого национального университета. Сер. Д: Филология и психология. 2019. № 3. С. 31—37.

²⁷³ Христианский мир и «великая монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002. С. 108—109; *Черкас Б.В.* Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, адміністративно-територіальний устрій, економіка, міста (XIII—XIV ст.). Київ, 2014. С. 54—55 (на укр. яз.).

²⁷⁴ Книга Большому Чертежу. С. 110.

²⁷⁵ Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 19. Историзм—Канди. [М., 1953]. С. 441—442; Большая советская энциклопедия. Т. 11. Италия—Кваркуш. М., 1973. С. 217—218; Большая российская энциклопедия. Т. 12. Исландия—Канцеляризм. М., 2008. С. 526.

²⁷⁶ Журнал раскопок Н.Е. Бранденбурга 1888—1902 гг. Работы в губерниях: Киевской, Полтавской, Харьковской, Каменец-Подольской, Екатеринославской, Таврической, Черниговской, Могилевской, Новгородской, Смоленской и в Области войска Донского. СПб., 1908. С. 178—190.

²⁷⁷ *Шмаков И.* Побойще на Калке // Екатеринославские губернские ведомости. 1890. № 60.

²⁷⁸ *Трефильев Е.П.* Археологическая экскурсия по течению рр. Кальмиуса и Кальчика в пределах Мариупольского уезда, Екатеринославской губ. летом 1904 г. // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе. Т. 1. М., 1907. С. 366—368. О съезде: *Кармази-*

на Н.В. XIII археологический съезд в Екатеринославе: разработка комплексной программы исследования культурного наследия Юга России // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2014. Т. 27 (66). № 1. С. 29—37.

²⁷⁹ Хитров Д.А. Книга Большому Чертежу // Большая Российская энциклопедия. Т. 14 (Крещение Господне—Ласточкивые). М., 2009. С. 333.

²⁸⁰ Книга Большому Чертежу. С. 68.

²⁸¹ Саханев В. Разведка на месте битвы при р. Калке 1224 г. // Записки Отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. Т. XI. Пг., 1915. С. 22—34.

²⁸² Тарасенко Е.Н. Указ. соч. С. 152. О П.М. Пиневице см.: Косиков В.А., Божко Р.П. Мариупольский краевед Петр Митрофанович Пиневиц // Донецкий археологический сборник. Вып. 8. Донецк, 1998. С. 5—14.

²⁸³ Кудряшов К.В. О местоположении реки Калки // Вопросы истории. 1954. № 9. С. 118—119.

²⁸⁴ Тарасенко Е.Н. Указ. соч. С. 153.

²⁸⁵ Ёльников М.В. Золотоординські часи на українських землях. Київ, 2008. С. 36 (на укр. яз.).

²⁸⁶ Романов В.К. Указ. соч. С. 21—22.

²⁸⁷ Кравченко Э.Е. Погребение знатного воина XIII в. на реке Калке // Степи Европы в эпоху средневековья: Сб. науч. работ. Сер. «Труды по археологии». Т. 3. Половецко-золотоординское время. Донецк, 2003. С. 123—130.

²⁸⁸ Кудряшов К.В. Половецкая степь. Очерки исторической географии. С. 117.

²⁸⁹ Тарасенко Е.Н. Указ. соч. С. 149—150.

²⁹⁰ О заповеднике «Каменные могилы»: Панова Л.С. Каменные могилы. Донецк, 1974 (2-е изд., испр. и доп.: Донецк, 1981); Каменные могилы // Заповедная природа Донбасса. 2-е изд., доп. Донецк, 1987. С. 25—33; Сиренко В.О. Заповідник «Кам'яні Могили». Київ, 2005 (на укр. яз.); Каменные могилы — прошлое и настоящее: Матлы науч.-практич. конф., посвященной 85-летию юбилею отделения Украинского степного природного заповедника НАН Украины «Каменные могилы». Вып. 2. Донецк, 2012.

²⁹¹ Тарасенко Е.Н. Указ. соч. С. 152—157.

²⁹² Книга Большому Чертежу. С. 68.

²⁹³ Битва на Калке 31 мая 1223 г. [Авт. текста А. Голыженков.] М., 1994. С. 15. (Великие сражения русской истории.)

²⁹⁴ Лосев В.В., Выучейский К.А. Характеристика русско-монгольского вооруженного противостояния в первой половине XIII в. // Аспирант. 2019. № 8 (50). С. 34—36.

- ²⁹⁵ *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л., 1952. С. 229 (переизд. репринтом: М., 2002).
- ²⁹⁶ *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I—VI). Текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 359 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы) [Ян Длугош ошибочно датирует битву на Калке 1212 г.]; *Меховский Матвей*. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 48.
- ²⁹⁷ *Тарасенко Е.Н.* Указ. соч. С. 147—148.
- ²⁹⁸ *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л., 1952. С. 229.
- ²⁹⁹ *Цыб С.В., Гартман А.В., Чичинов В.А.* Очерки хронологии первых русско-монгольских сражений. Барнаул, 2021. С. 73—74.
- ³⁰⁰ *Астайкин А.А.* «И бысть на Калках велика брань». Еще раз о хронологической и географической реконструкции событий весны 1223 г. // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2012. № 1—2 (4—5). С. 11.
- ³⁰¹ *Эммаусский А.В.* Мстислав Удалой. Из истории Древнерусского государства накануне монголо-татарского завоевания. Киров, 1998. С. 97.
- ³⁰² Битва на Калке 31 мая 1223 г. [Авт. текста А. Голыженков.] М., 1994 (Великие сражения русской истории); *Астайкин А.А.* Битва на Калке. 28—31 мая 1223 года // Атлас Tartarica. История татар и народов Евразии. Республика Татарстан вчера и сегодня. Казань; М.; СПб., 2005. Карта (С. 279); *Хрусталева Д.Г.* Русь и монгольское нашествие (20—50 гг. XIII в.) СПб., 2013. С. 83.
- ³⁰³ *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л., 1952. С. 229 (переизд. репринтом: М., 2002).
- ³⁰⁴ *Грушевский М.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV ст. Киев, 1891. С. 275.
- ³⁰⁵ *Черепнин Л.В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе: 2-е изд., перераб. и доп. М., 1977. С. 189.
- ³⁰⁶ *Плетнева С.А.* Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
- ³⁰⁷ *Гумилев Л.Н.* Открытие Хазарии. М., 2002; *Сопов А.В.* Бродники — предшественники казаков // Вопросы казачьей истории и культуры. Кубанская ассоциация «Региональный фестиваль казачьей культуры». Майкоп, 2009. С. 16—22. При этом даже конкретизировалось, что бродники представляли собой остатки смешанного русско-хазарского этноса Саркела — Белой Вежи (*Кирсанов Е.В.* Город Руссия в отечественной историографии // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 1. С. 55—64).
- ³⁰⁸ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. И—О. М., 1979. С. 72; *Мухаметов Ф.Ф.* Роль бродников в битве на Калке // Жизнь, отданная науке. Межвузовские научные

чтения, посвященные памяти профессора В.Ф. Мамонова: Тезисы докладов. Челябинск, 2002. С. 208—211.

³⁰⁹ *Попело А.В.* Летописное сообщение о воеводе бродников Плоскыне. К возможности прояснения некоторых вопросов, связанных с этой этнической общностью в контексте сообщения // Воротынские чтения. Средневековая Россия: военный и духовный подвиг предков: Мат-лы II Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием. Вологда, 2022. С. 190—193.

³¹⁰ *Бубенок О.Б.* Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI — начало XIII вв.). Киев, 1997.

³¹¹ Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 55, 90, 130.

³¹² *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV (Р—V). М., 1980. С. 372.

³¹³ О сурожанах см.: *Перхавко В.* Негоцианты — послы-разведчики // Наука в России. 2011. № 5. С. 65—72.

³¹⁴ *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. М., 1957. С. 66—67.

³¹⁵ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 57.

³¹⁶ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 5. М.; Л., 1965. С. 143.

³¹⁷ *Масловский Д.Ф.* Из истории военного искусства в России. Опыт критического разбора похода Дмитрия Донского 1380 года до Куликовской битвы включительно // Военный сборник. 1881. № 8—9. С. 228. Примеч. 1.

³¹⁸ *Медведева И.Н.* Русская Таврида. Очерки. Кн. 1. Симферополь, 1946. С. 24.

³¹⁹ *Антонин (Капустин А.И.), архимандрит.* Заметки XII—XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судак), приписанные на греческом Синаксаре // Записки Одесского общества. Т. V. С. 611. Заметка № 104; *Васильевский В.Г.* Труды. Т. III [Русско-византийские исследования: Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского]. Пг., 1915. С. XXVII, XXXVIII.

³²⁰ *Антонин (Капустин А.И.), архимандрит.* Указ. соч. С. 607—608. Заметка № 82; С. 606. Заметка № 68.

³²¹ Золотая Орда в источниках. Т. III. Китайские и монгольские источники. М., 2009. С. 228.

³²² Там же. Т. III. С. 223.

³²³ *Хрусталева Д.Г.* Русь и монгольское нашествие (20—50-е гг. XIII в.). СПб., 2013. С. 89.

³²⁴ Цит. по: *Синор Д.* Монголы на Западе // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время: Сб. науч. работ. Донецк, 2008. С. 364. (Труды по археологии.)

³²⁵ *Киракос Гандзакец.* История Армении. М., 1976. С. 138.

³²⁶ *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. Т. II и III. История российская. Ч. 2. М., 1995. С. 217—218 (второй пагинации).

³²⁷ Плетнева С.А., Макарова Т.И. Южное городище у с. Витачева // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 104. Средневековые памятники Восточной Европы. М., 1965. С. 54—61; Плехонин А.Г. Новгород Святополч // Энциклопедія історії України: Т. 7. Мл—О. Київ, 2010 (на укр. яз.).

³²⁸ Головкин А.Б. Рейд туменов Джебе и Субедя в Восточную Европу (1222—1223 гг.) в процессе формирования Монгольской империи и *Rax mongolica* // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26. Вып. 1. Сер. «История и филология». С. 55.

³²⁹ Ляскоронский В.Г. Указ. соч. С. 80.

³³⁰ Разин Е.А. История военного искусства. Т. 2. М., 1957. С. 217; Каратеев М. Битва на Калке // Слово. 1990. № 12. С. 68; Битва на Калке 31 мая 1223 г. [Авт. текста А. Голыженков.] М., 1994. С. 34 (Великие сражения русской истории); Астайкин А.А. «И бысть на Калках велика брань». Еще раз о хронологической и географической реконструкции событий весны 1223 г. // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2012. № 1—2 (4—5). С. 11. После 1223 г. упоминаний о Яруне нет. Не его ли могилу обнаружили на месте битвы школьники весной 1990 г.? Э.Е. Кравченко на основе осмотра найденного шлема и маски к нему, характерного для черных клобуков, идентифицировал захоронение как черноклобуцкое. Но такие же шлемы с масками носили и половцы.

³³¹ Татищев В.Н. Указ. соч. Т. II и III. С. 218 (второй пагинации).

³³² Там же.

³³³ Там же. С. 219 (второй пагинации).

³³⁴ Там же.

³³⁵ Храпачевский Р.П. Половецкая периферия Булгара и Руси накануне и в период Батыева нашествия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 155.

³³⁶ Фарукишин Ф.Т. О месте сражения волжских булгар с монголами в 1223 г. // Актуальные проблемы тюркологии. Россия и тюркомусульманский мир: Мат-лы X междунар. тюркологич. конф. Казань, 2021. С. 456—458. Муромский городок — условное название города, подлинное имя которого не известно. «Муромским» его прозвал в XVIII в. один из первооткрывателей памятника П.С. Паллас, взяв за основу древнерусское слово «муром» — «крепость».

³³⁷ Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII—XIV вв. Элиста, 1991. С. 115. (1-е изд.: Белград, 1929.)

³³⁸ Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. II и III. История российской. Ч. 2. М., 1995. С. 217 (второй пагинации).

³³⁹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. II—III. М., 1991. С. 486.

³⁴⁰ Бузескул В.П. Князь торопецкий Мстислав Мстиславич // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССХХVIII. СПб., 1883. С. 208—209.

³⁴¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 453, 459, 460; Кучкин В.[А.] Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4. С. 5.

³⁴² Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М.; Л., 1940. С. 88.

³⁴³ Кузнецов А.А. Элементы имперской практики во внешней политике Владимирского княжества первой трети XIII в. // Ученые записки Казанского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2017. Т. 159. Кн. 4. С. 791—808.

³⁴⁴ Издатели исправили стоящее в рукописи «іюля» на «іюня», посчитав за ошибку летописца.

³⁴⁵ Издатели исправили стоящую в рукописи л , означающую 30 000, на а , соответствующую 1000.

Географический указатель

- Азербайджан 11
Азовское море (Меотийское болото) 16, 17, 69, 118, 120, 129, 139
Александровская, крепость 126
Алешки, г. 110
Алтай 11
Амударья, р. 11
Англия 224
Антониева пещера Киево-Печерской лавры 56, 59
Арран 11
Архангельская губ. 58
Афганистан 11
Афон 51
- Багдад**, г. 12
Баден 121
Белгородка, с. 90
Белгород Киевский, г. 50, 90, 220
Белгородская черта 222
Белекова Забора, порог 113
Белое море 56, 123
Беломежа, с. 122
Белый Колодезь 123
Берда, р. 118, 122, 124, 130
Берестовская десятня Суздаля 90
Ближний Восток 211
Большая Кальчиновка, с. 122
- Большая Терса, р. 124
Борисоглебская половина Ростова 61, 90
Босфор (Константинопольский), пролив 202
Брянская обл. 101
Булгар, г. 65, 80, 81, 151, 203
Быстрая Сосна, р. 17
- Вавилония** 67
Варварская десятня Суздаля 90
Введенская десятня Суздаля 90
Великопотемкинский, о. 110
Венгрия 11, 18
Венден, замок 98
Венеция, г. 139
Верхняя Хортица, р. 229, 230
Византия 29
Витачов, с. 147
Витчевский холм 147
Вишневатое (Кишвальд), с. 121, 122, 126
Владимир-Волынский, г. 21, 47, 103, 161, 172, 182
Владимир, г. 20, 31—33, 82, 103, 160, 164—167, 177, 185, 190
Волга, р. 97, 148, 151, 152, 200
Волгоград, г. 152
Волго-Уральское междуречье 148, 208

- Волжская Булгария 65, 80, 81, 151, 152, 154
- Волосский шлях 17
- Волынская губ. 107
- Волынь 87
- Ворскла, р. 119
- Восточная Европа 17, 39, 140
- Восточный Туркестан 10
- Выдубицкий монастырь 27, 28
- Вышгород, г. 90
- Гайчур, р. 124, 130
- Галицкая земля 112
- Галицко-Волынское княжество 26
- Галицкое княжество 46
- Галицкое Понижье 112
- Галич, г. 24, 32, 33, 36, 52, 53, 87, 112, 137, 158, 161, 166, 167, 170—172, 175, 181, 182, 185—187, 189, 197, 198, 205
- Гда (Гза), р. 32, 51, 166, 216
- Генуя, г. 139
- Гессен 121
- Городец, г. 97
- Городище, местность 110
- Гранитное, с. 128
- Гремячий колодезь 32, 166, 216
- Греция 111
- Гудермес, г. 13
- Дамиетта**, г. 144
- Дания 98
- Деболовское, с. 216
- Дербент, г. 12
- Дербентские ворота 12
- Десна, р. 101
- Десятинная церковь в Киеве 28
- Дешт-и-Кипчак (Куманская земля) 11, 18, 20, 23, 29, 30, 33, 69, 72, 86, 143, 157, 160, 164, 167, 171, 181, 186, 197, 201—203
- Диановка (Кировское), с. 126
- Днепровские пороги 101, 113
- Днепрогэс 113
- Днепро-Донское междуречье 16
- Днепр, р. 17, 21, 22, 24—26, 33, 34, 36, 44, 45, 69, 71, 75, 76, 85—87, 90, 91, 99—101, 103, 105, 110—115, 117—121, 123, 125, 128—133, 137, 146, 147, 149, 158, 159, 161, 162, 167—192, 197, 198, 222, 229, 231
- Днестровско-Прутское междуречье 114
- Днестр, р. 34, 112, 147, 168, 183
- Добрыничи, с. 134
- Донбасс 148
- Донецкая народная республика 129
- Дон, р. 14, 15, 33, 123, 139, 167, 171, 176, 181, 186, 191, 197
- Дунай, р. 37, 50, 170
- Евразия** 11
- Европа 69, 87, 124, 139, 152
- Европейская Россия 124
- Евфрат, р. 20, 23, 31, 157, 160, 163, 165, 171, 176, 181, 186, 191, 197
- Египет 144
- Екатеринослав (Днепропетровск), г. 120, 123
- Елкувата, р. 123
- Еферия (Елевферия), св., о. 110
- Железные горы** 142
- Закавказье** 12
- Заонежье 55
- Западная Европа 8, 139
- Западная Пруссия 121
- Западное Поволжье 152

- Запорожская обл. 116, 128, 129, 156
- Запорожье, г. 111
- Зарубина гора 100
- Зарубинцы, с. 100
- Заруб (под Каневом), г. 100, 133
- Зарубский монастырь 100
- Заруб (Смоленский), г. 101
- Заруб (у Хортицы), укрепление 24, 34, 100, 101, 105, 108, 158, 168, 172, 177, 182, 187, 198
- Зиновьево, д. 216
- Змиевы валы 85
- Золотаревское городище 152
- Золотые ворота в Киеве 91
- Иерусалим**, г. 139
- Изюмский шлях 16
- Ильинский конец Смоленска 90
- Индия 144
- Ипатьевский монастырь под Костромой 19
- Иран 11
- Ирины Св. церковь в Киеве 91
- Ирпень, р. 90
- Иртыш, р. 58
- Ишня, р. 31, 165, 166
- Кавказские горы** 12, 122, 142, 143
- Казанская губ. 65
- Калка, р. 6—8, 10, 11, 18, 19, 21, 22, 25, 26, 29, 30, 35, 37—49, 51, 52, 54, 57, 58, 60, 61, 63—72, 74—77, 79—84, 93, 95, 96, 100—105, 107, 114, 118—121, 123—128, 130—137, 139, 142—147, 150—156, 158, 162, 169, 173, 174, 178, 179, 183—185, 188—197, 200, 204, 206, 210, 212, 213, 215, 217, 218, 221, 231, 233
- Кальмиус, р. 118—121, 124, 128, 129, 231
- Кальмиусский шлях 16, 17, 118, 123, 129—133
- Кальчик, р. 120—122, 124—126, 128, 129, 131
- Кальчиновка, с. 125, 129
- Кама (приток Конды), р. 58
- Каменные могилы, местность 122, 124, 125, 127—129, 155, 232
- Канев, г. 90, 100, 231
- Каневское водохранилище 100
- Каракорум, г. 120
- Кара-таш, овраг 122
- Каратыш, р. 122, 124, 125, 128, 129, 131
- Карачев, г. 59
- Каргополь, г. 55
- Каргополье 55
- Карелия 98
- Каспийское море 12, 69
- Керченский полуостров 16
- Керченский пролив 15, 16
- Керчь (Корчев), г. 16
- Кесь (Цесис), г. 98
- Киев, г. 21, 26, 32, 33, 36, 41, 49, 50, 52, 53, 56, 57, 59, 71, 76, 81, 85—87, 90—94, 96, 99, 100, 103, 114, 143, 147, 151, 153, 156, 161, 166, 167, 170—172, 175, 177, 180, 182, 185—187, 189, 197—199, 205, 216, 220
- Киево-Печерский монастырь 27, 28, 41, 56, 59
- Киевская губ. 107
- Киевская земля 88, 90, 93, 94, 96
- Киевская Русь 107
- Кильчень, р. 120, 231
- Кирово (Таврическое), с. 116
- Китай 10, 67, 139
- Кобыльная, р. 130

- Козельск, г. 161
 Козлов (Мичуринск), г. 222
 Коломна, г. 149
 Конда, р. 58
 Конка (Конские Воды), р. 113, 115, 116, 120, 121, 124, 130—132
 Корань, с. 123
 Корсунь, г. 212
 Кострома, г. 31, 165
 Котел, р. 209
 Красолиманский район 148
 Крылошевский конец Смоленска 90
 Крым 14—18, 71, 85, 123, 132, 133, 139, 212
 Крымка, р. 123
 Кубань, р. 208
 Куликово поле 140, 149
 Кучманский шлях 17
- Ласпи, с. 123**
 Левина Гора, д. 216
 Ливны, г. 17
 Ливония 66
 Липецк, г. 222
 Липицкое поле 32, 51, 97, 166
 Люблин, г. 127
 Людин конец в Новгороде 19
 Ляцкая земля (Польша) 199
- Малая Хортица, о. 111**
 Малоянисоль (Куйбышево), с. 122—124, 126
 Малый Кальчик, р. 129, 131
 Мариновка (Гросс-Вердер), с. 122
 Мариуполь, г. 118, 121, 129
 Мартыненково, болото 148
 Медвежья Голова (Отепя), г. 99
 Медина, г. 12
 Мекка, г. 12
 Мечеть-могила 116
 Миус, р. 120, 123, 126
- Могила-Серединовка, курган 128
 Мокрый Еланчик, р. 128
 Молдавия 112
 Монголия 10, 118
 Монгольская империя 226
 Моровийск, г. 59
 Москва, г. 57, 61, 89, 123, 141, 151, 222
 Московка, р. 124
 Московская земля 200
 Московское царство 104, 123
 Мосул, г. 11
 Муравский шлях 16, 118, 131, 209
 Муром, г. 59
 Муромский городок, городище 152, 235
- Нарын-Кала, цитадель 12**
 Немига, р. 92
 Неро, оз. 216
 Нижняя Хортица, р. 229
 Никольская церковь в Киеве 91
 Новая Днепровская линия 116
 Новгород, г. 43, 45, 90, 97—99, 103, 154, 200, 212
 Новгород-Святополч, г. 23, 36, 137, 143, 147, 163, 170, 175, 185, 190
 Новгород-Северский, г. 147, 180
 Новгородская земля 90, 98
 Ново, д. 216
 Новомосковск, г. 120
 Ногайский шлях 16
- Обь, р. 123**
 Овруч, г. 27
 Ока, р. 16, 149
 Олешье (Отшелье), г. 24, 34, 110, 111, 158, 168, 172, 178, 182, 187
 Олонецкая губ. 55

- Олонецкий край 55
 Ольмин двор в Киеве 91
 Орда, Золотая Орда 17
 Орден меченосцев 98, 154
 Орель, р. 85, 113
 Оренбургская губ. 65
 Ореховский район Запорожской обл. 116
- Пекин**, г. 139
 Пенза, г. 152
 Перекопский перешеек 15—17
 Перемышль, г. 148
 Переславль-Залесский, г. 97
 Переяславец на Дунае, г. 50
 Переяславль Русский (Южный), г. 40, 41, 60
 Переяславская земля 85
 Переяславское княжество 120
 Петрозаводск, г. 55
 Печегда, р. 216
 Печорский край 56
 Поволжье 81, 106
 Подлесново, д. 216
 Подольская губ. 107
 Подонье 105
 Половецкий вал 20, 24, 29, 30, 33, 85—87, 157, 160, 164, 167, 171, 176, 181, 186, 197, 222
 Полоцк, г. 104
 Полтавская губ. 107
 Поросье 127
 Посулье 87
 Потудань, р. 209
 Почайна, р. 52, 53
 Приазовье 111
 Прибалтика 66, 98, 99, 154
 Приволжская возвышенность 124, 152
 Протоличи (Кичкас), брод 21, 34, 101, 112—114, 117, 161, 168, 173, 178, 183, 188, 204
 Проточи, р. 113
 Прут, р. 112
- Псков, г. 154
 Пужбал, с. 31, 165
 Пятницкий конец Смоленска 90
- Ревель** (Таллин), г. 98, 99
 Ржева Володимирова, г. 148
 Рига, г. 98, 205
 Рим, г. 116, 138, 154
 Рогнедино, с. 101
 Розен-Гартен, с. 122
 Розовка (Грунау), с. 122, 125, 128
 Ростов, г. 20, 31, 32, 37, 39, 40, 49, 61, 90, 161, 164—166, 170, 180, 185, 190, 199, 215
 Ростовский уезд 216
 Ростовское княжество 61, 62, 90
 Руденвица, с. 122
 Русский Север 56, 148
 Русь (Россия) 6—9, 11, 18, 20, 21, 23, 24, 26, 29, 30, 32, 33, 35, 37, 49, 52—54, 56, 57, 64, 68, 69, 77, 80, 81, 85—90, 92—94, 98, 99, 101—103, 106, 107, 111, 118, 119, 121, 123, 124, 139, 140, 144, 147, 150, 151, 154, 156—158, 160, 161, 163, 164, 166—172, 174, 175, 177, 179—182, 184—187, 189—195, 197—202, 204, 205, 212
 Рязанская земля 212
 Рязанское княжество 89
 Рязань, г. 211
- Самара**, р. 119, 120, 231
 Самарканд, г. 152
 Самарская лука 152
 Санкт-Петербург, г. 55, 121
 Сара, р. 216
 Саркел (Белая Вежа), г. 233
 Сарское болото 216
 Сарское городище 216
 Саур-могила 115

- Святая Земля (Палестина) 15, 139
- Северное Приазовье 15, 128
- Северное Причерноморье 16, 140
- Северный Иран 12
- Северный Кавказ 13, 15, 151
- Северо-Восточная Русь 37, 154
- Северский Донец, р. 123, 148, 150
- Семиречье 10
- Сиваш, залив 18
- Сирия 139
- Сить, р. 38
- Скнятиново, с. 216
- Смоленск, г. 32, 90, 94, 105, 151, 172
- Смоленское княжество 94, 101
- Софийский собор в Киеве 59, 81, 91—93
- Софийский собор г. Судака 15
- Средиземное море 139
- Среднерусская возвышенность 124
- Средняя Азия 8, 11, 111, 139, 144
- Сретенская половина Ростова 61, 90
- Сталинская (Донецкая) область 125
- Стамбул (Константинополь), г. 14, 114, 139
- Старгородская десятня Суздаля 90
- Стародуб, г. 151
- Старокиевская гора 91
- Старченково (Темрюк), с. 122, 125
- Старый Днепр, р. 111, 229
- Старый Крым, с. 121
- Судак (Сугдея, Сурож), г. 14, 15, 71, 72, 139—141, 201, 202, 219
- Суздаль, г. 90
- Суздальская земля 154
- Сула, р. 87
- Сунжа, р. 13
- Сырдарья, р. 152
- Таврида 15, 16, 85, 111
- Таманский полуостров 16
- Тамань 15, 16
- Тамбов, г. 222
- Тверь, г. 90, 148
- Терек, р. 13
- Теханово, д. 216
- Тигр, р. 20, 23, 31, 157, 160, 163, 165, 171, 176, 181, 186, 197
- Тмутаракань, г. 16, 60
- Торжок, г. 97
- Тор, р. 124
- Триполье, с. 85, 222
- Трубезж, р. 100
- Тула, г. 17
- Турция (Иконийский султанат, Румская страна) 140, 202
- Угодичи, с. 31, 166
- Угорская земля (Венгрия) 199
- Угорское, урочище 91, 93
- Уза, р. 31, 166
- Украина 17, 147, 156
- Украинский кристаллический щит 113, 128
- Упа, р. 17
- Ургенч, г. 10
- Усмась, г. 222
- Успенский собор в Ростове 31, 165
- Устье, р. 31, 166
- Финляндия 98
- Финский залив 98, 123
- Франция 134
- Харьковская губ. 107
- Херсон, г. 110
- Хилос, о. 14

- Холм, г. 47, 127
Хорезм 10, 11, 69
Хортица (Варяжский), о. 21, 34, 101, 110, 111, 113—117, 124—127, 133, 161, 168, 172, 177, 182, 187, 198, 229
Хортица, р. 21, 34, 111—114, 161, 168, 173, 178, 183, 187, 191, 200, 229, 230
- Церковщина**, урочище 100
- Чердаклы**, с. 123
Черкасская обл. 90
Чермалык, с. 123
Чернигов, г. 20, 37, 41, 69, 103, 147, 160, 161, 164, 170, 172, 180, 182, 185, 187, 190, 198, 199
Черниговская губ. 55, 107
Черниговская земля 151
Черное (Понтийское, Хазарское) море 20, 23, 31, 37, 123, 139, 157, 160, 163, 165, 170, 171, 176, 181, 186, 191, 197, 201, 202
Черный шлях 17
Чумацкая могила, курган 122
- Швеция** 98
Шевченко, с. 128
- Шемаха, г. 12
Шенбаум, с. 122
Ширван 11
Ширванское ущелье 13, 201
- Эдесса**, г. 139
Эстляндия 98, 154
Этривская пустыня 20, 23, 31, 41, 42, 157, 160, 163, 165, 171, 176, 181, 186, 191, 197
Эфиопия 20, 23, 31, 157, 160, 163, 165, 171, 176, 181, 186, 191, 197
- Юго-Западная Русь** 87, 104
Югра 58
Южная Русь 40, 41, 59, 97, 98, 104, 132
Юльевка, с. 115
Юрьева гора 32, 166
Юрьев монастырь в Новгороде 45
Юрьев-Польский, г. 97, 166
Юрьев (Тарту), г. 99, 154
- Яик** (Урал), р. 37, 151, 154, 170
Якова Св. церковь в Новгороде 19
Янчур, р. 130
Ярославль, г. 32, 166
Ярославов город в Киеве 91

Именной указатель

- Адам, библейский персонаж 29, 42, 109, 177
- Адоратский В.В. 218
- Азбелев С.Н. 58, 215
- Александр Всеволодович, кн. дубровецкий 25, 35, 36, 136, 146, 159, 169, 174, 179, 184, 189, 200
- Александр Македонский 42
- Александр Попович, богатырь кн. Владимира Мономаха 50
- Александр Попович, богатырь кн. Владимира Святого 50
- Александр Попович, ростовец 31, 32, 36, 48—54, 57, 59—61, 62, 79, 93, 165, 166, 170, 175, 179, 184, 189, 191, 192, 194—196, 216
- Александр Ярославич Невский, кн. переславский, затем вел. кн. владимирский 97
- Алексеев С.В. 54, 214
- Алеша Попович, былинный персонаж 50, 51, 54, 56, 57, 60, 155, 215, 216
- Альберт, рижский епископ 66
- Альмош, венгерский вождь 91
- Амартол Георгий, летописец 28
- Амон, библейский персонаж 42
- Андреев И.Л. 7, 207
- Андрей, кн., зять Мстислава Киевского 25, 35, 36, 136, 146, 159, 169, 174, 179, 184, 189, 200
- Андрей Станиславич, боярин 52
- Андрей Юрьевич Боголюбский, вел. кн. владимирский 96
- Аникин В.П. 216
- Аннинский С.А. 72, 227, 236
- Антоний, архиепископ новгородский 45
- Антонин (Капустин А.И.), архимандрит 15, 208, 234
- Арсентьев Н.М. 7, 207
- Арцыбашев Н.С. 65, 217
- Аскольд 91
- Астайкин А.А. 84, 87, 94, 99, 103, 113, 133, 135, 148, 222—225, 228, 229, 233, 235
- Базилевич К.В. 75, 220
- Бантыш-Каменский Д.Н. 65, 217
- Барсов Н.П. 85, 222
- Басты, великий хан 21, 34, 94—96, 104, 105, 161, 168, 172, 177, 182, 187, 198, 199, 224
- Батый, хан 17, 18, 46, 57, 82, 106, 114
- Бахрушин С.В. 220
- Бела IV, король 18

- Белова Я.Ю. 230
 Белорыбкин Г.Н. 152
 Белякова Е.С. 206
 Беляшевский Н.Ф. 225
 Бенедикт Поляк, монах 120, 121
 Бережков Н.Г. 76, 78, 220
 Березин И.Н. 65, 80, 217, 221
 Бестужев-Рюмин К.Н. 26, 209
 Бичурин Иакинф, архимандрит 8, 207
 Бобылева Д.Д. 206
 Божко Р.П. 232
 Боннель Э.И. 66, 67, 217, 218
 Борис, св. кн. 196
 Бравлин, кн. новгородский 140
 Бранденбург Н.Е. 121, 122, 231
 Бридиа Ц., де 120
 Брунон, архиепископ 86, 223
 Бубенок О.Б. 15, 139, 208, 234
 Будовниц И.У. 42, 211, 212
 Бузескул В.П. 153, 236
 Буланин Д.М. 210, 211
 Бухарин Н.И. 73
- Василий Васильевич Темный,**
 вел. кн. 61
Василий Константинович, кн. ростовский 61
Василий Михайлович, кн. кашинский 90
Васильевский В.Г. 141, 234
Василько Гаврилович, воевода, кн. (?) 22, 35, 135, 136, 145, 148, 162, 169, 174, 179, 183, 188
Василько Константинович, кн. ростовский 20, 33, 37, 40, 41, 98, 102, 147, 148, 160, 164, 167, 170, 177, 180, 185, 190, 199
Василько Романович, кн. волынский 21, 26, 77, 161, 172, 182, 199
Вернадский Г.В. 109, 228
- Веселовский А.Н.** 215
Веселов Ф.Н. 211, 212, 220
Вильгельм Моденский, папский легат 66
Виппер Р.Ю. 218
Владимир Василькович, кн. волынский 47
Владимир Всеволодович Мономах, вел. кн. 22, 27, 35, 50, 56, 60, 162, 169, 174, 184, 188
Владимир Глебович, кн. переяславский 41
Владимир Игоревич, кн. галицкий и путивльский 96
Владимир Рюрикович, кн. смоленский 32, 34, 36, 71, 76, 77, 102, 104, 105, 143, 149—151, 166, 168, 170, 172, 175, 178, 180, 182, 185, 187, 189, 192, 198, 204, 205
Владимир Святославич, вел. кн. 27, 49, 50, 53, 54, 56, 57, 59, 60, 86, 87, 92, 94, 140
Владимир Ярославич, кн. новгородский 92
Водозов Н.В. 48, 210, 213
Володарь Ростиславич, кн. перемышльский 49, 50
Волчий Хвост, воевода 52, 53
Всеволод Александрович, кн. тверской 90
Всеволод Мстиславич, кн. киевский 21, 33, 161, 167, 172, 177, 182, 187, 198, 200
Всеволод Ольгович, кн. черниговский 33, 167
Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, вел. кн. владимирский 20, 31, 95, 97, 160, 164, 165
Всеволод Юрьевич, княжич владимирский 98, 99
Всеволод Ярославич, вел. кн. киевский 92, 93, 95

- Всеслав Брючиславич, кн. полоцкий 92
 Выучейский К.А. 232
 Вячеслав Владимирович, вел. кн. киевский 92, 93
 Вячеслав Ярославич, кн. смоленский 92
 Вячко, кн. 154
- Г**
 Галстян А. 208
 Гандзакеци Киракос 12, 144, 208, 234
 Гартман А.В. 221, 233
 Горявин А.Н. 221
 Гатин М.С. 217, 218
 Гедеон, библейский персонаж 20, 23, 31, 39, 42, 157, 160, 163, 165, 171, 176, 181, 186, 191, 197
 Гемябек, воевода 24, 34, 71, 115—117, 133, 158, 168, 173, 178, 182, 187, 198
 Генрих II, император 86, 223
 Генрих Латвийский 66, 67, 105, 107, 149, 219, 227, 228
 Генсёрский А.И. 47, 212
 Георгий IV Лаша, царь 12
 Герасимов М.М. 57
 Герберштейн Сигизмунд 217
 Геродот 15
 Гильфердинг А.Ф. 55, 56, 214
 Гимон Т.В. 212
 Гиппиус А.А. 45, 212
 Глеб, св. кн. 196
 Глеб Святославич, кн. тмутараканский 16
 Головка А.Б. 88, 94, 99, 147, 207, 209, 223, 224, 235
 Голыженков А. 84, 103, 135, 206, 220, 222, 226, 227, 232, 233, 235
 Горовенко А.В. 47, 213
 Греков Б.Д. 75, 208, 219
 Греков И.Б. 103, 227
- Григорович В.И. 230
 Григорьев А.Д. 214
 Грушевский М.С. 26, 137, 210, 233
 Гудзий Н.К. 40, 211
 Гумилев Л.Н. 108, 109, 138, 226, 228, 233
 Густав Адольф II, король 134
- Д**
 Давид, мифический король 144
 Даль В.И. 138, 140, 233, 234
 Даниил Кобякович, хан 14, 24, 33, 104, 157, 167, 171, 176, 181, 186, 197
 Даниил Романович, кн. волынский, затем галицкий 21, 22, 26, 33—35, 43, 46, 47, 71, 76—79, 87, 105, 114, 127, 135—137, 145, 161—163, 167—169, 172—174, 177—179, 182—184, 187—189, 198—200, 221
 Данилевский И.Н. 7, 207, 210, 212
 Данилов А.А. 7, 207
 Дашкевич Н.П. 56, 214, 215
 Дегтярев А.Я. 7, 207
 Демьян, тысяцкий 47
 Держикрай Владиславич, воевода 21, 34, 112, 161, 168, 173, 178, 183, 188
 Джебе 11—13, 17, 104, 117, 142, 207
 Джучи 69, 142, 143
 Дир 91
 Длугош Ян 132, 133, 148, 149, 233
 Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. 139, 140, 149
 Добрынка, киевский боярин 60
 Добрыня Галичанин 60
 Добрыня Долгий, суздальский боярин 60

- Добрыня Никитич, былинный персонаж 50, 56, 57, 59
- Добрыня, новгородский посадник 60
- Добрыня Рагуилович, новгородский воевода 60
- Добрыня Ядрейкович, новгородский архиепископ 60
- Доленга-Ходаковский З. 110, 229
- Долмат, новгородский архиепископ 45
- Домажиричи, боярский род 112
- Дрозд, воевода 52, 53
- Дубов И.В. 207, 216
- Дубровский П.П. 63, 64, 108, 132
- Екатерина II, императрица 64, 217
- Елисеев М.Б. 84, 102, 220, 222, 226
- Ельников М.В. 115, 230, 232
- Епифанов П.П. 220
- Еремий Команский, св. муч. 217
- Еремин И.П. 62, 216
- Ермий Далматский, св. апостол 65, 217
- Ермий Команский, св. муч. 20, 25, 36, 39, 63, 65, 67, 71, 74, 76, 82, 133, 159, 160, 164, 170
- Есугэй-багатур 10
- Ефименко А.Я. 218
- Жарко С.Б. 84, 222
- Зеленский Ю.В. 84, 103, 222, 224, 226
- Ибн аль-Асир 11—14, 17, 18, 65, 67, 71, 72, 75, 76, 78, 81, 109, 131, 136, 151
- Ибн Саид 141
- Иван IV Грозный, царь 104
- Иван Васильевич, вел. кн. рязанский 89
- Иван Данилович Калита, вел. кн. 61
- Иван Дмитриевич, воевода 22, 35, 131, 135, 145, 162, 169, 173, 178, 183, 188
- Иван, епископ холмский 47
- Игорь Глебович, кн. рязанский 97
- Игорь, кн. киевский 110
- Игорь Святославич, кн. новгород-северский 14, 96, 134
- Игорь Ярославич, кн. волынский, затем смоленский 92
- Идолище Поганое, былинный персонаж 60
- Измаил, библейский персонаж 20, 23, 33, 42, 157, 160, 164, 167, 171, 181, 186, 191, 197
- Измайлов И.Л. 152
- Изяслав Владимирович, кн. 96, 200
- Изяслав Ингваревич, кн. 25, 36, 159, 170, 175, 179, 184, 189, 200
- Изяслав Мстиславич, вел. кн. киевский 91—93
- Изяслав Ярославич, вел. кн. киевский 92
- Иловайский Д.И. 49, 67, 110, 213, 229
- Ильминский Н.И. 72, 219
- Илья Муромец, былинный персонаж 56, 57, 59, 155
- Ингигерд (Ирина), жена Ярослава Мудрого 91
- Инков А.А. 223
- Иннокентий IV, римский папа 120
- Иоанн, житель Сурожа 141
- Иоанн, киево-печерский игумен 28
- Иоанн, мифический пресвитер 144

- Исмаил, военачальник 142, 143
 Истрин В.М. 211
 Итларь, хан 60
- Кадашевский А.А.** 227
Калинкин В.М. 231
 Калинин-царь, былинный персонаж 57
Калугин В.И. 214, 215
Карамзин Н.М. 64, 65, 68, 75, 100, 153, 217, 225, 235
Каратеев М. 235
Каргалов В.В. 207, 220, 228
Каргер М.К. 100, 225
Кармазина Н.В. 232
Килиджарслан, род 202
Кирилл, епископ ростовский 39
Кирилл, митрополит всея Руси 47
Кирими, крымский историк 120
Кириченко А. 220
Кирсанов Е.В. 233
Кияшко В.Я. 75, 219
Клосс Б.М. 52, 53, 93, 209, 214, 224
Ключевский В.О. 155
Кобяк, хан 14
Ковальчик Э. (Kowalczyk E.) 85, 222
Колыванов Самсон 58
Комарович В.Л. 211, 212
Константин VII Багрянородный, император 101, 226
Константин Васильевич, кн. ростовский 61
Константин Всеволодович, кн. ростовский 20, 31, 32, 37, 38, 51, 52, 97, 98, 161, 164—166, 199, 216
Кончак, хан 14, 95, 96
Конявская Е.Л. 94, 224
Кормиличичи, боярский род 112
Королев И.Е. 214, 215
Косиков В.А. 232
- Костомаров Н.И.** 68, 218
Косулина Л.Г. 7, 207
Котляр М.Ф. 84, 222
Котян, хан 18, 24, 33, 85—87, 95, 96, 104, 105, 148, 157, 158, 167, 171, 172, 176, 177, 181, 186, 191—195, 197—199
Кравченко Э.Е. 126, 127, 232, 235
Крачковский И.Ю. 72
Кривошеев Ю.В. 216, 230
Кудряшов К.В. 117, 125, 126, 127, 230, 232
Кузнецов А.А. 77, 98, 220, 225, 236
Кузьмин А.В. 228
Куник А.А. 6, 26, 66, 67, 71, 72, 76, 84, 207, 209, 218, 219, 221
Курмановский В.С. 226
Кучера М.П. 85, 86, 223
Кучкин В.А. 99, 105, 225, 227, 236
- Лаврентий, монах, летописец** 19
Лассота Эрих 59, 215
Лебединцев Н.Г. 225
Ленин В.И. 70, 218
Леонтьев А.Е. 216
Литвина А.Ф. 95, 225
Лихачева О.П. 209
Лихачев Д.С. 39, 40, 48—52, 54, 61, 210, 211, 213, 215
Логунова Г.В. 220
Лосев В.В. 232
Лот, библейский персонаж 42
Лука, архиепископ запорожский и мелитопольский 155
Лурье Я.С. 76, 209, 220, 221
Ляскоронский В.Г. 85, 113, 118—120, 147, 229, 231, 235
- Мавлиев А.** 103, 104, 227
Мавродин В.В. 229

- Майков Л.Н. 56, 215
 Майоров А.В. 211, 229
 Макарова Т.И. 235
 Макаров М.Н. 222
 Максимов Е.В. 225
 Макферсон Дж. 55
 Мамай, темник 120, 139, 156
 Мария Михайловна, кнг. ростов-
 ская 40
 Марков А.В. 56, 58, 214, 215
 Маркс К. 69, 218
 Маслово С.А. 229
 Масловский Д.Ф. 141, 234
 Матвеев Иван, казак 209
 Матфей Парижский 77, 220
 Медведева И.Н. 234
 Мезенцев А.И. 123
 Мефодий, епископ патарский
 20, 23, 29, 30, 39, 41, 42, 157,
 160, 163, 165, 171, 176, 181,
 186, 191, 197
 Меховский Матвей 132, 233
 Миллер В.Ф. 56—58, 60, 214,
 215
 Милькин П. 206
 Михаил Всеволодич, кн. перея-
 славский 21, 33, 149, 161,
 167, 172, 177, 182, 187, 191,
 192, 198, 200
 Михаил Федорович, царь 151
 Моав, библейский персонаж 42
 Мозговой В.И. 231
 Моргунов Ю.Ю. 226
 Мориц Оранский 134
 Мстислав Владимирович Вели-
 кий, вел. кн. киевский 35, 88
 Мстислав Владимирович, кн.
 новгородский 28
 Мстислав Всеволодович, кн. чер-
 ниговский и козельский 22,
 104
 Мстислав Изяславич, вел. кн.
 киевский 33, 167, 177, 178,
 179, 182, 187
 Мстислав Мстиславич Удатный,
 кн. галицкий 7, 20—22, 24,
 25, 32—36, 43, 45, 52, 53, 69,
 76, 84, 87, 88, 93, 94, 96, 97,
 102, 104, 112, 115, 117, 125,
 131, 135, 137, 143—146,
 148—150, 153, 157—162,
 164, 166—173, 175—178,
 180—184, 186—189, 191—
 195, 197—200, 204, 205, 223
 Мстислав Романович, кн. киев-
 ский 7, 20—22, 25, 32—36,
 52, 53, 64, 71, 76, 83, 84, 87,
 93, 99, 102, 104, 105, 117,
 119, 122, 124, 125, 128, 129,
 131, 135—138, 142, 143,
 149—151, 153, 158—162,
 164, 166—175, 177—180,
 182—189, 191, 194, 195,
 197—200, 204, 205
 Мстислав Святославич, кн. чер-
 ниговский и козельский 20—
 22, 25, 33, 35, 36, 87, 93, 102,
 117, 135, 142, 143, 150, 159—
 162, 164, 167—170, 172, 173,
 175, 177—179, 182—184,
 187—189, 198—200, 204
 Мстислав Ярославич Немой, кн.
 луцкий 22, 35, 145, 162, 169,
 174, 179, 184, 188
 Мурзаев Э.М. 209
 Мусиенко А.В. 206
 Мухаметов Ф.Ф. 105, 138, 227,
 233
 Мухаммад, пророк 12
 Мухаммад, хорезмшах 11, 111
Назаренко А.В. 211
 Нарожный Е.И. 209
 Насонов А.Н. 29, 74, 210, 219
 Нестеренко А.Н. 221, 223
 Нестор, летописец 27, 28, 91
 Никитин С.А. 57
 Никольский К., протоиерей 221

- Никон, киево-печерский игумен 28
- Новикова Ю.Н. 231
- Новицкий Г.А. 220
- Оглоблин Н.** 86
- Олег Вещий, кн. киевский 114
- Олег, кн. курский 22, 35, 100, 136, 145, 163, 169, 174, 179, 184, 189
- Олег Святославич, кн. древлянский 27, 28
- Оллсен Т.Т. (Allsen T.T.) 208
- Ольбег Ратиборич, прототип Алеши Поповича 60
- Ольга, кн. 91
- Ольма 91
- Омелян В. 156
- Ончуков Н.Е. 214
- Орлов А.С. 75, 219
- Оссиан, сказитель 55
- Отин Е.С. 126
- Паллас П.С.** 118, 235
- Панкратова А.М. 220
- Панова Л.С. 232
- Параскева, жительница Сурожа 141
- Пахомий Логофет 51
- Пашуто В.Т. 47, 48, 77, 110, 212, 213, 220, 228, 229
- Пеголотти, флорентиец 139
- Пенской В.В. 104, 227
- Перхавко В.Б. 234
- Петр I, император 68
- Петр Акеревич, игумен 77, 220
- Петрашенко В.В. 225
- Петрушевский И.П. 105, 227
- Пиневиц П.М. 125, 129, 232
- Плано Карпини И., де 114, 118, 120, 229, 230
- Платонов С.Ф. 67, 68
- Плахонин А.Г. 235
- Пленко Сорожанин, былинный персонаж 140
- Плетнева С.А. 15, 103, 104, 138, 208, 222, 227, 233, 235
- Плоскиня, воевода бродников 25, 36, 119, 122, 136, 138, 139, 142, 146, 159, 170, 174, 179, 184, 189
- Погодин М.П. 65, 217
- Покровский М.Н. 70, 72, 73, 218
- Полевой Н.А. 65, 217
- Попело А.В. 234
- Попель Р.И. 223
- Попов Г.Г. 226, 227
- Попович П.Р. 61
- Поротников В.П. 206
- Поу С. (Pow S.) 117, 230
- Предслава Рюриковна, кн. 77
- Приселков М.Д. 29, 38, 47, 210, 211, 221
- Прокопьев А.Ю. 215
- Пронштейн А.П. 75, 219
- Прохоров С.М. 54, 214
- Пчелов Е.В. 84, 102, 222, 226, 230
- Пшеничный А.С. 125
- Пыпин А.Н. 217
- Рабинович Р.А.** 229
- Разин Е.А. 235
- Рапов О.М. 93, 224
- Раппопорт П.А. 226
- Ратибор, боярин 32, 166
- Ратибор, тысяцкий 60
- Рашид ад-Дин 11, 65, 118, 132, 136, 207, 217, 230, 233
- Рейзов И.М. 209
- Рогнеда Мстиславна, кн. 101
- Родман, кн. печенежский 50
- Роман I Лакапин, император 29
- Роман Мстиславич, кн. галицко-волынский 22, 77, 78, 162, 174, 184, 187, 188, 198

- Романов В.К. 13, 84, 87, 94, 125—127, 209, 222—224, 232
- Роман Ростиславич, вел. кн. киевский 32, 36, 64, 166, 170, 177, 182, 198
- Ростислава Мстиславна, кн. 97
- Ростислав Владимирович, кн. тмутараканский 92
- Ростислав Мстиславич, кн. смоленский 32, 33, 35, 36, 93, 101, 166, 167, 169, 170, 175, 177—180, 185, 197, 199
- Ростислав Рюрикович, вел. кн. киевский 93
- Рубрук Гильом, де 140, 234
- Рудаков В.Н. 210, 211, 212
- Рудольф II, император 59, 215
- Русев Н.Д. 228, 229
- Рыбаков Б.А. 60, 82, 215, 220, 221
- Рыбников П.Н. 55, 56, 214
- Рюриковичи 88, 93, 94, 96
- Рюрик Ростиславич, вел. кн. киевский 77, 78, 90
- Рябиков В.В. 206
- Савва, игумен новгородского Юрьева монастыря 45
- Савельев А.Н. 103, 226
- Савельев Ю.Е. 84, 222
- Саламатова (Зарипова) А.Н. 224
- Салтыков А.Б. 70—72, 74, 219
- Сальвио де Сальви, папский легат 106
- Сара, библейский персонаж 42
- Сарбаш И.Г. 125
- Саханев В.В. 123, 124, 126, 232
- Сахаров И.П. 54, 214
- Свердлов М.Б. 48, 213
- Святополк Изяславич, вел. кн. киевский 147
- Святослав Всеволодович, кн. суздальский 98
- Святослав Ольгович, кн. каневский 25, 36, 93, 159, 170, 174, 179, 184, 189, 200
- Святослав Ольгович, кн. черниговский 102, 182, 187, 198, 200
- Святослав Рюрикович, кн. шумский 25, 36, 159, 170, 175, 179, 184, 189, 200
- Святослав Ярославич, вел. кн. киевский 92
- Селезнев Ю.В. 103, 213, 226
- Семен Олюевич (Ольгович), воєвода, кн. (?) 22, 35, 135, 145, 148, 162, 169, 174, 179, 183, 188
- Сердобольская Л.А. 75, 84, 220, 222
- Сильвестр, игумен Выдубицкого монастыря 27, 28
- Синор Д. 107, 228, 234
- Сиренко В.А. 155, 232
- Смирнов Ю.И. 50, 54
- Смолицкий В.Г. 50, 54
- Соков П.В. 209
- Соколов Д.Г. 231
- Соколов Р.А. 230
- Сокульский А.Л. 111, 228, 229
- Солиева С.Ш. 221
- Солнцев Н.И. 210
- Соловьев С.М. 49, 68, 213, 218
- Сопов А.В. 233
- Сосенков Ф.С. 215
- Спиридон, новгородский архиепископ 45
- Спицын А.А. 113, 229
- Срезневский И.И. 26, 117, 210
- Сталин И.В. 73
- Степанов В.П. 229
- Степанов Н.В. 68, 69
- Стефанович П.С. 7, 207
- Строев П.М. 27
- Строков А.А. 102, 226

- Субедей 11—13, 17, 95, 104, 142, 143, 151, 152, 207, 208
 Суровец-богатырь, былинный персонаж 140
- Таирова Т.Г.** 215
 Тамара, царица 12
 Тарасенко Е.Н. 114, 115, 127, 128, 132, 209, 221, 230, 232, 233
 Татищев В.Н. 64, 71, 75, 83, 85, 89, 96, 98, 102, 104, 105, 107, 118, 141, 144, 146—151, 153, 206, 217, 222, 225—227, 231, 234, 235
 Тельнов Н.П. 229
 Тешухан, воевода 25, 36, 136, 146, 159, 169, 174, 179, 184, 189
 Тизенгаузен В.Г. 72, 219
 Тилло А.А. 124
 Тимоня (Добрыня) Золотой Пояс 32, 49, 51, 52, 166, 180
 Тимофей, пономарь, летописец 19, 45, 82
 Тимохин Д.М. 111, 207, 229, 230
 Титова Е. 229
 Тихвинский С.Л. 207
 Тихомиров М.Н. 43, 79, 103, 212, 221, 223, 227
 Тишин В.В. 230
 Токарева А.Я. 7, 207
 Толочко А.П. 77, 78, 92, 221, 224
 Толочко П.П. 45, 208, 212
 Тороп, слуга Александра Поповича 31, 32, 49, 51—53, 165, 166, 180
 Тохтамыш, хан 120
 Трефильев Е.П. 123, 231
 Трофимова Н.В. 213
 Тугарин Змеевич, былинный персонаж 51, 54, 60
 Тугоркан, хан 60
 Тукучар 11, 104
- Ужанков А.Н.** 47, 212
 Урланис Б.Ц. 107, 228
 Успенский Ф.Б. 95, 225
- Фарукшин Ф.Т.** 152, 235
 Фасмер М. 231
 Федор Васильевич, кн. ростовский 61
 Федор Васильевич, кн. рязанский 89
 Федоров-Лантух С.А. 105, 227
 Федор Стратилат, св. муч. 81, 82
 Федосов И.А. 220
 Феннел Дж. (Fennell J.) 18, 206, 208—210
 Феодосия Игоревна, кн. переславская 97
 Филимонов А.В. 206
 Филин Н.В. 215
 Фотий, митрополит всея Руси 48, 51
 Фохт А.В. 220
- Хаара-Даван Э.** 227, 235
 Хаутала Р.В. 211
 Хитров Д.А. 232
 Хмыров М.Д. 84, 222, 225
 Хомяков А.С. 55
 Храпачевский Р.П. 102, 109, 142, 151, 208, 226, 228, 235
 Хрусталеv Д.Г. 103, 135, 142, 207, 208, 210, 222—224, 226, 233, 234
 Худу, хан 208
- Цыб С.В.** 79—81, 132, 208, 221, 233
 Цюрупа А.Д. 110
- Чегирхан, воевода** 25, 36, 136, 146, 159, 169, 174, 179, 184, 189
 Челеби Эвлий 16
 Черепнин Л.В. 46, 48, 74, 75, 82, 88, 109, 137, 212, 213, 218, 219, 221, 223, 228, 233

- Черкасс Б.В. 120, 231
Черникова Т.В. 7, 207
Чернявский С.Н. 223
Чиликин К.П. 7, 207
Чимитдоржиев Ш.Б. 108, 228
Чингизиды 10, 106, 143
Чингисхан 8, 10, 11, 18, 23, 69,
104, 111, 152, 163, 175, 185,
190, 203, 208, 227
Чичинов В.А. 208, 221, 233
Чоботок, богатырь 59
Чурила Пленкович, былинный
персонаж 140
- Шамбинаго С.К.** 56
Шаруканы, половецкий род 60
Шахмагонов Ф.Ф. 103, 227
Шахматов А.А. 26—30, 37, 38,
43, 44, 47, 210
Шестаков А.В. 219
Шинаков Е.А. 226
Шлецер А.Л. 27, 210
Шлоссер Ф.К. 69, 218
Шмаков И. 122, 124, 126, 231
Шпаковский В.О. 206
- Щавелева Н.И.** 233
Щербатов М.М. 64, 217
- Эммаусский А.В.** 38, 111, 134,
135, 211, 219, 223, 225, 229,
233
Энгельс Ф. 218
- Юлиан, монах** 106, 154
Юрасов М.К. 7, 207
Юрий Владимирович Долгору-
кий, вел. кн. киевский 96, 101
Юрий Всеволодович, вел. кн.
владимирский 20, 21, 31—33,
38, 43, 51, 52, 96—99, 102,
154, 160, 161, 164—167, 172,
177, 180, 182, 185, 190, 192,
199, 200, 216
- Юрий Домажирич, воевода 21,
22, 34, 112, 115, 161, 162,
168, 173, 178, 183, 188
Юрий, кн. несвижский 25, 36,
159, 170, 175, 179, 184, 189
Юрий Кончакович, хан 14, 21,
24, 33, 95, 96, 104, 157, 161,
167, 171, 176, 181, 186, 197,
208, 224
Юрий Мстиславич, кн. чернигов-
ский 200
Юрченко А.Г. 106, 228
Юрята, боярин 32, 166
Юсупович А. 229
- Языков Д.И.** 210
Якубовский А.Ю. 208, 219
Янин В.Л. 60, 215
Ян Усмошвец, легендарный бога-
тырь 50
Ярослав Владимирович Мудрый,
вел. кн. киевский 27, 28, 81,
82, 90—93, 96
Ярослав Всеволодович, кн. пер-
еславский, затем вел. кн.
владимирский 32, 38, 43, 52,
95—97, 99, 148, 166, 191,
192
Ярослав Ярославич, вел. кн. вла-
димирский 45
Ярун, воевода, кн. (?) 25, 35, 43,
104, 135, 145, 148, 158, 169,
173, 174, 178, 179, 183, 184,
189, 235
- Gabriel R.** 206
Jackson P. 206
Marshall R. 206
Nicolle D. 206
Shpakovsky V. 206

Для возрастной категории 16+

Аверьянов Константин Александрович

БИТВА НА КАЛКЕ. 1223 г.

**Русские княжества накануне
монголо-татарского нашествия**

Ответственный редактор *А.Ю. Безугольный*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректоры *А.В. Максименко, Т.В. Соловьева*

Подписано в печать 26.04.2023.

Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «LiterturnayaС».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44.

Уч.-изд. л. 12,80 + вклейки = 14,11.

Тираж 2 000 экз. Заказ №

ООО «Издательство ЦП»

111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15

E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ООО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@r-d-p.ru р-д-п.рф

**Издательство «Центрполиграф» представляет серию
«Новейшие исследования по истории России»**

- Вып. 1. Соколов К.И.* Пламя над Волгой. Крестьянские восстания и выступления в Тверской губернии в конце 1917—1922 гг.
- Вып. 2. Пенской В.В.* Центурионы Ивана Грозного. Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в.
- Вып. 3. Черкасова М.С.* Северная Русь. История сурового края. XIII—XVII вв.
- Вып. 4. Морозова О.М.* Генерал Иван Георгиевич Эрдели. Страницы истории Белого движения на Юге России.
- Вып. 5. Пенской В.В.* Очерки истории Ливонской войны. От Нарвы до Феллина. 1558—1561 гг.
- Вып. 6. Абакумов О.Ю.* Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826—1866 гг.
- Вып. 7. Посадский А.В.* Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918—1922 гг.
- Вып. 8. Волвенко А.А.* Донское казачество поздней имперской эпохи. Земля. Служба. Власть. Вторая половина XIX в. — начало XX в.
- Вып. 9. Коршунова Н.В.* Крах политической доктрины императора Павла I, или Как нельзя управлять страной.
- Вып. 10. Шинаков Е.А.* От Чернигова до Смоленска. Военная история юго-западного русского порубежья с древнейших времен до XVII в.
- Вып. 11. Аверьянов К.А.* Загадка завещания Ивана Калиты. Присоединение Галича, Углича и Белоозера к Московскому княжеству в XIV в.
- Вып. 12. Магилина И.В.* Посольство монахов-кармелитов в России. Смутное время глазами иностранцев. 1604—1612 гг.
- Вып. 13. Малето Е.И.* Средневековая Русь и Константинополь. Дипломатические отношения в конце XIV — середине XV в.
- Вып. 14. Пенской В.В.* Военное дело Московского государства. От Василия Темного до Михаила Романова. Вторая половина XV — начало XVII в.
- Вып. 15. Темушев В.Н.* Русско-литовское пограничье. Гомельская земля в конце XV — первой половине XVI в.
- Вып. 16. Бенцианов М.М.* «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV—XVI вв.
- Вып. 17. Ганин А.В.* Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917—1922 гг.
- Вып. 18. Котышев Д.М.* От Русской земли к земле Киевской. Становление государственности в Среднем Поднепровье. IX—XII вв.
- Вып. 19. Сеницын Ф.Л.* Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917—1991.
- Вып. 20. Короткова Д.А.* Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав.
- Вып. 21. Пенской В.В.* Полоцкая война. Очерки истории русско-литовского противостояния времен Ивана Грозного. 1562—1570.
- Вып. 22. Аверьянов К.А.* Рождение Древней Руси. Взгляд из XXI века.
- Вып. 23. Кисин С.В.* Император Николай I и его эпоха. Донкихот самодержавия. 1825—1855 гг.
- Вып. 24. Володихин Д.М.* Средневековая Москва. Столица православной цивилизации.
- Вып. 25. Долгов В.В.* Феномен Александра Невского. Русь XIII века между Западом и Востоком.
- Вып. 26. Аверьянов К.А.* Великая княгиня Владимирская Мария. Загадка погребения в Княгининском монастыре.

- Вып. 27. Володихин Д.М.* Князь Иван Шуйский. Воевода Ивана Грозного.
- Вып. 28. Федосов А.В.* Готы и славяне. На пути к государственности. III–IV вв.
- Вып. 29. Бей Е.В.* Генерал В.А. Сухомлинов. Военный министр эпохи Великой войны.
- Вып. 30. Бенцианов М.М.* Служилые элиты Московского государства. Формирование, статус, интеграция. XV—XVI вв.
- Вып. 31. Федосов А.В., Раффенспергер К.* Королевство Русь. Древняя Русь глазами западных историков.
- Вып. 32. Боровков Д.А.* Междукняжеские отношения на Руси. X – первая четверть XII в.
- Вып. 33. Боровков Д.А.* Владимир Мономах. Между историей и легендой.
- Вып. 34. Михайлович Д.М., Володихин Д.М.* Московское царство. Процессы колонизации XV—XVII вв.
- Вып. 35. Кисин С.В.* Генерал Деникин. За Россию, Единую и Неделимую.
- Вып. 36. Волвенко А.А.* Казачество и власть накануне Великих реформ Александра II. Конец 1850-х — начало 1860-х гг.
- Вып. 37. Лашков А.Ю.* Воздушный фронт Первой мировой. Борьба за господство в воздухе на русско-германском фронте (1914—1918).
- Вып. 38. Ходаков И.М.* Московский поход генерала Деникина. Решающее сражение Гражданской войны в России. Май — октябрь 1919 г.
- Вып. 39. Евдокимов Р.Н.* Казаки на «захолустном фронте». Казачьи войска России в условиях Закавказского театра Первой мировой войны. 1914—1918 гг.
- Вып. 40. Пенской В.В.* Иван Грозный. Начало пути. Очерки русской истории 30—40-х годов XVI века.
- Вып. 41. Кисин С.В.* Петр Столыпин. Последний русский дворянин.
- Вып. 42. Воротынец Л.В.* На границе Великой степи. Контактные зоны лесостепного пограничья Южной Руси в XIII – первой половине XV в.
- Вып. 43. Зорихин А.Г.* Военная разведка Японии против России. Противостояние спецслужб на Дальнем Востоке. 1874—1922.

К.А. АВЕРЬЯНОВ

БИТВА НА КАЛКЕ 1223 г.

Русские княжества
накануне монголо-татарского
нашествия

Аверьянов Константин Александрович родился в Москве в 1959 г. Окончил исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина и факультет журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Автор более 400 работ по отечественной истории IX–XVII вв., истории Москвы и Подмосковья, исторической географии России.

Хотя битва на Калке, ставшая первым столкновением Руси с монголо-татарами, входит в обязательную программу всех школьных и вузовских учебников, она остается во многом загадочной для историков. Споры идут о месте сражения, поскольку на современных картах реки с таким названием нет. Дискуссии разворачиваются не только о дне, но даже о годе битвы. Нет единства мнений о численности сражавшихся, маршруте движения противников. Каким образом с битвой связаны знаменитая комета Галлея и Карл Маркс, участвовал ли в битве русский богатырь Алеша Попович, какую роль сыграла река Калка в судьбе ордынского темника Мамай? Можно ли сейчас, по прошествии 800 лет, восстановить события прошлого? На основе анализа всей совокупности исторических источников автор отвечает на эти и другие вопросы.

ISBN: 978-5-227-10445-8

Выпуск 44